

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. П. СЕМЕНОВА

ПЕРЕПИСКА ФЕТА с Н. П. СЕМЕНОВЫМ (1884–1892)

Публикация Н. П. Генераловой

Переписка А. А. Фета с известным деятелем крестьянской реформы сенатором Николаем Петровичем Семеновым (1823–1904) не велика по объему — всего 35 писем (часть переписки, как видно из сохранившихся писем, утрачена), но значение ее для истории русской общественной мысли трудно переоценить. Ведь оба корреспондента принадлежали к людям, имевшим самое непосредственное отношение к едва ли не главному событию XIX столетия — отмене крепостного права в России. Однако если по отношению к Н. П. Семенову, занимавшему не только заметное место в государственной иерархии, но и в публицистике 1860-х — 1880-х годов, сказанное относится со всей очевидностью, то в отношении Фета подобное утверждение требует дополнительных аргументов, поскольку большинство его публицистических статей публиковалось под псевдонимом.

Принявший непосредственное участие в осуществлении реформы 1861 года в качестве хозяина-фермера, Фет сумел не только поднять свое хозяйство и превратить купленную им землю в Степановке (Орловской губернии) в благоустроенные поля и леса, но и зафиксировать свой опыт в ряде ярких публицистических статей, печатавшихся в современной периодике.¹ Давая краткий обзор деревенских очерков Фета, Е. А. Тархов верно заметил, что значение их выходит далеко за пределы биографического интереса: «...упорная борьба Фета за осуществление „земледельческого идеала“ отнюдь не сводилась к „фермерской программе“ нового, прогрессивного хозяйствования; деятельность Фета вдох-

¹ См. публикацию этих статей: *Фет. ССUII*. Т. 4. С. 121–388.

новляла иная идея: среди катастрофического кризиса всей помещичьей жизни, оскудения и разорения дворянских усадеб, всеобщего убеждения в исчерпанности исторической роли дворянства как сословия — наперекор всему этому стремиться к осуществлению нового *человеческого идеала земледельца*: а таковым был для Фета среднепоместный дворянин». ² Продолжая мысль исследователя, можно сказать, что значение деревенских очерков Фета выходит далеко за рамки не только биографического интереса, но и более общего интереса к судьбам среднепоместного дворянства. Судьба дворянства была неразрывно связана с судьбой крестьянства, а значит и всего народа. Именно в таком качестве — размышлений о судьбе русского народа и судьбы России очерки Фета входят в более поздний пласт публицистики, составляя с нею органическое целое.

Вынужденный уход из литературы вследствие ожесточенной критики, которой подверглось творчество Фета в конце 1850-х — начале 1860-х годов со стороны революционных демократов, в определенной степени способствовал расцвету его публицистического дара. Опыт Фета был тем более важен, что он провел его в виде «чистого эксперимента», не будучи обременен, подобно многим собратьям по перу, необходимостью урегулировать свои отношения с бывшими крепостными, поскольку таковыми никогда не владел. Сумев преодолеть возникающие на каждом шагу новых экономических отношений трудности, Фет осмыслял происходящее широко и смело, ставил и решал вопросы в острой, подчас лишь ему свойственной парадоксальной форме. При этом, несмотря на «утопичность» того земледельческого идеала, к осуществлению которого он стремился, логика его мысли и действия по сей день не кажутся лишенными практического значения, ведь неосуществимость идеала вовсе не означает его неистинность.

Говоря об идеологическом облике Фета, следует, однако, иметь в виду существенную особенность его позиции. Как верно писал А. Е. Тархов, «если уж искать название для его далеко не прогрессивной идеологии, то скорее всего ее следует назвать почвенническим консерватизмом». ³ Но позиция Фета по ряду существенных вопросов заметно отличалась от позиции тех, с кем он как публицист оказался в одном ряду. Так, например, он принципиально расходился в вопросе об отношении к со-

² Тархов А. Е. Проза Фета-Шеншина // Фет А. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 373–374.

³ Там же. С. 375.

словиям с таким видным представителем консервативного лагеря, как К. Н. Леонтьев. Анализируя статью Фета «По поводу отзывов земств о преобразовании местных учреждений», напечатанную в № 14 «Московских ведомостей» от 14 января 1888 года, и отклик на нее Леонтьева, современный исследователь пишет: «Позиция Фета синтетична. Сторонник „известной иерархии“, он пришел к проповеди хозяйственной и правовой свободы для крестьянина через вопрос о его ответственности».⁴

Вера в будущее земледельческой России, убежденность в неотделимости вопроса о земле от исторически обусловленного пути российской государственности представляют историософию Фета глубоко укорененной в реалиях русской жизни, построенной не на вымышленных теориях, а вырастающей из самой действительности. Недаром, рассуждая, к примеру, о земельных вопросах, Фет писал: «В земледельческом, как и во всяком другом хозяйстве, только то имеет прочную будущность, что развивается из собственных средств и в силу естественных условий».⁵ Более всего его возмущали попытки бездумного заимствования чужих форм жизни и насильственного внедрения их в чуждую среду.

Понятие экономии, существования по средствам было одним из заветных убеждений Фета. Оно же нередко становилось источником обвинения его в скупости и даже «скарденности». Между тем расточительству дворян он ставил в пример крестьян, когда писал: «Крестьянин почерпнул свой быт не из академий, трактатов и теорий, а из тысячелетней практики, и потому быт его является таким органическим целым, стройности и целесообразности которого может позавидовать любое учреждение».⁶

Важнейшим вопросом для Фета, как и для всех публицистов, кто касался положения дел в сельском хозяйстве, был вопрос о сохранении или упразднении крестьянской общины. Например, К. Леонтьев, сторонник укрепления сословных привилегий дворянства,⁷ выступал в то же

⁴ Добряков С. В. Незамеченный спор (К. Леонтьев и А. Фет: К истории взаимоотношений) // *Фетовские чтения (XVII)*. Курск, 2003. С. 248.

⁵ <Фет А. А.> На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. М., 1884. С. 46.

⁶ *Фет. ССул*. Т. 4. С. 337.

⁷ «Если для Фета было важно равенство обязанностей и прав дворянина и крестьянина, то Леонтьев попробовал развить принцип сословной иерархии», — пишет С. В. Добряков (*Добряков С. В. Незамеченный спор (К. Леонтьев и А. Фет: К истории взаимоотношений)*. С. 252).

время за сохранение крестьянской общины, убежденным противником которой был Фет. По вопросу о сохранении или упразднении общины Фет расходился со многими консерваторами, как западнической, так и славянофильской ориентации. Столкнулся он в этом вопросе, как показывает публикуемая переписка, и с Н. П. Семеновым.

Важнейшими компонентами историософии Фета становятся понятия «земли» и «труда». Земледелие, по Фету, «не какая-либо потребность жизни, оно сама жизнь». ⁸ «Землевладение» же есть не просто «владение землей», в том числе и ее купля-продажа, — это прежде всего «делание на земле». «Не указывайте прямо на землю как на источник богатства, — писал он в 1871 году. — Земля без рук — мертвец». ⁹ Рассматривая государство как органическую форму существования народа, основанную на семейном начале, в основании этого исторического образования Фет полагал землю и тех, кто ее возделывает. Земледельческая деревня для него — это «корень всего государственного дерева». ¹⁰

Столь же основополагающим было понятие земли и для Н. П. Семенова. «Заслуга Н<иколая> П<етровича> перед русским народом, — писал в статье о Семенове И. И. Попов, — что он был один из убежденных сторонников освобождения крестьян с землею, ратовал, не покладая рук, против обезземеления крестьян, и что особенно важно, с самого начала последовательно стоял за выкуп. Н<иколая> П<етровича> не остановило и то обстоятельство, что большинство Главного комитета перед тем склонялось, и даже охотно, на безземельное освобождение крестьян, надеясь в них впоследствии иметь дешевых батраков». ¹¹

Завершив цикл своих деревенских записок в 1871 году, Фет продолжал напряженно размышлять о настоящем и будущем государственного устройства России. По существу, он до последних дней оставался деятельным участником дискуссий по самым насущным вопросам экономической и общественной жизни. Собранные вместе в будущем томе выходящего ныне собрания его сочинений, ¹² публицистические статьи

⁸ *Фет. ССУП*. Т. 4. С. 370.

⁹ Там же. С. 341–342.

¹⁰ Там же. С. 354.

¹¹ *Попов И. И.* Николай Петрович Семенов // Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание / Историческая комиссия учебного отдела О.Р.Т.З.; Редакция А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М.: издание т-ва И. Д. Сытина, [1911]. Т. 5. С. 88.

¹² *Фет А. А.* Сочинения и письма: В 20 т. / Гл. ред. В. А. Кошелев. СПб., 2002. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 1839–1863; СПб., 2004. Т. 2: Переводы. 1839–1963; СПб., 2006. Т. 3: Повести и рассказы. Критические статьи; СПб., 2007. Т. 4: Очерки:

1870-х — начала 1890-х годов дадут возможность определить место и значение Фета-публициста в общественном процессе последней трети XIX столетия.

Новым этапом деятельности Фета-публициста стали его статьи начала 1880-х годов, где резкой критике были подвергнуты важнейшие сферы хозяйственных, политических, идеологических устоев пореформенной России. Непосредственным толчком к этому этапу следует считать убийство 1 марта 1881 года террористами-народовольцами императора Александра II.

Начало переписки Фета с Н. П. Семеновым относится к 1884 году, когда он познакомился с тезисами статьи Семенова «Наши реформы», перекликавшейся в основных своих положениях с ранее опубликованной статьей Фета «Наши корни». Увидев несомненную общность позиций в оценке реформ, Фет живо откликнулся на статью Семенова, возобновив давнее мимолетное знакомство. Не менее живо реагировал на письмо Фета и сам автор статьи.

В статье «Наши корни», опубликованной в февральском номере «Русского вестника» за 1882 год за подписью «Деревенский житель» и в том же году напечатанной отдельной брошюрой, Фет впервые после долгого перерыва основательно высказался по целому ряду вопросов дореформенного и пореформенного государственного и общественного устройства России. Затронуты были в этой статье и вопросы российского законодательства и судопроизводства, к чему Фет имел прямое отношение, исполняя должность мирового судьи Мценского уезда Орловской губернии около десяти лет.

Так, например, о мировых посредниках в статье «Наши корни» говорилось: «Мы удивляемся успехам первых посредников. Только стоя на исторической, народной почве, они могли разрешить свою трудную задачу».¹³ Неслучайно в упоминавшемся выше письме Семенов признавался: «Мне шлется одобрение, с выражением сочувствия к моему труду от того, кто сам был мировым судьей, стоял и стоит близко к народу, во имя которого будто бы все предпринимается <...>» (см. письмо 2).

Из-за границы. Из деревни. Когда настоящая публикация была готова, в свет вышел том публицистики Фета, подготовленный известным исследователем и публикатором творческого наследия поэта Г. Д. Аслановой. Знаменательно, что составительница дала этому тому название по статье Фета «Наши корни»: *Фет А. А. Наши корни: Публицистика / Подгот. текстов и сост. Г. Д. Аслановой; коммент. Г. Д. Аслановой и В. И. Щербакова. СПб.; М., 2013. Приветствуя появление этой книги, выражаем надежду, что она привлечет внимание читателей и исследователей к важнейшей части литературного наследия Фета.*

¹³ *РВ*. 1882. № 2. С. 497.



Н. П. Семенов.

Фотография. Петербург, 19 февраля 1887 г.

Не вызывает сомнений, что деревенские очерки Фета были ему хорошо знакомы.

Статья «Наши корни» была написана в переломный для России момент и положила начало череде публицистических выступлений Фета 1880-х годов. Начатая задолго до 1 марта 1881 года и завершенная уже после убийства народовольцами Александра II, эта статья дает ключ к пониманию всей публицистики Фета этого периода.

Как верно замечено исследователями, под «корнями народной жизни» понималось, с одной стороны, «религиозно-нравственное воспитание народа — „духовный“ корень, с другой — „материальный, наше сельское хозяйство“». ¹⁴ Именно на этих основаниях зиждется, по Фету, ду-

¹⁴ Черемисинова Л. И. А. А. Фет: Земледельческая утопия и реальность // РЛ. 1989. № 4. С. 145.

ховное и материальное благополучие государства и трона, ибо «истинная особенность» российской государственности коренится «в двух мотивах: *главенстве Христа и Царя*».¹⁵

Объективно статья «Наши корни» оказалась своеобразным ответом Фета-публициста на долгое противостояние общественных сил, кульминацией которого стало убийство Александра II. Накал борьбы побудил Фета занять твердую позицию и открыто встать на сторону охранителей трона, заслужив в среде либеральной интеллигенции звание реакционера и консерватора, которые, судя по всему, не сильно смущали поэта. Недаром он сам позаботился о том, чтобы «Наши корни», как и другие его статьи, доходили прямо до Александра III.¹⁶

Вскоре после «Наших корней» была написана еще одна статья: «Где первоначальный источник нашего нигилизма?», оставшаяся не напечатанной, но не оставшаяся незамеченной.¹⁷ Так, 3 апреля 1882 года И. П. Новосильцев писал Фету: «Сомнения не может быть в том, что я *совершенно* разделяю начала, которых ты держишься, тут не может быть между нами разногласия, статья написана бойко <...>».¹⁸ Высказывая некоторые критические замечания, Новосильцев даже предлагал себя в качестве соавтора: «Если успею, переделаю статью и <...> пушу в ход».¹⁹ Очевидно, он либо не успел, либо не сумел опубликовать статью, но «в ход» ее, по-видимому, пустил, давая читать людям своего круга.

Чувствуя себя одиноким в своей среде, Фет, фактически оторванный от привычного круга общения в Степановке, где он поселился с начала 1860-х годов, а затем и в Воробьевке, приобретенной в 1877 году, не переставал пристально следить за процессами, происходящими в общественной жизни России. Особенно остро он переживал оторванность от реальных нужд народа и государства русской интеллигенции и дворянства.

«Да, мы открыто не жалаем смут и натравливаний одного сословия на другое, — писал Фет в статье о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?», написанной для «Русского вестника» совместно с В. П. Боткиным, — где бы оно ни проявлялось: в печати ли, на театре ли, посред-

¹⁵ *Деревенский житель <Фет А. А.> Наши корни*. М., 1882. С. 53.

¹⁶ См.: *Щербаков В. И.* «К сожалению, много правды»: Александр III и его окружение о статье А. А. Фета «Наши корни» // Курск; Орел, 2000. С. 127–136.

¹⁷ *Фет А.* Где первоначальный источник нашего нигилизма? / Публ. Г. Д. Аслановой, В. И. Щербакова // Там же. С. 5–13.

¹⁸ *РГБ*. Ф. 315. Оп. 2. К. 9. № 45. Л. 1. Цит. по: Там же. С. 12.

¹⁹ Там же.

ством изустных преподаваний и нашептываний. Мы не менее других желаем народного образования и науки, только не по выписанной нами обскурантной программе социалистов, способной только сбить человека с врожденного здравомыслия. Нам больно видеть недоверие сознательных элементов общества к публичному воспитанию. Наравне с другими мы чувствуем необходимость незыблемых гарантий свободному и честному труду. Для нас очевидна возрастающая потребность в серьезном содействии женского труда на поприще нашего преуспевания. Чем скорее и яснее поймут они всю гнусность валяться целый день в постели и пить сливки, заставляя мужа, кроме тяжелых забот о насущных нуждах семейства, заваривать им чай, — тем лучше. Пусть они серьезно и полезно трудятся, но только не в фаланстере». ²⁰ Так завершилась статья о романе Чернышевского, не увидевшая света при жизни автора. Вот почему поэт столь живо откликнулся на родственные ему мысли, прозвучавшие в статье Н. П. Семенова «Наши реформы».

В ответ на одобрение Фета Семенов приоткрывает некоторые обстоятельства своего непосредственного участия в выработке закона о мировых посредниках. «Когда я был членом от юстиции в комиссиях по крестьянскому делу, прислали к нам на обсуждение по высочайшему повелению из особой комиссии составленный там проект о мировых судьях (переименованных тогда же в посредников) „для разбора спора и недоумений, имеющих возникать между помещиками и крестьянами, выходящими из крепостной зависимости“ (подлинные слова Высочайшего указа). Административное отделение наших крестьянских комиссий поручило мне работу. Данный мне проект особой комиссии оказался такой бюрократической белибердой <...>, <что> мне пришлось сочинить свой, удалось, с невероятными усилиями и обидными неприятностями, провести его <...>. Наконец, я видел осуществление своего проекта мировых посредников, которое Вам известно лучше меня. Казалось бы, чего еще? — создалось живое в лице первых посредников учреждение, но бюрократия этого не снесла — она смела посредников через два года с лица земли, с учреждением новых мировых судей. Если так делается, то каких ожидать успехов?» (см. письмо 2).

Переписка Фета с Семеновым, помимо интереснейшего диалога по многим проблемам, не потерявшим своей актуальности по сей день, дает обильный материал для атрибуции нескольких анонимных статей Фета по различным вопросам. Так, несомненное доказательство того, что опубликованная в № 3 от 1 февраля 1884 года газеты «Русь» статья, под-

²⁰ Фет. ССул. Т. 3. С. 259.

писанная псевдонимом «Деревенский житель», принадлежит А. А. Фету, содержится в письме Семенова от 5 марта 1884 года. Вот что писал Семенов Фету: «Я прочел Вашу статью в „Руси“, она только третьего дня была мне прислана из Москвы, потому что по неизвестной причине №№ „Руси“ 2 и 3 мне всё не доставлялись, что Вы там говорите, всё верно и прекрасно. Если Вы прочитаете мою статью в „Русском вестнике“ в подлинном ее виде, то заметите, что я как бы предвосхитил Вашу мысль об „испытанном режиме посредников первого выбора“ и что вообще взгляды и идеи наши с Вами очень близки» (см. письмо 2). Именно теме мировых посредников «первого призыва», института, который, по мнению Фета, «блестяще» оправдал себя на практике в первые пореформенные годы, была посвящена статья «О нашем сельском самоуправлении», напечатанная в газете И. С. Аксакова «Русь».

«Затруднений и препятствий много, — писал Фет еще в своих «Заметках о вольнонаемном труде», — но где средства устранить их и сровнять дорогу всему земледельческому труду, этому главному, чтобы не сказать единственному, источнику нашего народного благосостояния?»²¹ Конечно, труд как основополагающая категория не ограничивается для Фета только земледельческой сферой. Пояняя свою позицию наблюдателя и автора деревенских заметок, основным инструментом которого является непредвзятое отношение к увиденному, поэт пишет: «Только из такого простого и свободного отношения к предметам возникает для меня наслаждение трудом».²²

Суть самой реформы Фет понимал гораздо глубже тех, кто в первую очередь был озабочен отменой крепостного состояния огромной части населения России. «Насколько мы понимаем дух крестьянской реформы, — писал он в своих очерках, — она должна разрешить два вопроса: эманципацию личности и эманципацию труда, что почти одно и то же. <...> Итак, вольнонаемный труд является логическим последствием и конечною целью реформы, о которой, во избежание недоразумений, скажем раз навсегда, что мы ей и в принципе, и во всех проявлениях по сей день — глубоко сочувствуем».²³

Таким образом, понятия «землевладения» и «земледелия» становятся синонимами. Здесь, собственно, лежат корни фетовских разногласий со многими современными ему публицистами. Вот почему псевдоним,

²¹ Фет. ССУП. Т. 4. С. 178.

²² Там же. С. 253.

²³ Там же. С. 238.

избранный Фетом — «Деревенский житель» — несет на себе серьезную идеологическую нагрузку.

Именно этот псевдоним в скрытом виде присутствовал в подзаголовке статьи «На распутье», которая вышла отдельной брошюрой в Москве в конце 1884 года: «Нашим гласным от негласного деревенского жителя». Позиция автора относительно государственного устройства России заявлена сразу и недвусмысленно: «Мы все, русские (за ничтожными исключениями) любим нашего монарха, мы верим в его преемственно законное самодержавие, мы надеемся на его защиту от обуревающих нас страстей».²⁴ Таким образом, православие и самодержавие принимаются за основу. Любопытно, что третья составляющая уваровской триады — «народность» — оспаривается Фетом.

«Слова: *народность* или *животность* обозначают лишь совокупность особенных свойств народа или животного, а в этом смысле, хотя в приведенной фразе *народность* и неуместна с двумя первыми понятиями, но постановленная таким образом: *народность: православие и самодержавие* может иметь самый твердый и ясный смысл в данном народе».²⁵ Схожим образом высказывался Фет и в статье «Наши корни»: «Мы до сих пор не вполне ясно сознали нашу истинную особенность, коренящуюся в двух мотивах: главенстве *Христа и Царя*. Все доблестное и великое совершается на Руси Христовым и Царским именем. Этого не хочет понять современная интеллигенция со своею ребяческою конституцией. У ней действительно нет царя в голове».²⁶

«Историю нельзя сочинять, — пишет Фет. — Ее можно только тенденциозно передавать или же беспристрастно к ней присматриваться».²⁷ Пытаясь определить геополитическое место России, Фет вступает в спор с западниками и со славянофилами, обнаруживая при этом знакомство с известным трудом Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». «Нам кажется, что и славянофильская критика впала в однородные с нигилистической ошибки, из коих главнейшею считаем *повальность*. Отыскав для присущего всем народам инстинктивного чувства самобытности и партикуляризма отвлеченное выражение *народность*, даже с несвойственным этому выражению оттенком народовластия, славянофильство предвзято отнеслось ко всему западному и *повально* стало хвалить все

²⁴ <Фет А. А.> На распутье: Нашим гласным от негласного деревенского жителя. М., 1884. С. 4. Далее: *Фет. На распутье*, с указанием страницы.

²⁵ Там же. С. 5.

²⁶ *Деревенский житель*. Наши корни. С. 53.

²⁷ *Фет. На распутье*. С. 28.

свое. Но так как на пути не к отвлеченному мышлению, а к вопросам самой будничной жизни, — к куску насущного хлеба, — мы не можем спрашивать, откуда пришла вещь, а должны только испытать, хороша ли она, целесообразна ли? — то во избежание ежеминутных недоразумений вынуждены уяснить себе слово народность».²⁸

К понятию «народности» — одному из ключевых в идеологических спорах эпохи — Фету приходилось возвращаться неоднократно. В статье «На распутье» он в очередной раз пытается снять с этого понятия идеологические нагрузки, которые прочно срослись с ним в статьях критиков различных лагерей. «Народность не может быть выражением качеств, свойственных известному народу наряду с другими народами, — пишет Фет, — и, тем более, общих всему человечеству. В этом случае *народность* была бы ненужным синонимом человечества. Желая говорить о характеристических свойствах медведя, быка, лошади, мы вправе указать на то, что при нападении медведь, употребляя передние когти, невольно становится на задние лапы; бык, приводя в горизонтальное положение рога, склоняет лоб, а лошадь, освобождая для ударов задние ноги, переваливает всю тяжесть тела на передние, или же, что „сколько волка ни корми, он все в лес глядит“. Мы вполне согласны, что искусственно исправлять врожденные приемы упомянутых животных совершенно напрасный труд, так как по такому прогрессивному пути можно прийти до мысли рядом с кошками и собаками держать на сухом пути комнатных осетров. Высказанное нами о смысле слова *народность* несколько не мешает наблюдателю признавать те же черты не во всем, конечно, человечестве, чему мешает самое понятие, а в целом культурно-историческом типе».²⁹

«Славянофилы правы, — пишет Фет, — мы не только одною ногою твердо стоим на Востоке, но волею судеб еще все далее отодвигаем эту ногу к Востоку. <...> Переставши быть Востоком, мы перестанем быть русскими».³⁰ История, по мнению Фета, так близко придвинула нас к Западу, что «для удержания нашего громадного тела в равновесии мы вынуждены нравственно опереться другою ногою на общую европейскую цивилизацию».³¹

При этом критика европейской цивилизации ведется Фетом не предвзято, а с учетом исторических реалий русской жизни. Его интересует

²⁸ Фет. *На распутье*. С. 6.

²⁹ Там же. С. 6–7.

³⁰ Там же. С. 8.

³¹ Там же.

не оценочное отношение к иному образу жизни и мыслей, а определение в каждом случае национальной специфики того или иного явления. «Исторические судьбы всего лучше оправдывают наши слова, — констатирует Фет. — Как истина состоит в соответствии понятия о вещи ее сущности, так справедливость состоит в соответственном удовлетворении потребностей каждого. Как по бесконечному количеству вещей является бесконечное число истин, так, по бесчисленности человеческих личностей, справедливость, чтобы оставаться справедливостью, вынуждена принимать бесконечные виды. Основывая свои действия на внешнем, прямолинейном равенстве, оно становится законом, составляющим прямую ее противоположность, ибо закон по своей незыблемости представляет Прокрустово ложе. Ясно, что справедливость между людьми возможна только при семейном начале».³²

Этот основополагающий принцип вызовет позднее желание у Фета написать специальную статью, посвященную такому важному, но ныне вполне забытому слову, как «тягло». Благодаря Н. П. Семенова за указание на это первостепенное для понимания специфики русской жизни понятие, Фет писал: «...слово „тягло“ не есть какое-либо модное и небывалое; оно звучало еще над нашей купелью и только литераторы писали „тысячу душ“, а хозяева между собою говорили 250 тягол» (см. письмо 14). Несмотря на то, что сам он не один раз писал о семейном начале как основополагающем в понимании отношений крестьянина с землей и даже употреблял слово «тягло», Фет счастлив, что найдено ключевое слово и пытается как можно точнее определить его содержание: «Как для физиолога важно знакомство с отдельною клеточкой для уразумения всех органических тел, как одна ячейка объясняет все устройство улья, так точно тягло, вследствие указания Вашего, должно послужить основой всей моей статьи <...> По-моему, тягло есть неделимая экономически-самобытная единица обязательного земледельческого труда» (см. письмо 14).³³

Российская государственность зиждется, по Фету, на отношении к земле. Еще в 1871 году он заявлял: «Самый заклятый крепостник из развитого общества, на словах, а быть может, и на деле, заявляющий себя исключительно эксплуататором поземельной собственности, носит в душе глубокое убеждение, что помимо коммерческих отношений

³² Там же. С. 28.

³³ О не дошедшей до нас статье Фета «Наше тягло» см.: Генералова Н. П. 25 лет спустя: Итоги крестьянской реформы 1861 года в переписке А. А. Фета с Н. П. Семеновым // *Фетовские чтения (XIX)*. Курск, 2005. С. 81–88.

к окружающей среде на нем лежат нравственные обязанности иного свойства. Сила этого сознания возвела и продолжает возводить Россию на ту степень цивилизации, которой она достигла в течение каких-либо 150 лет».³⁴ Вот почему центральное место в статье «На распутье» занимает глава «Земля как орудие производства».

«Недаром люди, — начинает эту главу Фет, — издревле обращаясь к земле, говорили: земля-кормилица, „arida nutrix“, мать-земля, что совершенно справедливо, если подумать, что так или сяк мы сами представляем ее видоизменение и во весь период нашей жизни, непосредственно или при посредстве многих передаточных рук и разнородных химических превращений, питаемся ее соком. Чтобы земля вполне соответствовала понятию кормилицы, человеку необходимо непосредственно припадать устами к добровольно предлагаемой пище. Такое припадение возможно только в немногих местностях, где климатические условия и изобилие дикорастущих плодов в течение круглого года это позволяют. <...> возделывать землю под посев культурных растений уже представляет труд в поте лица. При этом вышем, одному человеку свойственном приеме питания никакое измышление, никакие уловки не спасут от трудового пота. Напрасно люди, незнакомые с делом, мечтают, что со временем земледельческий труд выпадет на долю машин, а управляющие, или люди, будут только прогуливаться и наблюдать за ходом дела. Мы поставили бы таких фантазеров к любой земледельческой машине, чтобы убедить их, что машина сокращает время, а не труд человека».³⁵

Таким образом, земля в понимании Фета превращается скорее в исходный материал для искусства, в данном случае — искусства земледелия, и оказывается неразрывно связанной с работающим на ней хозяином. Из этого органического единства возникает необходимость прямого и надежного прикрепления человека к земле, но человека не всякого, а способного управляться с предметом владения. Отсюда и предлагаемое Фетом решение, казалось бы, частного вопроса о неразделении земельной собственности, приводящей к дроблению и оскудению хозяйств.

Все, что происходит в государстве, любые предпринятые реформы так или иначе должны быть направлены на основную задачу — сохранение и преумножение главного капитала — земли. Вот, например, какова логика рассуждений Фета, когда он обращается к современному

³⁴ Фет. ССНП. Т. 4. С. 366.

³⁵ Фет. На распутье. С. 34.

судоустройству и предлагает отказаться от суда присяжных и вернуться к институту мировых посредников, которые справились со сложнейшей ролью регулятора в деле размежевания дворянства и крепостного крестьянства в первые пореформенные годы, имея полномочия принимать скорые и очевидные решения. Значительная часть тяжб может решаться столь же скоро при сохранении этого института. При этом виновные не будут отрываться от своих непосредственных занятий, то есть от земли.

Главный критерий культурного народа, по Фету, — его отношение к земле. «Долговечностью отличаются только народы, у которых, как у египтян, Нил ежегодно возмещает истощение почвы, или те, которые, подобно немцам, французам, англичанам и китайцам, религиозно наблюдают землю искусственным удобрением, хотя бы приходилось его выписывать из-за моря. В этом заключается главный критерий культурного народа. Тут выбора нет: или при сгущенном населении всеми силами подымать производительность почвы или беззаветно обдирать ее и бежать на целину, оставляя за собою бесплодную пустыню».³⁶

Продуманность и осмысленность действий, упор на экономически выгодные меры, основанные на предварительном опыте, — вот что беспокоит Фета при обсуждении возможных изменений в законодательстве, в образовании, в здравоохранении. Каждый закон, каждое вновь принимаемое решение необходимо взвесить и обсудить публично до того, как оно будет принято. «Пора нам перестать перелаживать жизнь огромного государства по кабинетным и к тому же совершенно ненаучным соображениям, — пишет он Семенову в январе 1885 года, вскоре после публикации статьи «На распутье», — а присматриваться к обстоятельствам, тормозящим ход дела, стараться в действительности устранять эти препятствия» (см. письмо б). Рассуждая, к примеру, о медицинской помощи, которой практически лишены сельские жители, Фет пишет: «...в бездорожной стороне можно только играть в культуру, что мы и делаем <...>».³⁷

Кто же был Николай Петрович Семенов и почему Фет так заинтересованно вступил с ним в переписку?

Старший брат известного географа и путешественника П. П. Семёнова-Тян-Шанского, видный государственный деятель, сенатор, в конце жизни действительный тайный советник Н. П. Семенов был не только активным участником редакционных комиссий по проведению крестьян-

³⁶ Там же. С. 45–46.

³⁷ Там же. С. 49.

ской реформы 1861 года, но и ее историком и летописцем. Еще при жизни Александра II ему было поручено составить хронику деятельности комиссий по крестьянскому делу, для чего он вел подробные записи всех заседаний, однако к осуществлению своего труда Николай Петрович смог приступить только спустя много лет. Публикуемые письма Семенова к Фету проливают дополнительный свет на историю создания фундаментального трехтомного труда, который вышел в свет лишь в конце 1880-х — начале 1890-х годов под названием «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу» (СПб., 1889–1893). Из писем Семенова видно, что, несмотря на высокое положение в чиновничьей иерархии, этот человек, сделавший на первый взгляд блестящую карьеру, многим был неудовлетворен и испытывал немалые трудности в обнаружении своих трудов. Испытывая, как и Фет, потребность в понимающем и заинтересованном собеседнике, он с радостью возобновил давнее мимолетное знакомство и откровенно делился с поэтом самыми заветными мыслями.

Помимо службы, Н. П. Семенов был человеком разносторонних интересов, увлекался литературой и был большим поклонником поэзии Фета. Так, получив от Фета третий выпуск «Вечерних огней», он писал ему 25 января 1888 года: «На днях получил Вашу драгоценную для меня поэтическую книжку, приятно видеть свежесть чувства в ней и родник поэзии, которая поднимает нас в иной мир и возвращает к невозвратимому свежему и молодому. Спешу принести Вам мою сердечную благодарность. Неужели Вы могли меня отчислить хоть на минуту в ряды формализующихся искусственными светскими условиями приличий. Отношения симпатии, так сказать, союза сердец, дружбы и всех истинно человеческих отношений стояли для меня всегда неизмеримо выше всяких условных отношений. С этой стороны будьте без всяких сомнений, а глубокое уважение, которое я к Вам питаю, и сочувствие к Божью помазанию, как я называю талант вообще, даруемый уже от рождения, делает мои чувства неизменными и независимыми от тлена сего мира» (см. письмо 25).

Семеновым было переведено немало стихотворений А. Мицкевича, вышедших отдельным сборником в 1885 году.³⁸ Эти переводы были высоко оценены Фетом. Дружеские отношения с юности связывали Семе-

³⁸ См.: Николаев С. И. К истории издания сборника «Из Мицкевича» 1883 года (письмо Н. П. Семенова к А. А. Фету) // *РЛ*. 1998. № 2. С. 47–49. На обложке сборника указан 1885 г., на титульном листе — 1883 г.

нова с Н. Я. Данилевским, автором знаменитой книги «Россия и Европа», и Н. Н. Страховым, с которым Фет сблизился в конце 1870-х годов, а родственные — с Я. К. Гротом, который был женат на родной сестре Семенова Наталье Петровне.

В статье «Наши реформы», «обратившей, — по мнению современного исследователя, — на себя внимание „в верхах“, тотальной критике подверглись все преобразования 60-х годов, но автор подчеркивает особую значимость перестройки местного самоуправления».³⁹ Очевидно, история публикации этой статьи была непростой. В приведенном выше письме к Фету Семенов сообщал: «...иные высокопоставленные в судебных учреждениях лица признают, что печатание мной статьи „Наши реформы“ в „Русском вестнике“ (благодаря доблестному и власть имеющему Михаилу Никифоровичу Каткову, потому что, конечно, никакой другой журнал у нас ее бы и не принял) *есть поступок*, недостойный сенатора, что сенатору совсем неприлично говорить против судебных учреждений. Трудно у нас делать дело, когда есть люди — а они еще и в силе и считаются либеральными — думающие, что высшие в служебной иерархии должности достаются ценою лишения прав выражать свободно свои глубокие убеждения, что ныне предоставлено, слава Богу, всякому гражданину» (см. письмо 2).

Результаты судебных реформ предыдущего царствования, в частности, отмена к середине 1860-х годов института мировых посредников, замененных мировыми судьями, а также введение института суда присяжных активно обсуждались в печати и в правительственных сферах, что было связано с общим кризисом российского законодательства. «Общим результатом кризиса, — пишет современный исследователь, имея в виду, прежде всего, кризис суда присяжных, — стало рождение оригинального российского варианта суда присяжных, серьезно отличающегося от того, что было несколько умозрительно создано составителями Судебных уставов 1864 г. и более отвечающего требованиям русской жизни».⁴⁰ Публицистические статьи и дошедшие до нас письма Фета свидетельствуют, что он пристрастно относился к публикациям, касавшимся судебного законодательства, и был деятельным участником их обсуждения.

³⁹ Твардовская В. А. Глава V: Царствование Александра III // Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика / Под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 324.

⁴⁰ Демичев А. А. Российский суд присяжных: История и современность. Учебное пособие. Нижний Новгород, 2000. С. 20.

Показательна, например, история с брошюрой Ф. Н. Берга «Заметки присяжного заседателя», попавшей в руки Фета в начале марта 1884 года. Разделяя ее направление, поэт спешит поделиться своими впечатлениями с близкими по духу людьми, одновременно пытаясь разыскать автора (брошюра была напечатана анонимно). Он пишет письма Н. П. Семенову и И. П. Новосильцеву (не сохранились), предполагая в первом возможного автора брошюры, а второму рекомендуя ее приобрести и прочесть. Вопрос об авторстве работы, заинтересовавшей Фета, получил окончательное подтверждение, благодаря подготовке к печати писем Н. П. Семенова, а также писем И. П. Новосильцева, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ.⁴¹

Судя по письму Новосильцева от 26 марта 1884 г., Фет немедленно откликнулся на просьбу приятеля и выслал ему свой экземпляр брошюры. В этом письме Новосильцев сообщает первые впечатления от прочитанной брошюры и снова жалуется на трудности с ее распространением. «Прочел я „Заметки присяжного“, — *согласен во всем*, поручил книгопродавцу достать мне пять экземпляров, но не тут-то было, ничего не могли достать, твой экземпляр я послал на чтение двум единомыслящим людям, более пока не мог сделать, посылал и в типографию „Общественная польза“, где твой экземпляр отпечатан, и там получил отказ. — Отчего это? Неужели трудно распространить в чтение книжечку полезную и на которую, весьма вероятно, подымутся громы нигилитины. Я здесь успел ее порекомендовать, но в продаже, само собою разумеется, ее нет».⁴²

В начале апреля 1884 года, благодаря хлопотам Фета, несколько экземпляров брошюры были переданы в Петербург Новосильцеву. Таким образом Фет становится распространителем брошюры Ф. Берга. И это было не случайно. Мысли, в ней изложенные, полностью соответствовали взглядам Фета, и не только его, о чем свидетельствует письмо И. П. Новосильцева от 24 апреля 1884 года. Задержавшись с ответом

⁴¹ ИРЛИ. № 20288. Иван Петрович Новосильцев (Новосильцов) (1827–1890) — знакомый Фета и И. П. Борисова, крупный помещик Орловской губернии, почетный мировой судья Мценского уезда, занимал высокие государственные должности. В это время действительный статский советник, шталмейстер императорского двора.

⁴² ИРЛИ. № 20288. Л. 23 об.–24. Письма Новосильцева, хранящиеся в ИРЛИ, опубликованы Е. В. Виноградской: 1) Ч. 1 (1883–1884) // *Ежегодник РО ПД (2001)*. СПб., 2006. С. 179–217; 2) Ч. 2 (1885–1887) // *Ежегодник РО ПД (2005–2006)*. СПб., 2009. С. 443–512; 3) Ч. 3 (1888–1890) // *Ежегодник РО ПД (2007–2008)*. СПб., 2010. С. 252–294. Далее сокращенно: *Письма Новосильцова (1,2,3)*.

по делам службы, Новосильцев уже не только отчитывается об успехах распространения брошюры, но и сообщает нечто гораздо более важное.

«„Заметки присяжного“ я расплодил, — пишет Новосильцев, — в большом количестве и могу тебе сказать откровенно и без хвастовства, что *ты* этой книжечкой принес пользу родине, в чем, Бог даст, скоро убедишься. — Я получил от Н. Берга (так! — *Н. Г.*) 4 экземпляра — пошли тотчас в ход — потом достал через одного ходока книжного 20 экземпляров, которые не все поместил, потому что помещаю *с толком* и только таким, которых нужно подбить на доброе дело. У меня единомышленник есть, который тоже, с своей стороны, старается. По мнению моему, нечего *спешишь*, если дело хочется поправить, и то, что наделано в эти последние годы, разом не вырвешь, а *лишь бы*, убедившись (что необходимо прежде всего знать) в том, чего именно желать следует — дать себе ясно в этом отчет и исподволь — без ломания и коверкания, поставить на подлежащее место и дать надлежащий камертон!»⁴³ Как видим, речь в письме идет уже не только о вопросах современного судопроизводства, которым посвящены «Заметки присяжного заседателя», но вообще о реформах предыдущего царствования, которые следует «поправить». С таким же усердием Новосильцев распространяет и статьи Фета.

Получив статью «На распутье», он сообщает Фету, что начал ее раздавать для прочтения и собирается вручить Александру III: «Государю, читавшему текст и раз в рукописи цензурировавшему „Наши корни“, любопытно будет прочесть еще твое творение».⁴⁴

Сложность положения, в котором оказался Фет-публицист в 1870-е — 1880-е годы, состояла в том, что ему почти не с кем было обсуждать темы, глубоко его волновавшие. Если его ранние деревенские очерки еще вызывали интерес в близкой ему среде, то к концу 1870-х годов он оказался почти в полной изоляции. Л. Н. Толстой, близкий друг и постоянный корреспондент, все более отходил от обсуждения общественно значимых тем в область религиозных исканий; Н. Н. Страхов, с которым Фет сблизился в это время, был по преимуществу критиком и философом, мало обращавшим внимания на практические нужды сельского хозяйства и вопросы современного судопроизводства; И. П. Новосильцев, много помогавший Фету в распространении его публицистических сочинений, все же в первую очередь был придворным чиновником, не всегда даже хорошо понимавшим суть высказываемых Фетом идей, а та-

⁴³ ИРЛИ. № 20288. Л. 25–25 об. См. также: *Письма Новосильцова (1)*. С. 193.

⁴⁴ *Письма Новосильцова (2)*. С. 444.

кие постоянные корреспондентки, как А. Л. Бржеская или С. В. Энгельгардт, и подавно были далеки от проблем, которые жгуче волновали Фета. Вот почему «встреча» с Н. П. Семеновым оказалась столь значимой для него. В свою очередь и Семенов, по достоинству оценив яркое публицистическое дарование Фета, хорошо понимал, какую реальную пользу может принести его деятельность в этом направлении именно как человека независимого, самостоятельно мыслящего и заинтересованного в укреплении «основ». Предшествующие публицистические выступления Фета были тому примером.

Общение с Н. П. Семеновым было обусловлено не только стремлением Фета выйти на людей с высоким общественным положением и тем самым довести свои мысли до власть имущих. В лице историка крестьянской реформы, талантливого переводчика и публициста Фет встретил родственную душу, общение с которой в эпоху смуты и общественного беспокойства стало отрадой как для него самого, так и для его корреспондента.

23 письма Фета к Семенову публикуются по машинописным копиям, хранящимся в РГБ (Ф. 315. К. 4. № 23), 10 писем Семенова к Фету — по подлинникам, хранящимся в ИРЛИ (№ 20289). Два письма Семенова к Фету (1890 и 1892 гг.) печатаются по подлинникам, сохранившимся в РГБ (Ф. 315. К. 11. № 7). Приношу глубокую благодарность И. А. Кузьминой и А. А. Богданову за помощь в подготовке данной публикации.

1

Фет — Семенову

29 февраля 1884 г. Москва

Москва,
Плющиха, соб. дом.
№ 481.

29 февраля.

Душевноуважаемый Николай Петрович.

С именем Вашим всегда соединяется в моей памяти молодой темно-русый человек, с которым в вагоне знакомит меня покойный В. П. Боткин¹ и который затем у себя на дому читает мне истинно художественные переводы из Мицкевича.² — Я стар и в настоящее время, кроме работы в кабинете, ничего не хочу. Следовательно, Вы мои слова можете

смело читать без всякой подкладки. Если бы я Вас увидел, то прямо обнял бы Вас и расцеловал вместо всяких объяснений, которые хоть и не полные, и не ясные следуют ниже.

Уже одно то, что я прямо так обращаюсь к Вам, может ручиться за мою веру в Вас как человека. Шопенгауэр еще закрепил во мне веру в пословицу: «каков в колыбельку, таков и в могилку».³ Нет, я не ошибаюсь, Вы не рассердитесь за мое письмо.

Сегодня я прочел в «Московских ведомостях» краткий экстракт Вашей работы о нашей судебной реформе,⁴ и на меня повеяло отличным по душе человеком — поэтом, умницей с ясной всесторонне-логической головой и знатоком дела, о котором он говорит. Да ведь сочетание таких качеств всюду восторг, тем более у нас, где никаких людей нет, а есть какие-то казенные шаблоны. Если Ваш проект пройдет, то правосудие у нас будет спасено из того вертепа разврата, которым искусственно обучают восторгаться баранов-публику.⁵ Одно сознание, что на государственном посту есть люди подобные Вам,⁶ исполняет патриота восторгом и гордостью. Но ведь это все-таки одна часть нашей гражданской жизни. Не все же люди судятся, а между тем все пашут или ткут. В наше время особенно пахать нельзя и я, любитель природы, среди великолепного парка над рекой,⁷ с ужасом думаю о весенней поездке в деревню, где шагу нет без грубейших обид, насилий и поджогов, и чем более снисхождений, тем бессовестней и хуже.

В 1 февральской книжке «Руси» в статье *о нашем самоуправлении* я предлагаю без ломки — испытанный режим посредников первого выбора, без всяких ограничений, но с передачей им и дел мировых судей, которые теперь, парализованные всякими отговорками и бумажностью — потеряли всякое значение, и от них всем сословиям только хуже, а не лучше.⁸

Во всяком случае примите мой сердечный поклон и признательность за высокую духовную отраду, доставленную мне влиянием Вашей мысли.

Искренно почитающий Вас

А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 1–2 об. В верхней части л. 1 запись рукой Семенова: «Ответ послан 6 марта 1884 г. и экз. номенкл. растений послано 5 марта».

¹ Об обстоятельствах знакомства с Семеновым в середине августа 1864 г. (после 12, поскольку по дороге из Степановки в Москву Фет и В. П. Боткин заехали в Ясную

Поляну к Л. Н. Толстому. См.: *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828–1890. М., 1958. С. 299) Фет писал в своих мемуарах: «Из Москвы мы поехали в Петербург вместе с Василием Петровичем, и в вагоне при виде своего знакомого он воскликнул: „Господа! позвольте вас познакомиться. Я вижу в этой случайности хорошее предзнаменование. Это как раз юрист-консуль Н. П. С—в, и ты можешь попросить его совета насчет своего дела. А он, я уверен, будет тем внимательнее, что сам превосходными стихами переводит Мицкевича“» (*МВ.* Ч. 2. С. 23–24). В. П. Боткин (1812–1869) — критик, близкий к кругу «Современника», друг и родственник Фета (Фет был женат на родной сестре Боткина Марии Петровне), автор одной из лучших статей о творчестве поэта (1857). Характерно, что с обсуждения сборника стихотворений Фета 1856 г. в русской эстетике окончательно оформляется теория «чистого искусства», или, если воспользоваться более точным определением Боткина, «теории свободного творчества, в противоположность другой утилитарной теории, которая хочет подчинить искусство служению практическим целям» (*Боткин В. П.* Стихотворения А. А. Фета. Санкт-Петербург. 1856 // Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1984. С. 202). «Со времени Пушкина и Лермонтова, — считал Боткин, — мы не знаем между русскими стихотворцами таланта более поэтического, как талант г. Фета» (Там же. С. 212). Сохранившаяся переписка Фета и Боткина свидетельствует об идейной и эстетической близости поэта и критика (см.: *Фет/Боткин.* С. 156–542).

² Семенов просил Фета и Боткина прослушать свои переводы, очевидно оценив переводы Фета из Мицкевича, печатавшиеся в периодике 1840-х — 1850-х гг.: «Дозор» («Из беседки садовой воевода багровой...») (*ОЗ.* 1846. № 3; см.: *Фет. ССУП.* Т. 1. С. 101 и примеч. на с. 441–442), «О милая дева! к чему нам, к чему говорить?..» (Москвитянин. 1853. Ч. IV. № 15), «Всплываю на простор сухого океана...» (*ОЗ.* 1854. № 4), «Свитезянка» («Кто этот юноша скромный, прекрасный?..») (Современник. 1854. № 9) и «Свидание в лесу» («„Ты ль это? Так поздно?“ — „Я сбился в потемках с дороги...“») (*ОЗ.* 1854. № 8). См.: *Фет. ССУП.* Т. 2. С. 231–232, 257, 261 и примеч. на с. 629–630, 648–649.

³ В конце 1879 г. Фет занялся переводом главного сочинения А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», который вышел в свет в 1881 г. Философия Шопенгауэра была близка поэту, в чем он неоднократно признавался своим корреспондентам.

⁴ В «Московских ведомостях» без подписи появилось краткое изложение статьи Семенова под заглавием «Статья сенатора Н. П. Семенова „Наши реформы“» (1884. 29 февраля. № 59), на которое откликается Фет. Она, несомненно, принадлежала перу М. Н. Каткова. «Давно собирались мы обратить внимание читателей на статью <...> появившуюся в первой за нынешний год книжке „Русского вестника“». <...> Статья эта заслуживает особенного внимания. Почтенный автор обозревает в ней почти все стороны нашего государственного быта, суды, администрацию, земство и касается аномалий, причиненных быстрым ходом реформ, не всегда соображенных с действительными условиями нашей народной жизни и нередко увлекавшихся шаблоном чуждых учреждений» (цит. по: *Катков М. Н.* Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. А. Н. Николюкина. СПб., 2011. Т. 2: Русский консерватизм: Государственная публицистика. Деятели России. С. 553). Полностью статья Семенова была на-

печатана в январском номере «Русского вестника» за 1884 г. См. также п. 5, где Фет подробно анализирует статью.

⁵ Фет имеет в виду учрежденные в эпоху судебной реформы институты суда присяжных заседателей, мировых судей, адвокатуру и земства, в отношении которых он, как и автор статьи «Наши реформы», неоднократно высказывался резко критически, вплоть до предложения полной их отмены.

⁶ В это время Семенов исполнял должность первоприсутствующего в соединенном присутствии 3, 4 и Межевого департаментов Правительствующего сената (РГИА. Ф. 1405. Оп. 105. № 40. Л. 317 об.–318). С сентября 1866 г. указом Сената он был утвержден почетным мировым судьей Рязанской губернии по Раненбургскому уезду (Там же. Л. 314 об.–315).

⁷ Имеется в виду имение Фета Воробьевка в Курской губ., приобретенное им в 1877 г. Усадьба (сохранилась) расположена в живописном парке над рекой Тускарь. Подробное описание см. в письме А. Я. Полонского (публ. Г. Л. Медынцевой) в наст. томе.

⁸ Речь идет о статье Фета «О нашем сельском самоуправлении» (Русь. 1884. 1 февраля. № 3. С. 50–56), опубликованной под псевдонимом «Деревенский житель». Перепечатана в сб.: *Фетовские чтения (XVI)*. Курск, 2002. С. 12–26; публ. Е. М. Аксененко и Е. В. Виноградовой. В ней Фет откликается на противоречия, возникшие при учреждении в 1864 г. института мировых судей, который частично дублировал деятельность мировых посредников. «Как ходовой механизм, составляющий именно часы, не может предоставить самостоятельных функций всегда готовому действовать бою или будильнику, не перестав быть часами, так и государство, не отказавшись от самого себя, не может передать *своей исполнительной власти* отдельным, независимым самоуправлениям, — писал Фет в этой статье. — Самое слово *самоуправление* указывает на его сущность: можно только самоуправляться — не вторгаясь в чуждые области, а нельзя самоуправлять, — это значит самоуправствовать. Поэтому государство, очертив раз навсегда известную область самоуправления, не должно врывать в нее с новыми императивами, а только помогать неукоснительному охранению законов» (С. 15–16). Значение института мировых посредников первого призыва потому, на взгляд Фета, отвечало насущным потребностям момента, что в нем действовала четкая иерархия, позволявшая вершить суд быстро, справедливо и напрямую: «Вся нисходящая лестница старшин, старост, десятских, до последнего сельского караульного, находилась в прямой от посредника зависимости, а в сомнительных случаях он прямо, без тормозящих формальностей, обращался за советом и помощью к губернатору, который в свою очередь не мог сказать: „Сами выбирали!“ или: „Как хотят! не мое дело!“» (С. 16). В отличие от прежних мировых посредников, отвечавших за результаты своих действий перед предводителем и губернатором, мировой судья прежде всего отвечает за формальную законность своих решений и более ни за что. Ратуя за возвращение института мировых посредников, Фет предлагал вносить преобразования без ломки: «Насколько первый порядок соответствовал указанию Освободителя на суд скорый, правый и милостивый, настолько введение бесчисленных формальностей отдалило самое дело от этого идеала. / Никакой ломки для этого не нужно. Дело не в названии — судья или посредник, а в возможности приносить пользу. Волостные суды и теперь существуют рядом с мировыми учреждениями. Соедините их на

прежнем основании в одних руках без всяких обособлений, и тогда можно надеяться и на благотворное влияние и предводителей, и до последнего полевого или лесного стража. Проиграют разве одни бумажные фабрики, но Россию вы через два года не узнаете. Конокрадство, потравы, поджоги, самоуправства станут такими же исключениями, какими были при посредниках первого призыва. Не надо только пессимистически учить благонамеренных людей умыть руки и сваливать непосильную ношу с плеч долой» (С. 19–20). Размышления Фета во многом перекликались с тезисами статьи Семенова «Наши реформы», в заключении которой читаем: «При <...> порядке и единстве действия всех государственных органов верховная власть, одна совмещающая в себе и законодательную и исполнительную власть, облегчит безо всякой ломки себе и всему правительству бремя правления и осуществит в местных учреждениях и земстве единение свое с народом» (РВ. 1884. № 2. С. 332).

2

Семенов — Фету

5 марта 1884 г. Петербург

С. Петербург.

5 марта 1884 года.

Дорогой, душевноуважаемый
Афанасий Афанасьевич,

До глубины души растрогало меня Ваше душевное слово от 29 февраля.¹ Когда у нас есть такие душевные люди, отечество не погибло.

Благодарю Вас сердечно: Вы мне доставили минуты истинного счастья. 1). От кого привет? — От поэта, которого мелодический стих одною музыкой своей навеивает на читателя рой поэтических мыслей. Правда, что, пока жива поэзия, в ней содержание не отделимо от формы, как не отделима душа от тела, пока жив человек; но всего доказательнее это проявляется у Вас.

Живо помню наше свидание, о котором Вы поминаете, когда я во-зился с больной ногой, что препятствовало мне тогда выходить из дому и попасть на освящение Исакиевского собора.² Приехали Вы с покойным ныне В. П. Боткиным³ — два поэта. Не без робости я читал Вам, у кого надо учиться неподражаемой прелести стиха, — да так и не вычишься — мои переводы «Крымских сонетов» Мицкевича,⁴ а Вы читали мне тогда же выдержки из печатной записки Сенатского определения о мельнице,⁵ и я смеялся потом близким, что свет перевернулся: член юстиции⁶ читает поэту, пользующемуся заслуженной славой, свои произведения в стихах, а поэт ему прозу сенатского дела.

С. Петербург,

5 Марта 1884 г.

Дорогой, душевногвардаишви

Августин Августович,

До сердития души растрогало меня Ваше
душевное слово отъ 29 февраля, когда узналъ съ то-
ки душевные люди отечество не погубило.

Благодарю Васъ сердечно: Вы мнѣ доставили
книжку истиннаго счастья. 1) Кто кого привяжет? это
подма, котораго мимолетскій стиль одною музыкою
своею навлекаетъ на читателя рои подлинные
мысли. Правда, что пока жива подма, въ ней содер-
жаніе не отбрасываемо отъ формы, какъ не отбрасывае-
тсѣ душа отъ тѣла пока живъ человекъ; но все дока-
зательство это проявится у Васъ.

Живо помню наше свиданіе, о которомъ Вы помни-
ваете, когда я возишя съ бывшимъ кономъ, что пре-
дствителю мнѣ тогда выходитъ изъ дому по-
насть на освещеніе исаіевскаго собора. Приехали
Въ съ покойникомъ ивнѣ В. П. Стожковскій - два подма.
На безъ робости я читаю Вамъ, у кого надо улитъ
неподражаемой прелести стиха, да такъ и не вырвѣ
мои переводы Крайскій, Сетовъ, Мухомовъ, а
Вы читали мнѣ тогда же выдержку изъ полатной
записки Селатскаго опредѣленія о маломъ, и я

Кстати, в эту минуту оканчивается печатанием собрание всех моих переводов из Мицкевича в изящнейшем издании,⁷ предпринятом другом покойного К. А. Коссовича,⁸ чудесным человеком Людвигом Андреевичем Кнаапом. (Этот последний занимается с компанией снабжением печатными машинами и шрифтами все наши типографии.) Он выручал Коссовича в трудную пору известной его истории с типографщиком Головиным, издателем ученого труда К. А. Коссовича: «Inscriptiones paleo-persicae».⁹ Кнаап исторг у Головина его издание и окончил его. Меня связывали с Каэтаном Андреевичем узы тесной дружбы, и по его желанию и настоянию предпринято было издание моих переводов; ему они и посвящены. Корректуру двух первых листов он продержал сам и до последнего дня жизни все спрашивал о последующих листах. Он видел мое посвящение и потому я не могу переменить на заглавном листе года (1883-го), хотя книжка выйдет только в текущем году. Издание ее затянулось по разным причинам. Книжка будет Вам своевременно доставлена.¹⁰

2). Мне шлется одобрение, с выражением сочувствия к моему труду от того, кто сам был мировым судьей,¹¹ стоял и стоит близко к народу, во имя которого будто бы все предпринимается, и в то самое время, когда я слышу, что иные высокопоставленные в судебных учреждениях лица признают, что печатание мной статьи «Наши реформы» в «Русском вестнике» (благодаря доблестному и власть имеющему Михаилу Никифоровичу Каткову,¹² потому что, конечно, никакой другой журнал у нас ее бы и не принял) *есть поступок*, недостойный сенатора, что сенатору совсем неприлично говорить против судебных учреждений. Трудно у нас делать дело, когда есть люди — а они еще и в силе и считаются либеральными — думающие, что высшие в служебной иерархии должности достаются ценою лишения прав выражать свободно свои глубокие убеждения, что ныне предоставлено, слава Богу, всякому гражданину.

Вы пишете: «Если Ваш проэкт пройдет, то правосудие у нас будет спасено». Ах, если бы сбывались все надежды!!! Пример достижения успеха среди нашей мертвящей бюрократии у меня свой в глазах: не могу Вам умолчать о нем. Когда я был членом от юстиции в комиссиях по крестьянскому делу,¹³ прислали к нам на обсуждение по высочайшему повелению из особой комиссии составленный там проэкт о мировых судьях (переименованных тогда же в посредников) «для разбора спора и недоумений, имеющих возникать между помещиками и крестьянами, выходящими из крепостной зависимости» (подлинные слова Высочайшего указа). Административное отделение наших крестьянских комис-

сий поручило мне работу. Данный мне проэкт особой комиссии оказался такой бюрократической белибердой (он напечатан в наших «Материалах редакц<ионных> комиссий по крестьянскому делу», это для любопытства), <что> мне пришлось сочинить свой, удалось, с невероятными усилиями и обидными неприятностями, провести его, при помощи бывшего члена-эксперта комиссий Александра Николаевича Татарина,¹⁴ умницы, никому неизвестного, один я бы изнемог тогда. Наконец я видел осуществление своего проекта мировых посредников, которое Вам известно лучше меня.¹⁵ Казалось бы, чего еще? — создалось живое в лице первых посредников учреждение; но бюрократия этого не снесла — она смела посредников через два года с лица земли, с учреждением новых мировых судей.¹⁶ Если так делается, то каких ожидать^a успехов? Мой искреннейший друг и товарищ детства Ник<олой> Яковл<евич> Данилевский, известный автор книги «Россия и Европа», пишет мне: «я не верю в успех каких бы то ни было реформ, пока сами умы не реформируются».¹⁷ Я прочел Вашу статью в «Руси», она только третьего дня была мне прислана из Москвы, потому что по неизвестной причине №№ «Руси» 2 и 3 мне всё^b не доставлялись, что Вы там^b говорите — всё верно и прекрасно.¹⁸ Если Вы прочтаете мою статью в «Рус<ском> вест<нике>» в подлинном ее виде,¹⁹ то заметите, что я как бы предвосхитил Вашу мысль об «испытанном режиме посредников первого выбора» и что вообще взгляды и идеи наши с Вами очень близки.

Вы пишете, что «любитель природы, среди великолепного парка, (Вы) с ужасом думаете о весенней поездке в деревню». Я тоже, как Вы,^г любитель природы, если не среди парка, то среди очаровательного сада, имеющего вид парка и над рекой,²⁰ о чем может свидетельствовать Вам наш общий друг Николай Николаевич Страхов²¹ — он нас там посетил. Я уезжаю каждый год с семейством в деревню обыкновенно в конце мая или начале июня,^д она не особенно далеко от Вас, именно в Рязанской губернии в Раненбургском уезде, на реке Ранове, но всегда думаю о поездке своей, к счастью, без ужаса, может быть потому лишь, что уезжаю от горшего ужаса, с которым смотрю на всё происходящее в Петербурге, потому что творимое здесь разливается далеко и широко, по всей России. Велик Бог земли русской и разве он единый простит на-

^a ожидать *вписано над зачеркнутым*: ждать

^b Далее *зачеркнуто*: почему-то

^b там — *вписано над строкой*.

^г Вы — *вписано над строкой*.

^д Далее *зачеркнуто*: но всегда

шим правоведам, то что их^е кагал делает и готовит России. Он один неисповедимыми судьбами может отвратить зло, а они (т. е. правоведы) составили (как это доходит до меня) заговор молчания против моей статьи «Наши реформы».

Приемлю дерзновение вместе с сим выслать Вам* на память, как любителю природы, мою книжку: «Русская номенклатура растений».²² Если не поскучаете прочесть предисловие, что необходимо для того, чтобы уметь пользоваться книгой, то увидите, что перед моим трудом не было у нас русской номенклатуры, хотя и есть русские ботанические словари (напр., Анненкова²³ и т. п.). Вы знаете пословицу, что первый блин всегда комом; поэтому не будьте строги, а книга должна служить настольной для всякого землевладельца и любителя сада при разборке и выписке растений от торговцев.

Вы ссылаетесь на старость. — Для поэтов и людей мыслящих нет старости — это нам привилегия, что доказывают, доставляя всякий раз новое наслаждение, ваши «вечерние огни».²⁴

Письмо мое вышло длинновато, простите вину мою, но больше виноваты в том Вы сами. Обнимаю Вас от души

искренно почитающий Вас

Николай Семенов.

Мой адрес в Петербурге. Васильевский остр<ов>, 6 линия, между Средним и Малым проспектами, дом № 39 Гинтера, а с 1 июня по 25 сентября в деревне: *Рязанской губ.*, в город Рязжск, в село Урусово Николаю Петровичу Семенову.

На конверте:

Его Высочородию
Афанасию Афанасиевичу
Шенину.

В *Москву*. Плющиха, собственный дом № 481.

Почтовые штемпели: 1) 6 марта 1884, Петербург; 2) 7 марта 1884, Москва.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 1–3 об.; конверт — л. 4.

¹ Это ответ на первое письмо Фета (№ 1).

² Освящение и открытие Исаакиевского собора состоялось в Петербурге 30 мая 1858 г., однако окончательно собор был достроен лишь в 1864 г. О том, что речь

^е их — *вписано над строкой.*

* *Далее зачеркнуто:* как

РУССКАЯ НОМЕНКЛАТУРА

НАИБОЛѢ ИЗВѢСТНЫХЪ ВЪ НАШЕЙ ФЛОРѢ И КУЛЬТУРѢ
И НѢКОТОРЫХЪ ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХЪ

РАСТЕНІЙ.

Н. П. СЕМЕНОВА,

Дѣйствительнаго Члена Императорскихъ русскихъ обществъ
географическаго и садоводства.



ИЗДАНИЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО РОССИЙСКАГО ОБЩЕСТВА САДОВОДСТВА.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Леведева. Невск. просп. д. № 8.
1878.



Книга Н. П. Семенова
«Русская номенклатура наиболее известных в нашей флоре и культуре
и некоторых общепотребительных растений» (СПб., 1878). Титульный лист

идет о 1864-м, а не 1858 г., свидетельствуют не только «Мои воспоминания», где говорится о знакомстве с Семеновым (см. примеч. 1 к п. 1), но и упоминание о мельнице, которая оказалась в распоряжении Фета лишь в 1863 г. См. примеч. 5 к наст. письму.

³ О В. П. Боткине см. примеч. 1 к п. 1.

⁴ Семенов увлекся поэзией А. Мицкевича в 1850-е гг. в Вильне, куда был назначен в январе 1850 г. губернским прокурором (*РГИА*. Ф. 1405. Оп. 105. № 40. Л. 117–117 об.) и где выучил польский язык (см.: *Николаев С. И.* Семенов Н. П. // *Русские писатели*. Т. 5. С. 557). Впервые «Крымские сонеты» Мицкевича были напечатаны в журнале «Заря» (1869. № 7, 12; 1870. № 3, 11), затем вошли в сборник «Из Мицкевича» (СПб., 1883; в действительности вышел в 1885 г.).

⁵ «Записка сенатского определения о мельнице», которую упоминает Семенов, была, вероятно, получена Фетом в августе 1864 г. в Петербурге, куда он отправился из Степановки в сопровождении В. П. Боткина (*Летопись* (1985). С. 165–166), поскольку дело из московского сената было передано в петербургский при содействии кн. В. Ф. Одоевского. Речь идет о мельнице на реке Тим, построенной А. Н. Шеншиным. По наследству она досталась Петру Афанасьевичу Шеншину, который уступил ее брату, желая таким образом вернуть ему долг в 22 тысячи рублей. Приобретя мельницу, Фет построил там удобный усадебный дом. Однако это приобретение оказалось для него весьма обременительным, поскольку он был вынужден вести судебный процесс с ливенским купцом Алексеем Кузьмичем Бондаревым, построившим плотину ниже по течению и затопившим мельницу Шеншиных. Впоследствии удалось заключить с ним мировую. Подробно обстоятельства покупки тимской мельницы и связанных с нею дальнейших злоключений Фет изложил в своих воспоминаниях (*МВ*. Ч. 1. С. 419–422, 426–430, 439–447). В частности, описывая события второй половины 1863 г., он упомянул, что ему пришлось несколько раз ездить в Петербург по делу о мельнице (Там же. С. 440). Кроме того, ему пришлось размежеваться с соседними крестьянами и т. д. В конце концов было решено продать мельницу ее арендатору Николаю Ивановичу Аксенову, что и было сделано Фетом в начале 1869 г. (см.: *МВ*. Ч. 2. С. 188–190).

⁶ По окончании курса в императорском Царскосельском лицее и по выпуске с чином 9 класса, «согласно желанию его и на основании Высочайшего повеления, сообщенного г. военным министром 5 марта 1843 г.», Н. П. Семенов был определен на службу в Департамент Министерства юстиции и прикомандирован для занятия по II отделению 25 марта 1843 г. (*РГИА*. Ф. 1349. Оп. 3. № 2016. Л. 115). Ко времени знакомства с Фетом Семенов уже занимал заметное место в чиновничьей иерархии, будучи награжден орденом св. Станислава II степени, золотой медалью на Александровской ленте, орденом св. Анны II степени и др. знаками отличия и дослужившись до действительного статского советника в должности обер-прокурора 4 департамента Правительствующего сената (Там же. Ф. 1405. Оп. 105. № 40. Л. 298–313 об.). За его спиной уже была работа в Редакционных комиссиях по отмене крепостного права.

⁷ Имеется в виду сборник: *Из Мицкевича. Переводы Н. П. Семенова*. СПб., 1883. Подлинная дата выхода в свет сборника: 1885 г. (см.: *Николаев С. И.* К истории издания сборника «Из Мицкевича» 1883 года (письмо Н. П. Семенова к А. А. Фету) // *РЛ*. 1998. № 2. С. 46, а также ниже примеч. 10). В 1886 г. сборник был удостоен

Пушкинской премии (*Грот Я. К.* Отчет о третьем присуждении Пушкинских премий в 1886 году // Сборник ОРЯС. 1887. Т. 41. С. 11–20, 53–77).

⁸ *Коссович Каэтан Андреевич* (1813–1883) — известный востоковед, санскриптолог.

⁹ Речь идет об издании клинообразных персидских надписей, подготовленных К. А. Коссовичем с латинской транскрипцией и глоссарием: *Inscriptiones Palaeo-Persicae Achaemenidarum* (Санкт-Петербургская библиотека, 1878). Об «известной» истории Коссовича с типографщиком Головиным сведений обнаружить не удалось.

¹⁰ Книга переводов из Мицкевича была доставлена Фету. См. его письмо от 24 марта 1885 г. (№ 9). Вышла со следующим посвящением: «Каэтану Андреевичу КОССОВИЧУ с чувствами высокого уважения и сердечной дружбы» (С. V). На обложке книги значится 1885 г., однако на титульном листе — 1883-й. В Послесловии Семенов писал: «Издание этой книги было предпринято по желанию и мысли Каэтана Андреевича Коссовича. Теперь это как бы листок, возлагаемый на его свежую еще могилу. / Печатание книги началось с октября 1882 года и сам он продержал корректуру первых двух листов ее, следовательно видел отпечатанную и страницу с посвящением ему. Это издание занимало его до последних минут жизни, и за день до своей смерти, которая последовала 26 января 1883 года, он, в нетерпеливом ожидании, спрашивал у меня, когда будут доставлены ему следующие листы? После его кончины печатание книги перешло, по не зависевшим от издателя обстоятельствам, на следующий 1884 год, но, так как первые листы и посвящение были уже отпечатаны при жизни покойного, на заглавном листе остается 1883 год» (Из Мицкевича. Переводы Н. П. Семенова. С. 165). Далее Семенов объяснял задержку с печатанием желанием Коссовича поместить в книге рисунок, о котором мечтал сам Мицкевич. Речь шла о виньетке к «Конраду Валленроду», на которой должен был быть изображен великий магистр крестоносцев со своим духовником. Уже после смерти Коссовича такая гравюра была заказана в Париже, однако художник выполнил картину на другой сюжет и так и не прислал ее.

¹¹ Фет был избран на должность участкового мирового судьи Мценского уезда Орловской губ. 25 июня 1867 г. (подробное описание выборов см. в письме к В. П. Боткину от 1 (13) июля 1867 г. (*Фет/Боткин*. С. 492–492) и в «Моих воспоминаниях» (Ч. 2. С. 122–125). В этой должности он состоял около 10 лет и называл это время «эпохой, отделяющей предыдущий период жизни и в нравственном, и в материальном отношении от последующего» (Там же. С. 122). Оценивая свою деятельность, Фет писал, что за это время он, «руководимый наглядным опытом, малопомалу <...> спускался с идеальных высот» своих упований «до самого низменного и безотрадного уровня действительности»: «Как ни тяжело было иное разочарование человека, до той поры совершенно незнакомого с народными массами и их мировоззрением, я все-таки с благодарностью озираюсь на время моего постепенного отрезвления, так как правда в жизни дороже всякой высокопарной лжи» (Там же. С. 124). В Отделе рукописей РГБ сохранилось 57 папок архивных материалов, связанных с ведением Фетом судебных разбирательств (Ф. 315. Оп. 1. См. об этом: *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. Саратов, 2008. С. 166–173).

¹² *Катков Михаил Никифорович* (1818–1887) — редактор «Русского вестника» и «Московских ведомостей». Фет неоднократно печатался в «Русском вестнике»,

однако его отношения с Катковым были сложными, хотя он всегда признавал его заслуги как главы консервативных сил в русской журналистике (см. п. 3).

¹³ По ордеру министра юстиции от 25 февраля 1859 г. за № 1111 Семенов был «командирован для занятий в Редакционные комиссии по составлению положений о крестьянах». По закрытии Редакционных комиссий 10 октября 1860 г. он был командирован «состоять при заведовавшем делами Главного комитета по крестьянскому делу тайном советнике В. П. Буткове, для необходимых объяснений и содействия по наблюдению за исполнением последних работ в Канцелярии Редакционных комиссий» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 105. № 40. Л. 308 об.–309 об.).

¹⁴ *Татаринов Александр Николаевич* (1810–1861) — член Редакционных комиссий по крестьянскому делу. В списке членов Редакционных комиссий, составленном Семеновым, Татаринов назван вторым из ушедших деятелей крестьянской реформы после Я. И. Ростовцева, умершего 6 февраля 1860 г. (*Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. Т. 1. С. XIV).

¹⁵ Речь идет о проекте института мировых посредников так называемого первого призыва, введенного правительственным указом 25 марта 1859 г. в целях подготовки и проведения крестьянской реформы. На долю этих назначенных из числа наиболее достойных дворян выпала трудная задача урегулирования отношений освобождаемых крестьян с помещиками, то есть составления уставных грамот, определявших границы земельных наделов, размеров общинных повинностей и т. д. Кроме того, мировые посредники исполняли частично роль судей, когда ущерб не превышал 30 руб., и имели право приговаривать к аресту и штрафам немедленно по совершении проступка, минуя долговременные судебные разбирательства. Фет неоднократно высказывался в своих публицистических статьях в пользу этого института, считая, что мировые посредники блестяще справились с возложенными на них обязанностями. «Только стоя на исторической, народной почве, они могли разрешить свою трудную задачу, — писал Фет в статье «Наши корни». — Справьтесь, часто ли им приходилось применять телесное наказание, да еще в какое время? Дорого было не самое наказание, а страх пред ним. Все полевые работы отбывались лучше, чем в эпоху крепостного права» (РВ. 1882. № 2. С. 497). Того же мнения придерживался и Н. П. Семенов.

¹⁶ Семенов не совсем точен. Официально институт мировых посредников был учрежден на три года, однако его деятельность продлевалась, лишь в 1874 г. он был окончательно упразднен, когда его функции были переданы мировым судьям.

¹⁷ *Данилевский Николай Яковлевич* (1822–1885) — философ и естествоиспытатель, автор книги «Россия и Европа» (первоначально публиковалась в журнале «Заря», отд. изд. 1871), был, как и Семенов, выпускником Царскосельского лицея (оба выпуска 1843 г.), в молодости отдал дань фуриеризму, посещал собрания М. В. Буташевича-Петрашевского, был арестован и сослан. В ссылке успешно занимался проблемами рыбного хозяйства, климатологии, статистики. В Крыму, где он жил в имении Мшатка, заложил ботанический сад, был одним из первых директоров Никитского ботанического сада. Последний труд Данилевского, изданный посмертно Н. Н. Страховым, был посвящен опровержению дарвинизма (*Данилевский Н. Я.* Дарвинизм. Критическое исследование: В 2 т. СПб., 1886–1889). Фет

одобрительно отзывался о теории «культурно-исторических типов» Данилевского и его опровержении дарвинизма. Фету принадлежит стихотворение «Памяти Н. Я. Данилевского» («Если жить суждено и на свет не родиться нельзя...», 1886), вошедшее в третий выпуск «Вечерних огней» (М., 1888). «Знаком я с Данилевским лишь из рук Страхова, — писал Фет Н. Я. Гроту 26 июня 1888 г., — и совершенно согласен, утверждая это с первого знакомства, что вся теория Дарвина — за волосы притянутая чепуха, а собственно у Данилевского мне понравились культурные типы отдельных народностей с общей сокровищницей печатной грамотности, сохраняющей предания отдельных культур, но нимало не представляющей того органического поступательного прироста, который мы видим в деревьях до известного возраста» (*ИРЛИ*). Приведенное Семеновым письмом Данилевского неизвестно.

¹⁸ Речь идет о статье Фета «О нашем сельском самоуправлении» (Русь. 1884. 1 февраля. № 3), опубликованной под псевдонимом «Деревенский житель». См. примеч. 8 к п. 1.

¹⁹ Имеется в виду статья Н. П. Семенова «Наши реформы». См. примеч. 4 к п. 1.

²⁰ В родовом поместье в дер. Рязанка близ с. Урусово Раненбургского уезда Рязанской губ., в котором родился Н. П. Семенов, был обширный сад, где были высажены редкие породы деревьев и кустарников. Именно здесь проявился впервые интерес будущего автора «Русской номенклатуры наиболее известных в нашей флоре и культуре и некоторых общеупотребительных растений» (СПб., 1878), как и его младшего брата Петра (известного впоследствии ученого П. П. Семенова-Гян-Шанского), к флоре родных мест. В настоящее время приусадебный парк частично сохранился.

²¹ *Страхов Николай Николаевич* (1822–1996) — критик, публицист и философ. Знакомство с Фетом в конце 1870-х гг. переросло в многолетнее сотрудничество и дружбу, которая длилась до конца жизни поэта. Страхов много помогал в редактировании стихотворений и переводов Фета, а после его смерти стал редактором первого посмертного собрания его стихотворений в двух томах (1894). Сохранившаяся переписка опубликована (*Фет/Страхов*. С. 233–550).

²² Имеется в виду книга: Русская номенклатура наиболее известных в нашей флоре и культуре и некоторых общеупотребительных растений Н. П. Семенова, действительного члена императорских русских обществ географического и садоводства. Издание императорского русского общества садоводства. СПб., 1878. Отзыв о ней Фета см. в п. 3.

²³ Первое издание «Ботанического словаря» было выпущено Н. И. Анненковым в 1859 г., но Семенов, очевидно, имеет в виду расширенное издание 1878 г.: Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей / Сост. Н. Анненков. СПб.: тип. имп. Академии наук, 1878. 645 с.

²⁴ Семенов имеет в виду первый выпуск поэтического сборника «Вечерние огни», вышедший в Москве в типографии А. Гатцука в начале 1883 г. (ценз. разрешение: 28 декабря 1882 г.).

3

Фет — Семенову

8 марта 1884 г. Москва

Москва,
Плющиха, собств. дом.
№ 481.

8 марта.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Чувствую, что не скажу ничего толкового и прошу извинить меня. Сами Вы вчерашним письмом и *заметками* присяжного,¹ которые я только что с радостью прочитал, возбудили в голове моей кутерьму, которую производит кислота, когда в нее попадает ложка соды. Впрочем, с Вами я даже при всем моем бессилии не боюсь быть непонятым. — Тургенев говаривал: охотник в сущности хороший человек.² Я еще более это применяю к человеку, способному для звуков и вообще для относительно и бесполезно прекрасного — жизни не щадить.³ Кто так сложит стих, как Вы в своем Мицкевиче⁴ — тонкий и хороший человек. Не удивляйтесь же, что я вторично, при чтении Вашего письма, независимо от симпатий к Вашему образованию и знанию, захлебнулся от радости обнять истинно хорошего человека. Не конфузьтесь, мы не жених и невеста. Почему не сказать что есть? Говорить, что детей не надо кормить из нелуженой меди или не очищать от паразитов, не значит не любить детей. И сколько бы мы ни говорили о гадости современного русского человека, это не значит, что мы с Вами не любим России. Это неправда! А если мы говорим, что клеветать, убить невинных, выпускающая на них убийц, гнусно, то это так следует, ибо соответствует вечному идеалу правды. Ваши заметки достойны на камне быть вырезаны золотом, и они не умрут, хотя бы не имели современного успеха. Для меня достаточно, что в 1884 году жил такой человек, который ясно видел все разветвления того рака, который нам выдают за прыщик *Deniu*. — Драгоценно то, что Вы сумели в такой краткой форме с такой энергией и ясностью, таким мастерским языком высказать все до малейших оттенков, которых другому хватило бы на 18 томов. — Вы говорите об интеллигенции, но ведь это слово растяжимо до бесконечности. Интеллигенция без образования немислима.⁵ Во Франции кривая интеллигенция среднего сословия газетничала и руссовствовала⁶ пляшущей и любезничающей интеллигенции до того, что та отдала через ее руки свое дворянство, заслуги и достояние на грабеж.⁷ У нас не было и нет состоятель-

ного дворянства, а есть придворные, занятые своей игрой в повышение и понижение, для которых всё остальное средство. Что же теперь наше земское дворянство, как не обезьяна газет и журналов? Все заложено и все жертвует: чем и для чего? Об этом они не знают. Строят дороги и потом вопиют о разорении. Накачивают из подонков людей науки, которые, плюя на науку, утверждают, что наука велит бить по шее всякую заслугу, всякое серьезное дело. — Но довольно. — Разрешите мне вопрос, который меня мучает. Неужели такие люди, как Толстой,⁸ Победоносцев⁹ никогда не прочтут Ваших *заметок*, если уж сами не видят того, что там говорится, когда это видит всякий извозчик? как я не раз в этом убеждался на опыте? А если прочтут, то как же они могут не видеть того, что им до очевидности указывают фактически.

Скажу Вам про себя одно. Мое спасение: умственный труд. В настоящее время перевожу Ювенала, который говорит то же, что и Ваши *заметки*, и блаженствую.¹⁰ Задача очень трудная, но приятная, и, Бог даст, осенью я Вам перешлю всего Ювенала в стихах в подстрочном, чтобы не сказать дословном переводе.¹¹

Понимаю, что Вам приходится томиться на Вашем посту, с делом, которое составляет священную, духовную обязанность этого поста.¹² С точки зрения спасения страны, Вам бы следовало сейчас стать министром юстиции, а приходится стушевываться перед интеллигенцией! Ну не свет ли это наизнанку!/? — Что касается до Каткова, то я не могу не воздавать чести его уму, знанию, мастерству, гражданскому мужеству, пользе, принесенной и приносимой им стране, но иметь с ним лично дела, хотя бы и литературные, считаю трудным, если не невозможным. Это человек, который будет перед Вами танцевать, насколько Вы ему нужны, и не задумается обтереть калош об Вашу бороду, когда миновала в Вас надобность.¹³ — Слава Богу, что я почти не нуждаюсь ни в каких журналистах, о чем, впрочем, говорю в предисловии к Ювеналу.¹⁴ Разве меня не ругали систематически в течение 20 лет и разве еще до сих пор не замалчивают преднамеренно, хотя бы тот же Катков. О «Вечерних огнях» и Горации говорили несколько слов одобрения в чужих лагерях. Но у классика Каткова мертвое молчание.¹⁵ Всё это я говорю к тому, что всякое разрушение находит всюду у нас ворота настежь, а не только консервативное, на просто миролюбивое встречается неприязнью.

Как тут служить честному делу?

Простите великодушно, если в интересах дела я скажу Вам следующее:

Свои гражданские вздыхания я проводил иногда высоко через приятеля — Дворцовая набережная, № 24–26. Его Превосходит<ельству> Ивану Петровичу Новосильцову.¹⁶

Единовременно с сим, не называя автора, укажу ему *на заметки*, которые он по указанию моему купит, если они продаются, но если нет, то отчего бы не послать их по его адресу?¹⁷ — Кто знает, где потеряешь, где найдешь? — При болезненности своей ничего себе не обещаю, но хотелось бы прибежать к Вам летом в Рязск.¹⁸

Простите за долгое письмо. Нужно было высказаться.

Преданный Вам
А. Шеншин.

При свидании передайте Гротам мое глубокое уважение.¹⁹

Не взыщите за Превосходительство, если Вы Высоко — лучше напишите. Ошибка лучше ниже, чем выше.²⁰

Сию минуту получил номенклатуру²¹ и только удивляюсь Вашему разнообразию и трудолюбию. Прочту со вниманием.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 3–6. В верхней части л. 1 запись рукой Семенова: «Ответ послан 21 марта 1884 г.»

¹ Имеется в виду анонимная брошюра «Заметки присяжного заседателя», изданная в 1884 г. в Москве, которая, возможно, была послана Семеновым в не дошедшем до нас письме к Фету, ошибочно принявшим его за автора. На самом деле автором брошюры был будущий редактор «Русского вестника», занявший этот пост после смерти М. Н. Каткова в 1887 г., Федор Николаевич Берг. Недоразумение разъяснил сам Семенов в следующем письме от 21 марта 1884 г. (№ 4). См. также: *Фет А. А. О нашем сельском самоуправлении* / Публ. Е. М. Аксененко и Е. В. Виноградовой // *Фетовские чтения (XVI)*. С. 22–23. «Заметки присяжного заседателя», содержавшие резкую критику современного судопроизводства, в том числе судов присяжных и адвокатуры, во многом перекликались как со статьей Семенова «Наши реформы», так и со статьями Фета, в которых затрагивался вопрос о суде. Не удивительно, что статья Берга была приписана Фетом Семенову.

² Это высказывание Тургенева, хотя и в ироническом смысле, содержится в рассказе «Хорь и Калиныч» (1846). Фет цитирует неточно: «В качестве охотника посещая Жиздринский уезд, сошелся я в поле и познакомился с одним калужским мелким помещиком, Полутыкиным, страстным охотником и, следовательно, отличным человеком» (*Тургенев. Соч.* Т. 3. С. 8).

³ Фет перефразирует строки из «Евгения Онегина» Пушкина:

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.

⁴ Об отношении Фета к переводам Семенова из Мицкевича см. п. 1 и примеч. 2 к нему, а также примеч. 7 к п. 2.



Семья Семеновых и Гротов. Фотография. Красная Слободка, 1888 г.

Сидят слева направо: Елизавета Андреевна Семенова,
Мария Ивановна Семенова, Н. П. Семенов, Я. К. Грот,
Ольга Васильевна Жон, Наталья Петровна Грот, П. П. Семенов.

Стоят: Андрей Петрович Семенов, Петр Николаевич Семенов, ?,
Михаил Николаевич Семенов, Константин Яковлевич Грот,
Каролина Ивановна Грот, Нил Алексеевич Гоголинский,
Павел Михайлович Семенов, Наталья Яковлевна Грот,
Дмитрий Петрович Семенов, Ольга Петровна Семенова,
Евгения Михайловна Семенова

⁵ Фета должны были особенно привлечь рассуждения автора брошюры «Заметки присяжного заседателя» об интеллигенции. В гл. VII («Травля интеллигенции») Берг поднял вопрос о том, кого следует называть этим словом: «О какой в самом деле интеллигенции говорится? Многие люди интеллигентные вполне справедливо могут претендовать, что они не виноваты ни в чем, что взваливается спорщиками на интеллигенцию. Всякий ли, читающий болтливые печатные листы и, как попугай, повторяющий фразы передовых статей и фельетонов, должен быть назван интеллигентом? Или как-нибудь иначе? Кончившие курс с грехом пополам в том или другом заведении что ли? Или это кружок либеральных писателей, медиков, акушерок, учителей — или еще как-нибудь иначе?» (С. 50–51). Разделив интеллигенцию на два порядка, автор брошюры показал, что травле подвергается первая и лучшая ее часть,

включая духовенство, в то время как вторая сама принимает участие в травле. Заслуживает внимания следующее рассуждение: «Человек может одеваться и вести себя как человек светский, не носить, например, грязных рубах и смазных сапогов, может иметь большие недостатки; но если он сердцем привержен к религии страны, к своему Царю, если он человек, любящий весь исторический уклад своей родины, знающий и любящий ее старину, ее историю — он тогда принадлежит этой стране, он интеллигент этой страны (раз нужно употреблять это слово), он душою и сердцем такой же законный сын своей страны, как и каждый простой пахарь, поселянин, верующий и чувствующий так же, как он. Но можно носить грязнейшую рубаху и высочайшие и пахучие смазные сапоги, толковать вечно о *народе*, — но раз человек не уважает веру, обычаи, историческую власть, основы, историю своей страны, — он не интеллигент этой страны; он может быть интеллигентом луны, интернационалки — чего угодно — но стране он принадлежит только по печальной случайности своего рождения» (С. 51–52). Размышления автора брошюры об интеллигенции тем более должны были заинтересовать Фета, что в его бумагах лежала неопубликованная рукопись с названием «Наша интеллигенция», которая, по совету Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова, осталась «в столе» (впервые напечатана: Вопросы философии. 2000. № 11. С. 126–174; подготовка текста и вступит. ст. Г. Д. Аслановой, коммент. Г. Д. Аслановой и Н. Н. Трубниковой). Статью Фет писал в 1878 г., обрушив на либеральную интеллигенцию целый ряд упреков и обвинений, начиная с увлечения естественными науками и дарвинизмом и кончая идеями французской революции 1789 г. Однако в отличие от Берга Фет считал образование непременным условием интеллигенции, а потому говорит об интеллигенции «среднего сословия» и дворянской интеллигенции во Франции.

⁶ Имеется в виду повсеместное увлечение идеями французского просветителя Ж.-Ж. Руссо, утверждавшего природное равенство всех людей и ратовавшего за общественный договор в качестве регулятора государственного устройства.

⁷ Фет говорит о Французской буржуазной революции 1789–1794 гг., ликвидировавшей монархию и аристократическое сословие, во время которой было национализировано имущество богачей и казнено десятки тысяч человек.

⁸ Речь идет о *Дмитрии Андреевиче Толстом* (1823–1889), сенаторе, члене Государственного совета, с 1865 г. обер-прокуроре Святейшего синода, министре народного просвещения (1866–1880), министре внутренних дел (1882–1889), авторе концепции обновления России, в которой главная роль отводилась поместному дворянству. Проводил консервативные идеи, в том числе в сфере образования. Фету, стороннику классического образования, идеи и политика Толстого были близки.

⁹ К. П. Победоносцев (1827–1907) был в это время близок к новому императору Александру III, воспитателем которого был много лет и на которого имел большое влияние.

¹⁰ Речь идет об издании: *Ювенал Д. Юний*. Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1885. При прохождении этой книги через цензуру возникли сложности, вынудившие Фета обращаться к возглавлявшему Главное управление по делам печати Е. М. Феоктистову (его письмо от 20 ноября 1884 г., написанное после получения цензурного разрешения 9 ноября, хранится в РНБ). На цензурные строгости Фет откликнулся в шутовском стихотворном послании Ф. Е. Коршу от 29 ноября 1884 г.

О, что бы провещал ученейший Хирон,
Когда б на наших муз взглянул хоть мельком он,
У коих цензоры, благочестивы люди,
Обгрызли ногти все и вырезали груди,
Как режут эвнухов, что вывел Ювенал,
Хотя Гелиодор давно их окорнал.
И так и следует: зачем писать антично?
У наших цензоров узнал бы, что прилично <...>

«Если Ювенал с таким ожесточением нападает на известные античные пороки, утратившие в новом мире, с изменившимся положением женщины, свою силу, — писал Фет в Предисловии к Ювеналу, — то все остальное о мошенничествах, адвокатских уловках, попрошайстве, утрате высшим обществом художественных инстинктов, обоготворении денег, приводящем к несказанным зверствам, словно списано — с нашей современности» (*Ювенал Д. Юний*. Сатиры. С. 10).

¹¹ «Счастливи переводчик, которому удалось хотя отчасти достигнуть той общей прелести формы, которая неразлучна с гениальным произведением; — писал Фет в Предисловии к Ювеналу, излагая свои принципы перевода, — это высшее счастье и для него и для читателя. Но не в этом главная задача, а в возможной буквальности перевода; как бы последний ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала, тогда как в переводе, гонящемся за привычной и приятной читателю формой, последний большею частью читает переводчика, а не автора» (Там же. С. 6). 11 января 1885 г. Фет писал, что отослал по почте перевод Ювенала (см. п. 6). Семенов сообщал о получении книги 24 февраля того же года (см. п. 7).

¹² В это время Семенов исполнял должность первоприсутствующего в соединенном присутствии 3, 4 и Межевого Департамента Правительствующего сената (*РГИА*. Ф. 1405. Оп. 105. № 40. Л. 317 об.–318).

¹³ Отношение Фета к М. Н. Каткову определялось высокой оценкой его как журналиста, основавшего один из лучших русских журналов и газету «Московские ведомости», а также последовательно отстаивавшего консервативные начала, которым был привержен поэт. Важнейшим поступком Каткова для Фета была открытая поддержка политики правительства в связи с польским восстанием 1863 г. В то же время необязательность договоренностей, произвольное вмешательство в тексты вызывали у Фета протест. Так, в 1863 г. Фет совместно с В. П. Боткиным написал, по просьбе самого Каткова, статью о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?», которую в конце концов редактор «Русского вестника» к печати не принял. См. об этом: *МВ*. Ч. 1. С. 429–431, 435–436, а также: *Фет. ССЦП*. Т. 3. С. 458–464; коммент. А. Ю. Сорочана и М. В. Строганова. После смерти Каткова Фет писал А. В. Олсуфьеву: «Что бы ни говорили, смерть Каткова есть капитальнейшая утрата для консервативной России, на которую, того и гляди, вновь набросятся голодные нигилисты <...>» (*Письма к Олсуфьеву* (50). С. 235).

¹⁴ В Предисловии к переводу сатир Ювенала Фет, намекая на то, что он печатает книгу за свой счет (так ему приходилось делать в последние десятилетия почти всегда), писал: «...придется поблагодарить судьбу, пославшую нам досуг не только наслаждаться изучением образцовых произведений чуждых веков и народов, стараясь по мере сил переносить их на родную почву, но и самостоятельно печатать

наши переводы для желающих с ними ознакомиться. В этом случае мы чувствуем себя на необитаемом острове, омываемом лишь общими для всех волнами цензуры. / Не нужно, забегая с нашими матерьялами в пристань того или другого журнала, тщательно справляться со вкусами и образом мыслей начальника порта, в угоду которому мы должны были бы придавать ту или другую архитектуру или окраску матерьялам, из которых приходится слагать здание. Мы совершенно свободны, и если в возводимом нами русском здании найдутся ничтожные отступления от букв подлинника, то они являются добровольными уступками или нашему языку или нашим нравам» (*Ювенал Д. Юний*. Сатиры. С. 3–4).

¹⁵ Фет имеет в виду первый выпуск сборника своих новых стихотворений: *Вечерние огни*. Собрание неизданных стихотворений А. Фета (М., 1883) и полный перевод Горация: К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета (М., 1883), за который ему в 1884 г. была присуждена полная Пушкинская премия. Фет был прав: действительно отклик в «Русском вестнике» появился лишь в 1888 г. (№ 3) в виде рецензии А. А. Голенищева-Кутузова на три выпуска «Вечерних огней». В то же время неожиданно для Фета высоко оценил первый выпуск «Вечерних огней» В. П. Буренин в газете «Новое время» (1883. 25 марта. № 2340. С. 2). См. реакцию Фета на эту рецензию в письме к Вл. Соловьеву от 14 апреля 1883 г. в наст. томе (публ. Г. В. Петровой). Обошел «Русский вестник» молчанием и издание Горация в переводе Фета. «Классиком» называет Каткова Фет, поскольку в известном споре о классическом и реальном образовании Катков занимал сторону «классиков», добившись через министра народного просвещения Д. А. Толстого проведения учебной реформы в пользу классического образования. В 1867 г. он основал в Москве Лицей (так называемый Катковский), где на практике осуществлял идеи «классицизма». Этот лицей, в частности, закончил племянник Фета Петя Борисов.

¹⁶ *Ивана Петровича Новосильцева* (Новосильцов; 1827–1890), чьи родители были соседями Шеншиных по имению (имение Новосильцевых Воин сохранилось до наших дней), Фет впервые увидел в Москве в феврале 1835 г.: «В Москве <...> отец повез нас с сестрою (Любовью. — *Н. Г.*) в дом нашего деревенского соседа, генерал-губернаторского адъютанта П. П. Новосильцова, в его собственный дом у Харитония в Огородниках. Там я в первый раз познакомился с 6-тилетним сыном Новосильцова Ваничкой, бегавшим в красной шелоновой рубашке с золотым позументом на вороте» (*РГ*. С. 78). 6 марта н. ст. 1857 г. Новосильцев писал своему другу И. П. Борису: «...если судьба его (Фета. — *Н. Г.*) занесет в Вену, то я буду для него тем, чем и прежде был — старым знакомым и притом будучи твоим другом, постараюсь принять на себя наилюбезнейшую форму <...>» (*РГБ*. Ф. 315. К. 9. № 38. Л. 2 об. Сообщено И. А. Кузьминой). Спустя некоторое время, когда Фет стал соседом Новосильцева после приобретения в 1860 г. Степановки, между ними возникли дружеские отношения. В РГБ хранится 57 писем Новосильцева к Фету за 1865–1889 гг. Письма Новосильцева к Фету, хранящиеся в ИРЛИ, опубликованы Е. В. Виноградской (см. об этом примеч. 42 к вступит. статье). Происходя из семьи, выслужившейся еще при Елизавете Петровне, Новосильцев дослужился до шталмейстера двора е. и. в. Разделяя политические взгляды Фета, он не раз помогал ему связями при дворе, в частности способствовал распространению его публицистических сочинений и старался довести их до сведения высокопоставленных чиновников, вплоть до государя.

¹⁷ Судя по ответному письму Новосильцева от 14 марта 1884 г., Фет действительно сообщил ему о «Заметках присяжного заседателя» и попросил найти в книжных лавках и ознакомиться (*Письма Новосильцова (I)*. С. 191–192). Когда Новосильцеву удалось прочитать брошюру, он рекомендовал ее своим единомышленникам в высших кругах. «О судебных порядках идет давно речь, — писал он 26 марта 1884 г., — и надо надеяться, что произойдет поворот в хорошем направлении» (*ИРЛИ. № 20288, л. 24*). При этом Новосильцев указывал Фету на статью Семенова «Наши реформы», говоря: «...все, что там говорится о „Комиссиях“, замечательно, трезво и толково» (Там же. Л. 24–24 об.). 24 апреля 1884 г. он уже сообщал: «„Заметки присяжного“ я расплодил в большом количестве и могу тебе сказать откровенно и без хвастовства, что ты этой книжечкой принес пользу родине, в чем, Бог даст, скоро убедишься» (*Письма Новосильцова (I)*. С. 194).

¹⁸ Сведений о посещении Фетом Семенова в Урусово обнаружить не удалось.

¹⁹ Сестра Семенова *Наталья Петровна* (1825–1899) была замужем за известным филологом, вице-президентом Академии наук *Яковом Карловичем Гротом* (1812–1893), с которым Фет был хорошо знаком. Имение Гротов находилось неподалеку от Урусова, на левом берегу реки Рановы в сельце Красная Слободка (или Нарышкино). Семеновы и Гроты часто навещали друг друга, проводя лето в Раненбургском уезде. Здесь же, в нескольких верстах, находилось еще одно имение Семеновых — Рязанка, доставшаяся Н. П. Семенову как старшему в роду. Будущий знаменитый географ Петр Петрович Семенов (с 1906 г. Тянь-Шанский) купил имение в дер. Гремячка (Кареевка), в семи верстах от Рязанки и в трех от Красной Слободки.

²⁰ Будучи на тот момент в чине тайного советника, что соответствовало 3 классу по Табели о рангах, Семенов имел право именоваться *Превосходительством*, а не *Высокопревосходительством*.

²¹ Речь идет о книге Н. П. Семенова «Русская номенклатура наиболее известных в нашей флоре и культуре и некоторых общеупотребительных растений» (СПб., 1878).

4

Семенов — Фету

21 марта 1884 г. Петербург

С.-Петербург.

21 марта 1884 г.

Душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич,

На письмо Ваше от 8 сего марта до сего дня не имел досуга отвечать. «Заметки присяжного», которые Вы, по-видимому, приписывали мне, принадлежат Федору Николаевичу Бергу; это его впечатления, когда он был сам призван присяжным заседателем.¹ Когда он у меня был, вскоре

после получения Вашего письма, я показал ему место, относящееся до этих записок, он был очень утешен, что Вам они понравились, и вызвался прислать Вам 2 экзempl<яра> и написать.² Я поддержал эту мысль ввиду того, чтобы Вы могли один экземпляр передать Ив. Петр. Новосильцеву, о котором упоминаете. Эти записки заслуживают полного внимания по действительности, их правдивости и тем качествам, о которых Вы пишете, а в продаже их не найти; потому, что и здесь, пока мне не сообщил их автор, я купить их не мог. Что касается до моей статьи «Наши реформы», то я всё исполнил, что составляет гражданскую обязанность сенатора: я представил (приватнейшим образом) один оттиск Е<го> И<мператорскому> В<еличеству>, и статья у него на столе, ибо представившему он сказал: пожалуйста, оставьте это у меня. Если Вас интересует ход дела, насколько я сам могу за ним следить, то среди высокопоставленных и близких к престолу большинство сочувствует, только замечают, что для исполнения мной предлагаемого слишком много ломки потребуется. Удивительно, я думал, что представляю программу наименьшей ломки. Нельзя же вылезти из трущобы, не прикасаясь совсем к предметам, которые заслоняют Вам выход. Правду говорит мой приятель Тёрнер:³ у нас такое расположение: сломать — давай сей час, а если нужно что порасставить на свое место и только вынуть ненужное, кричат: это ломка. Это указывает на какую-то врожденную инерцию, на отсутствие настоящей^a деятельности, разметать всё легко, а расставить на свое место, конечно,^b труднее; да еще надо пошевелить мозгами. Памятуя золотые слова Ник<олая> Як<овлевича> Данилевского, что он не верит в успех каких бы то ни было реформ, пока сами умы не реформируются,⁴ я, разумеется, интересуюсь, как в провинции думают, и получаю утешительные свидетельства. Третьего дня была у нас Софья Серг. Кашпирева (издательница «Семейных вечеров»),⁵ она только что приехала из своего имения Симбирской губернии. Это имение, заложенное в Сызранском поземельном^b банке (1000 десят<ин> с усадьбой) сюрпризом от нее, продал этот расстраивающийся банк жиду. В этот^г банк послана Мин<истерством> финанс<ов> ревизия. Он^д продал имение с публичных торгов, без публики, однако, и мошенническим образом. Она вносила деньги аккуратно и требовала расчета в десятках

^a на и настоящей — вписано над строкой.

^b конечно — вписано над строкой.

^b поземельном — вписано над строкой.

^г этот — вписано над строкой.

^д Он вписано над зачеркнутым: и

рублей, имеет квитанции платежей; но расчетов никогда не получала из банка. Она все-таки женщина, вдова, евреи и позволили (банк этот сделался совсем еврейским). Вот до чего мы дошли. Она и говорила мне, что во всех губерниях, где она была, подолее останавливалась в Ярославской, только и разговору, что о моей программе, сочувствие общее, и январская книжка «Русского вестника» переходит со стола на стол. Екатеринославский губ<ернский> предводитель дворянства Григорьев⁶ пожелал со мною познакомиться, и вчера случайно я встретился с ним в одном доме, и он сказал, что за полное сочувствие южных губерний он мне ручается, а сам он изучает проект неоднократно чтением, и когда я подумаю, что еще в 1859 году я говорил почти то же самое, а об адвокатуре печатно в Русском же вестнике и в нем же в подстрочных замечаниях нашел отпор⁷ и был встречен ругательствами газет, а что теперь — какая разница! Что же успех? Никакая истина, никакой труд его не обеспечивают, а все делает удача и время. Дай Бог только нам так или иначе выбраться на путь истинный, тогда труд пропадет даром; но в этом уверенности мне еще недостает. Надо, чтобы снизу настаивали на осуществлении того, что верно высказано. Чаша, кажется, переполнилась. В печати я не видел еще критики, только выписки и замечания вскользь. Юстиция метется. Горячий поклонник Суд<ебного> уст<ава> 1864 года *Неклюдов*⁸ в красноречивом^е заключении Пр<авитествующе>му Сенату, кажется по делу Мельницких,⁹ делает козлом отпущения всех грехов этих уставов — *адвокатуру*. Известный Спасович тоже в какой-то речи где-то обрушивается на *суд присяжных*.¹⁰ Из Харькова по делу об убитой крестьянами Обернихиной,¹¹ слепой крестьянке выписан сюда, говорят, товарищ прокурора для объяснений и поправления дела. От кассационных департ<аменто>в выговоры Московск<ому> окружн<ому> суду по делу Мельницких и Киевскому делу Свиридова,¹² видно, что хотят поддержать судебн<ые> учреждения нового пошиба исправлением поведения; но вряд ли это возможно, когда фальшь во всех основаниях учреждений. Поживем, увидим.

Титулам я не придаю никакого значения,¹³ особенно в отношении тех, коим Бог придает свой титул печатью, так сказать, помазания в дарах таланта, но на^ж вопрос ответственность должен; в моем Вы не ошиблись несколько; но меня наводит на сомнение, не ошибся ли я в Вашем,¹⁴ если согрешил и согрешаю, то всю вину возложите на Ник<олая>

^е красноречивом — *вписано над строкой*.

^ж на — *вписано над строкой*.

Ник<олаевича> Страхова; я его вопрошал, состоящего с Вами в переписке,¹⁵ искал в книжке; но там только служебные или служащие генералы. Если ошибаюсь, надоумьте. Буду ожидать ответа, ибо неисправным быть в том, чем жалует Царь, во всех случаях неприятно, особенно тому, кто на службе. Искренно почитающий Вас

Николай Семенов.

Хотел написать немного, а написалось и много. Да не будет Вам в утруждение!

<Далее вписано на полях л. 6 об.:>

Адрес мой Вас<ильевский> остр<ов>, 6 линия, дом № 39. С. Петербург. Никол. Петров. Семенову.

<Далее вписано на полях л. 5–5 об.:>

Перечитывая Ваше письмо, я стал в тупик, не попал ли я в кипроко.¹⁶ Если Вы под заметками разумеете мысли, изложенные в моей статье, нарицательно употребляя слово, то я ошибся, потому что под рукой у меня были «Заметки присяжного», без подписи, и мне подвернулся в это время Берг; но я не жалею и об ошибке, потому, что хорошая вещь, вы получите их и можете подействовать к их распространению,¹⁷ а Берг очень доволен, в таком случае поддержите мое кипроко, а во всяком случае не откажите мне в ответе на это³ мое письмо, который должен рассеять мои сомнения, а в случае моей ошибки Вы убедитесь, что все, у кого поэтическая жилка только есть, рассеян<н>ы. Любопытен будет мне Ваш ответ.

На конверте:

Его Высочородию
Афанасию Афанасьевичу Шенишину.
В Москву. Плющиха, собственный дом № 481.

Почтовые штемпели: 1) 22 марта 1884, Петербург; 2) 23 марта 1884, Москва.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 5–6 об.; конверт — л. 7.

¹ См. примеч. 1 к п. 3.

² Это письмо неизвестно или не было написано. Экземпляр упомянутой брошюры с владельческой надписью «А. Фет» сохранился в архиве Г. П. Блока (*ИРЛИ*), однако это, возможно, не тот экземпляр, что был подарен Бергом.

³ это — вписано над строкой.

³ Тёрнер Федор Густавович (1833–1906) — государственный деятель, член Государственного совета, сенатор, действительный тайный советник (с 1898 г.). Служил в Министерстве финансов, член статистического совета при Министерстве внутренних дел, с 1880 г. директор Департамента государственного казначейства; выступал как публицист по вопросам землевладения, общинного владения, законодательства. Автор мемуаров, в которых с теплотой вспоминал о Семенове (*Тёрнер Ф. Г. Воспоминания жизни*: В 2 ч. СПб., 1910. Ч. 1. С. 254–255).

⁴ См. п. 2 и примеч. 17 к нему.

⁵ Имеется в виду жена издателя журнала «Заря» и публициста В. В. Кашпирева (1835–1875) *Софья Сергеевна Кашпирева* (урожд. Урусова; ?–1917), издательница и редактор с 1870 по 1891 г. детского иллюстрированного журнала «Семейные вечера».

⁶ Лицо неустановленное.

⁷ Статья Семенова «Об адвокатуре в гражданском процессе» в «Русском вестнике» (1859. Т. 20. № 3 (Март). Кн. 2. Отд.: Современная летопись. С. 144–154; подпись: Н. С.—в) действительно сопровождалась пространными редакторскими подстрочными примечаниями, в которых была развернута полемика с тезисами статьи. Так, уже к названию статьи была сделана следующая сноска: «Печатаем эту статью, с главными мыслями которой мы решительно не согласны, для того, чтобы опровержением их содействовать разъяснению важного вопроса о необходимости адвокатуры для правильного суда, не только уголовного, но и гражданского. <...> Мы уверены, что возражения посыплются на эту статью со всех сторон. Покамест сопровождаем ее лишь немногими подстрочными замечаниями» (Там же. С. 144). Некоторые редакторские возражения на положения статьи дают представление об их характере и направленности. Подвергая сомнению пользу от введения института адвокатуры в гражданское судопроизводство, Семенов писал: «Неужели учреждение адвокатов в гражданских делах и частных спорах может споспешествовать распространению юридических знаний в массе народа, когда эти знания составят некоторым образом монополию одного сословия стряпчих, которого выгода связана с исключительным обладанием юридическими сведениями и которого существование вообще уничтожит у многих побуждение приобретать сведения этого рода?» (Там же. С. 145). Под строкой читаем: «Уже с этим первым возражением невозможно согласиться; с точки зрения автора, следовало бы, для распространения полезных знаний в народе, уничтожить все специальные профессии: не нужны ни механики, ни инженеры, ни архитекторы, потому что, занимаясь исключительно предметами своих занятий, они препятствуют распространению в народе сведений по их искусству или науке. Некоторые особы, неблагоприятно расположенные к адвокатуре, находили вред ее в том, что она открывает народу слишком легкий путь к изучению законов» (Там же). «Если сверх того, — продолжал далее автор статьи, — принять в расчет, что одному из адвокатов в гражданской тяжбе приходится защищать неправую сторону, нельзя не убедиться, что понятия о законе и справедливости не только не будут уясняться при производстве дел с помощью стряпчих, но напротив будут запутываться ловкою и часто софистическою их диалектикой» (Там же). Редакторское примечание к этому рассуждению гласит: «Этого опасения не будут разделять с автором люди, которые довольно упражнялись в чтении бумаг и документов, составляемых безграмотными тяжущимися или не менее их безграмотными и

словообильными поверенными. Неужели грамотный не выражается яснее, чем безграмотный, сведущий не объясняется понятнее, чем несведущий, и адвокат, представляющий ручательство в знании и честности, будет так же запутывать дела, как отставной чиновник, предлагающий в газетах свои услуги для сочинения всякого рода бумаг?» (Там же). Из приведенных примеров видно, что редакторские возражения нередко превышали по объему тезисы автора статьи.

⁸ Имеется в виду известный юрист *Николай Адрианович Неклюдов* (1840–1896), профессор уголовного права Военно-юридической академии, обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената, автор многих работ по уголовному праву. В 1867–1868 гг. выпустил в двух томах «Руководство для мировых судей». Начав с безусловного принятия судебной реформы 1864 г., постепенно перешел к ее критике, в частности, по вопросу о решении суда присяжных по делу Мельницких, предложив отменить решение и внести поправки в само судопроизводство, за что подвергся критике в либеральных органах печати (см., например: *ВЕ*. 1884. № 4. С. 790–795. Отд.: Хроника. Внутреннее обозрение). Речь Неклюдова, произнесенная в кассационном департаменте Сената 13 марта 1884 г., произвела огромное впечатление, несмотря на то, что одним из защитников Мельницких был В. Д. Спасович. Откликнулся на это выступление Неклюдова М. Е. Салтыков (*ОЗ*. 1884. № 4. Отд. II): «Март месяц ознаменовался тем, что адвокатское сословие получило неожиданный реприманд. Печальную эту обязанность принял на себя известный юрист и в то же время член прокурорской семьи, Н. А. Неклюдов. Частые оправдательные вердикты, благодаря которым преступления, несомненно содеянные, остаются не наказанными, обратили на себя его просвещенное внимание. Но в особенности, по-видимому, повлияли на его решимость вопли охранительной печати, направленные против судебной реформы. По рассмотрении оказалось, что во всем виноваты адвокаты. Они вводят в заблуждение присяжных заседателей, они сознательно извращают факты, они — *распинают* закон... <...> Жаль, что он не упомянул при этом, не распинали ли, при случае, закона и прокуроры» (*Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.*: В 20 т. М., 1965–1977. Т. 15. Кн. 2. С. 279). Против Неклюдова был заявлен протест адвокатов, подписанный Д. Стасовым, К. Арсеньевым, В. Спасовичем и др. (*НВр*. 1884. 24 марта. № 2899).

⁹ Речь идет о нашумевшем деле казначая Воспитательного дома Ф. И. Мельницкого, обвиненного в укрывательстве и расходовании 307 500 руб., и его родственников, принявших участие в растрате и укрывательстве похищенных денег, которое рассматривалось Московским окружным судом 16–22 декабря 1883 г. с участием присяжных заседателей под председательством Е. Р. Ринка. Суд присяжных вынес оправдательный вердикт, признав факт присвоения денег.

¹⁰ *Спасович Владимир Данилович* (1829–1906) — известный юрист и адвокат, специалист по уголовному праву. В своей речи по делу Мельницких он, желая возразить Неклюдову, невольно поддержал его, объявив, что суд присяжных «болен» и что «лечить его надобно энергически и немедленно», дабы не довести до «необходимости ампутации» (см.: *Спасович В. Д. Соч.* СПб., 1894. Т. 7: Судебные речи (1888–1892). С. 63–64).

¹¹ Сведений об этом деле обнаружить не удалось.

¹² Выговоры последовали после выступления Н. А. Неклюдова по делу Мельницких (см. выше, примеч. 8) и М. Д. Свиридова. Последний, будучи кассиром,

а затем помощником председателя киевского Общества взаимного кредита, совершил растрату в размере более 300 тысяч рублей. В декабре 1883 г. судом присяжных он был оправдан, защитником на суде выступал Л. А. Куперник. Лишь через год, в октябре 1884 г., состоялся повторный суд и Свиридов был осужден.

¹³ Это ответ на вопрос о титуле Семенова, прозвучавший в письме Фета от 8 марта 1884 г. (см. п. 3 и примеч. 20 к нему).

¹⁴ Семенов на конверте писал перед именем Фета «Высокородие», что соответствовало табели о рангах. Фет в этот период в письмах жене всегда писал «её Высокородию». На такое титулование он имел право как почетный мировой судья, так писал на конвертах и И. П. Борисов с конца 1867 г. Ответ Фета в следующем письме (№ 5).

¹⁵ См. примеч. 21 к п. 2.

¹⁶ *Кипроко*, или квивпрокво — от лат. *qui pro quo* (букв. кто вместо кого) — путаница. Семенов имеет в виду, что мог неправильно понять Фета, однако он понял все правильно: Фет говорил о статье Ф. Н. Берга, а не Семенова.

¹⁷ См. примеч. 17 к п. 3.

5

Фет — Семенову

24 марта 1884 г. Москва

Москва,
Плющиха, собств. дом.
№ 481.

24 марта 1884 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Читал и перечитывал Вашу статью «Наши реформы», с которой предварительно был знаком по выпискам «Моск<овских> вед<омостей>»,¹ которые, конечно, не могли передать той органической связи, которая превращает статью в нераздельное целое, а не в отдельные, хотя бы и прекрасные мысли. Я уже высказал свой старческий восторг по случаю обретения Вас в Питере и на таком посту.² Тогда мой план был Вам известен, а потому утешен, теперь, когда Вы уже знаете, насколько Вы дороги моей русской душе и уму, способному ну хоть отличать голову от редьки, буду обращаться не к Вам лично, а к носимым нами сообща мыслям. Простите, если мои заметки будут отрывочны — это не критическая статья, а короткое письмо. В Вашей статье царит логика, а это первый патент на бытие. Что, напр<имер>, можно возразить на положение: земство частное учрежд<ение> ergo ни до кого не обяза-

тельное,³ и я первый не только бы туда не пошел *рассуждать* или, что еще хуже, платить, я бы собаку свою высек, если бы она случайно забрела в этот дом непотребства. Я повторяю афоризм гр. Соллогуба (молодого моего знакомого):⁴ «Не обзывай никого дураком, сам можешь быть назначен в губернаторы». Сколько бы я мог представить живых иллюстраций к этому гениальному афоризму. Но с другой стороны, при теперешнем положении вещей — что может сделать даже не дурак? — Читали ли Вы вчерашний № 23 марта «Моск<овских> ведом<остей>», статью «Со станции Кологривовки»?⁵ Вот суть и сущность нашей жизни. Я вполне, как уже повторял, понимаю значение суда в высоком значении. Где нет суда — нет правды, — нет нормы, нет порядка. Но не всякий имеет несчастье судиться, тягаться или быть судимым, а в земледельческой стране все пашут и сеют, а у нас этого положительно делать нельзя, за отсутствием администрации. Вздоров нельзя говорить перед подобным Вам человеком. Тут софизм сейчас будет уловлен. Как у Вас, так и у Берга просвечивает между строками мысль, которую надо формулировать следующим образом. Господа кормили крестьян и воздерживали их от пороков, совершенно на том основании естественном, на котором (по рассказу Тургенева) Александр Дюма-отец, предаваясь оргии с какой-то актрисой на тюфяке на полу, туго застегивал прислуживавшей им обезьяне лосинцы, иначе бы она издрачилась, чего хозяин не хотел. Теперь обезьяну отпустили, и следовало поставить дилемму: Свободные ходят без лосинцев — и хотя при переходе на волю часть обезьян изведется, но все остальные привыкнут к свободе и сами станут себя жалеть не для Дюма, а для себя. Или обезьяны вообще не способны удержаться от худого и не могут оставаться без лосинцев, хотя бы их надевал на них и не Дюма. Замену Дюма явились посредники, и обезьяны стали и строить новые избы, и сажать ракиты и т. д. Только при таком надзоре и направлении крестьянской деятельности и проверке всей нижестоящей земской полиции имеет смысл помощь в известных непредвиденных случаях. — Но возложение забот и попечений на одно ни для кого ни в каком смысле не обязательное учреждение (земство), обращенных почему-то на одно только сословие, у которого за употреблением помощи никто смотреть не имеет права, есть верх гуманитарного сумбура. Если бы Вы по благосклонности ко мне взяли заботиться из Питера о расходе у меня в доме стеариновых свеч, то снесу такую готовность, но услугу довольно трудно было бы понять и объяснить, а еще менее удобно было бы эту заботу завещать у Вас из рода в род. — Но допустим, чтобы, невзирая на это, Вы взвалили бы на себя этот крест. Что бы Вы при этом сказали, если бы слыша, что у меня все та-

щут из дому свечи по всем направлениям, Вы бы услышали мои вопли к Вам: свечей нет, и на вопрос: куда девались только что доставленные? ответ: «это не Ваше дело». — Вы пишете о всеобщем сочувствии на юге к Вашей статье.⁶ Давай Бог! Но я плохо этому верю. Не таково наше общее образование. Мы учимся всему, кроме мышления, но два-три человека ничего не значат. — Если бы земство или дворянство способны были понимать значение и логику Вашей статьи, они бы не чирикали по закоулкам, как воробьи, а припали бы дружно к ступеням Престола, моля об искуплении от греха, проклятия и смерти, а то им ровнехонько все равно, им нужно сказать псевдолиберальную чепуху, справиться с курсом (это еще гении!), взять деньги под вторую закладную или соло-вексель и уехать в Париж или Ниццу. — Прошу Вас ни на минуту не сомневаться в глубоком проникновении моем Вашей основной мыслью единства государственной власти; но мне кажется, что единство власти не исключает употребления естественных, опытом и разумом оправдываемых приемов. Каждый торговый дом, каждое отдельное хозяйство есть непременно такое единовластие. — Как же оно себя осуществляет на деле. — Я как раз в настоящую минуту могу служить примером. Воронеж<ский> мой управляющий разбогател от женитьбы и не мог продолжать дела,⁷ я взял *по рекомендации* управляющего, и мне донесли о его мелких, но характерных поступках, по которым я распорядился немедля его удалить, как неблагонадежного, но при этом он успел выхлестать из экономической кассы 1000 рублей. Теперь там новый человек и на которого я надеюсь. На днях прибыл ко мне в Москву арендатор, предлагавший взять в аренду хутор отдельный, входящий в состав того (воронеж<ского>) имения, и я сказал ему, что, не зная местных соображений управляющего, не могу сам ничего решить, а прошу обратиться к непосредственному источнику. Итак, я вполне доверяю своему доверенному, но в предположении, что он строго держится того общего принципа, которым я руководствуюсь и в Орлов<ской> и в Кур<ской> губерниях. Но когда я только зачуял противное с уволенным управляющим, — то не пошел его предавать судам; что почти никогда не исполнимо, а просто уволил его. То же до малейшей подробности по лестнице вверх и вниз. Один парильщик трет Вас и скоро и приятно, один кучер подает и скоро, и лошадей сбережет, другие наоборот, как их судить судом. Как судить повара. Яиц и лаврового листу столько же, а в рот взять нельзя. Противопоставлять же судьбу одного служащего общему механизму дела, по-моему, не совсем справедливо к делу и на опыте так не бывает. У купцов: мальчишка носит в банк тысячи, но рохля или небла-

гонадежный не удержится у хозяина, которому нужно скоро, толково и верно.

На основании вышесказанного я, сочувствуя превосходной статье Берга «Присяжный заседатель», не могу признать мысль о страховании посевов плодотворной, без посредников.⁸ Посредник возьмет страховые деньги и отправит их в страховое общество, а когда нужно, дает семян и муки. Но платить из этих денег за наем земли и т. д. значит остаться без хлеба, но с водкой. Простите великодушно за длину письма и невозможность его слога. Писал, что в минуту думал, и искал только быть понятым.

Вполне разделяю Ваше воззрение на царские награды и знаю, что в республиках ими дорожат еще более, чем у нас. Это все жеманная ложь, хотя я лично не делаю различия для себя между Высокоблагородием и Высокородием; но получить Благородие мне как штаб-офицеру и столбовому дворянину было бы странно.⁹

На Фоминой напишу Вам из деревни единственно для проторения дорожки. Мои глубочайшие поклоны Гротам.¹⁰

Будьте здоровы и не забудьте преданного Вам

А. Шеншина.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 7–10 об.

¹ См. примеч. 4 к п. 1.

² См. примеч. 6 к п. 1.

³ В статье «Наши реформы» (в главе IV «Земство») Семенов писал о том, что реформой 1864 г. земским собраниям была присвоена «как бы верховная власть, вопреки разуму наших основных законов», что привело к замене задуманного самоуправления «самоуправством». «Такой порядок вызывает постоянно враждебные отношения земства к правительству, тем более что за губернскими и уездными земскими управлениями, исполняющими ныне постановления земских собраний, как поставленными вне органов правительства не признается собственно никакой государственной власти и Правительствующий сенат, по поводу разных административных дел, руководствуясь новейшими законами, неоднократно высказывал в своих указах, что земские управы суть частные общественные учреждения» (РВ. 1884. № 2. С. 327–328). Вот почему автор статьи утверждал далее, что по этой причине «всякий местный житель должен пользоваться правом свободы принадлежать или не принадлежать» к земству и «правом не иметь с ним никакого дела» (Там же. С. 329).

⁴ Очевидно, речь идет о графе Федоре Львовиче Соллогубе (1848–1890), театральном художнике, племяннике писателя В. А. Соллогуба, друге Вл. С. Соловьева. С ним и его женой Натальей Михайловной (урожд. Боден-Колычева) Фет сблизился в 1880-е гг., посвятил несколько стихотворений Н. М. Соллогуб.

⁵ Имеется в виду сообщение за подписью: «Б.»: «Со станции Кологривовки Тамбовско-Саратовской жел. дороги. 14 марта» (*МВед.* 1884. 23 марта. № 82. С. 4), где говорилось о незащищенности землевладельцев от покраж и порубок и выражалась надежда, что в будущем власти обратят на это внимание.

⁶ Об этом писал Фету Семенов в п. 4.

⁷ Имеется в виду А. И. Иост, который служил управляющим у Фета с 1871 г. Согласно оформленной на имя «швейцарского подданного Александра Ивановича Иост» нотариальной доверенности от 10 сентября 1880 г., Фет поручал ему управлять своим воронежским имением Грайворонка (*ИРЛИ.* № 20301. Цит. по: *Кузьмина И. А. А. Фет и «действующие лица „Кактуса“» // РЛ.* 2008. № 2. С. 136). В 1882 г. Иост женился на племяннице М. П. Шеншиной Ольге Ивановне Щукиной (дочери богатого купца И. В. Щукина) и стал управляющим сахарным заводом Д. П. Боткина в Белгородской губ., а с 1883 г. он стал владельцем собственного имения на юге Белгородской губ. (Об А. И. Иосте см. указ. статью И. А. Кузьминой). Имя управляющего, который ненадолго сменил Иоста, неизвестно, следующего звали И. Розанов (в РГБ хранится его письмо от 3 января 1886 г. из Васильевского (т. е. с Грайворонки): Ф. 315. К. 10. № 62).

⁸ См. п. 3, примеч. 1.

⁹ Обращение «Ваше Высокородие» употреблялось по отношению к лицам в чинах 5 класса, «Ваше Высокоблагородие» — в чинах 6–8 классов; чин гвардии штабс-ротмистра, с которым Фет вышел в отставку, соответствовал армейскому майору и относился к 8 классу по Табели о рангах, следовательно, строго говоря, к нему следовало обращаться: «Ваше Высокоблагородие». Как мировой судья, а потом почетный мировой судья Фет имел право на «Ваше Высокородие».

¹⁰ См. примеч. 19 к п. 3.

6

Фет — Семенову

11 января 1885 г. Москва

Москва,
Плющиха, собств. дом.
№ 481.

11 января.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Вынужденный по болезни отказаться от мысли побывать в Петербурге и лично поблагодарить Вас за любезное посещение в Москве, я решил переслать Вам по почте мой перевод Ювенала¹ и соображения деревенского жителя.² Пора нам перестать перелаживать жизнь огром-

ного государства по кабинетным и к тому же совершенно ненаучным соображениям, а присматриваться к обстоятельствам, тормозящим ход дела, стараться в действительности устранять эти препятствия.

Нетерпеливо ожидаю появления в печати Ваших изящных переводов Мицкевича³ и прошу принять уверения в неизменном почтении и преданности

Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 11–11 об.

¹ См. примеч. 10 и 11 к п. 3.

² Речь идет большой статье Фета, опубликованной в виде отдельной брошюры в Москве в конце 1884 г. (ценз. разрешение: 9 декабря 1884 г.): «На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя». Очевидно, не желая вступать в пререкания с редакторами и подвергать статью перedelкам, Фет опубликовал ее отдельным изданием, подписав своим обычным псевдонимом «Деревенский житель», хотя и в скрытой форме. Несомненно, статья носила итоговый характер и была предназначена, как и «Наши корни», способствовать выработке ясного представления о современном политическом и экономическом положении России. Само название означало, что после двадцати с лишним лет реформ страна по-прежнему находилась «на распутье». Прежде всего Фета волновал вопрос о земледелии: он возвращается к излюбленным мыслям о значении труда как основополагающего фактора цивилизации, хотя это не означает, что при этом отрицается роль и значение внедрения прогрессивных методов хозяйствования. «...В земледелии, наравне с другими высшими человеческими деятельностями, — утверждает Фет, — труд является основным, главнейшим фактором всего дела» (С. 34). Именно в этом смысле земля ничем не отличается от всякого другого орудия производства. «По отношению к земледелию она, в случае природной плодородности, играет ту же роль, какую сырая шкура животного занимает по отношению к письменности. Если шкура требует обработки, чтобы стать пергаментом, то земля требует обработки, чтобы стать нивой» (С. 35). Фет категорически отказывается применять к земледелию, к земле понятие «стихийности», природного дара, пользоваться которым ничего не стоит. Сравнивая землю и другие стихии — воду, огонь и воздух, автор статьи утверждает: «Форма, искусственно придаваемая человеком помянутым стихиям, несколько не изменяет их сущности, тогда как в земледельческой почве искусственная форма есть самая сущность дела, точно так же, как в лепном произведении скульптуры» (Там же). По-прежнему особое внимание уделяется вопросу об общинном владении (С. 9–26), органах самоуправления (С. 26–28), государственном устройстве, образовании, судопроизводстве. Подробнее об этой статье см. во вступит. статье к наст. публикации.

³ См. примеч. 7 к п. 2.

7

Семенов — Фету

24 февраля 1885 г. Петербург

С.-Петербург, Вас. Остр.
6 линия, дом № 39 между
Средн<им> и Малым проспектами.

24 февраля 1885 года.

Душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Наступили дни покаяния и три недели таких дней прошло, а я сего дня только успеваю принести Вам мое искреннее. На Ваше дорогое мне письмо не мог собраться ответить. Прежде всего примите мою душевную признательность за книжки, которые от Вас получил: 1) Сатиры Ювенала¹ и 2) «На распутье»,² очень меня интересующую. Теперь только примусь за ее прочтение, невзирая на то, что более месяца рвусь к тому. Причиной этого то, что я на все это^а время весь погрузился в один труд — обработки для печати^б моих, почти стенографических, записок, именно^в всего того, что говорилось в общих наших собраниях в комиссиях по крестьянскому делу.³ Это ценный материал для истории освобождения крестьян в России и может многим открыть глаза для прямого воззрения на это дело. 19 февр<аля> будущего года наступает ведь юбилей — 25 лет с обнародования положения, а со дня открытия комиссии и приступа к работам свершилось уже 25 лет еще в прошлом 1884 году.⁴ Вот как летит время. Вчера я дописал последнюю строку, ровно 860 листовых страниц (я пишу в полстраницы листа на половинке^г) убористого письма.^д Это приблизительно до 400 страниц печатных. Остается написать небольшое предисловие для объяснения и все перечитать, чтобы вручить, когда поеду в деревню, мою рукопись Мих<аилу> Ник<ифири>ровичу Каткову для «Русского вестника» к будущему юбилею.⁵ Это только первый период занятий, а там предстоит еще два^е тома — второй и третий периоды занятий.⁶ Когда Бог пошлет кончить все, тогда можно будет отойти с миром и прочесть (про себя) с чувством стихи

^а это — *вписано над строкой*.

^б для печати — *вписано над строкой*.

^в именно — *вписано над строкой*.

^г на половинке — *вписано над строкой*.

^д <уборист>ого письма — *вписано вместо зачеркнутого: <уборист>ой печати*

^е два *вписано над зачеркнутым: 2*

Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», а пока хочется мне эпиграфом над своим трудом поставить:

«Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный
И рабство падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец, прекрасная заря?

и 1819 года

Мне истина всего дороже».
Пушкин.⁷

Заметьте мимоходом это совпадение. Эти строфы 19-го года и освобождение — 19 числа месяца последовавшее.⁸ С 1 января этого года у меня все как-то не клеится. Я присутствовал в 1-м общем собрании (одна служебная рабочая неделя и одно заседание в месяц). Неожиданно, без причины для меня понятной, мне объявлено присутствовать опять* в 3 судебном гражд<анском> департамент<е>⁹ и еще упраздняющемся, где масса дел: 3 присутствия в неделю и каждые две 2-е общее собрание, следоват<ельно> 4 присутствия. Мой труд крестьянский (я считаю его даже служебным, потому что вел записки по поручению Ростовцева,¹⁰ как он выражался: «чтобы у нас остались следы для истории», и покойный Государь¹¹ знал это и поощрял меня неофициальными приветами через графиню Ростовцеву,¹² когда разрешал печатать отрывки¹³), мой труд, говорю, приходилось бы бросить. Можете представить, как я был взволнован. До сих пор хлопочу и все не устраивается мое перемещение по-прежнему в общее собрание.¹⁴ До сего времени выручала меня приключившаяся случайно болезнь глаза. Недели две я и вовсе заниматься не мог (Это тоже причина неписания моего к Вам и друзьям другим). Потом гнал свою работу, не развлекаясь, по неизвестности, что будет. Сверх того что еще тяжеле: с 24 декабря 1884, с похорон и панихид в кругу родных и близких мы не сходили. Началось с кончины двоюродного брата жены Пл<атона> Ив<ановича> Баранова,¹⁵ который заведовал здешним сенатским архивом, славно трудился и написал 4 тома исторических материалов — указов сенатских, на поприще, на котором действуют Петр Ив<анович> Бартенев,¹⁶ его племянники — братья Барсуковы¹⁷ и проч<ие> известные библиографы наши. В числе жертв лишился я племянницы двоюродной, по муже Гурьевой,¹⁸ которая пела как артистка дивным голосом, раздававшимся

* опять — вписано над зачеркнутым: обратно

Библ. Пушк. Дома

Бр. 133
8

Инв. № 14

*Душевноуважаемой
Анне Григорьевне
Достоевской
18 апреля
1893
от автора*

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Н. П. Семенова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ

1893

Последний том книги Н. П. Семенова
«Освобождение крестьян в царствование императора Александра II» (СПб., 1893).
Титульный лист с дарственной надписью: «Душевноуважаемой Анне Григорьевне
Достоевской от автора. 18 апреля 1893 г.» (ИРЛИ)

у нас в наши сборные понедельники. Ей было 29 лет всего, красота, грация, вся поэзия тут была. Многие ее знали и слышали в концертах благотворительных и³ восхищались. Она сошла в могилу после благополучных родов, по милости эскулапов, применявших новые модные средства. Кажется, медицина, со времен Иппократа,¹⁹ приобрела одно только⁴ положительно новое^к — это нигилизм. Научных успехов никаких, я, собственно, разумею терапию, исключить можно только хирургию, разумеется, и вспомогательные, естественные науки; но я увлекаюсь грустными воспоминаниями. Газеты свидетельствуют о многочисленности покойников у нас в этом году, будто эпидемия прошла.

Обращусь к внутренней нашей политике. Она, кажется, все та же. Кожановская комиссия²⁰ разделилась на подкомиссии; но на ложных основаниях прочного здания ожидать нельзя. Гр. Толстой²¹ серьезно болен, говорят, у него грудная жаба. После одного из докладов, когда он возвратился домой, с ним сделалось дурно, и его привели в чувства через 7 часов. Теперь он здоров, но припадок, который был, есть угрожающий. 3 марта он уезжает с супругой в Ливадию. Там отводится ему флигель, где жил бывший мин<истр> двора гр. Адлерберг.²² Так<им> обр<азом>, он будет в соседстве Дм<итрия> Ал<ексеевича> Милютин. По мыслям и направлению это два антипода.²³ Вот судьба сближения. В мае Толстой переедет к себе в рязанскую деревню. Хотя руководство оставлено за ним (отпуск его, кажется, полугодичный), но в настоящее время он незаменим, хотя на его место, как всегда, охотников много. Ему же вернуться к делам совсем вряд ли здоровье позволит. Конечно, Вы прочли статью Пазухина в январской книжке «Русс<кого> вестн<ика>».²⁴ Она очень хороша. Жаль только, что он не дает даже программы; но как состоящий в кахановской комиссии он должен был внести туда свое категорическое мнение о сословном представительстве в земстве, вероятно, там он развил свои предположения. Одним словом, в наших сферах трудно пробиться живой и свежей мысли. Броня очень твердая. Вы спрашиваете, когда явятся мои переводы Мицкевича,²⁵ и это тоже относится к моим неудачам. Отпечатано все; но не могу выручить из типографии книжки. После счета в 1000 рублей, представленного мне за 12 печатных листов, которого я, разумеется,¹ не принял (всю историю рассказывать долго), я заключил окончательно усло-

³ и — *вписано над строкой*.

⁴ *Далее зачеркнуто*: новое

^к новое — *вписано над строкой*.

¹ разумеется — *вписано над строкой*.

вие, на котором сошлись обе стороны, все-таки дело тянется день за день. Типография маленькая и, по-видимому, с своими делами трудно справляется. Обещана мне добавка еще на этой неделе 30 экземпляров. Как только получу, отправлю к Вам экземпляр. Одно из главных препятствий проникновения в высшие сферы здравых мыслей, по-моему, канцелярщина и бюрократия. Пока министры будут подписывать тысячи бумаг в^м год, им концентрироваться и думать, что для них существенное, будет некогда, а у нас с нижних должностных лиц до высших возлагается на человека столько обязанностей и таких, что выполнить их человек не может. Отсюда уже начинается всякая деморализация, и мы так этим заражены, что программы даже для учебных заведений составляются невозможные. Это старый грех. Припомните, что еще в 1827 году, когда Государь Николай I показывал военные^н учебные заведения Гумбольдту²⁶ и ему были поданы программы учения, то Гумбольдт воскликнул: «Если бы только^о я все это знал». Простите длинноту послания, переходящего границы бумаги. Желаю Вам всего лучшего. Мое сердечное приветствие потрудитесь передать Вашей супруге, а я остаюсь глубоко Вас уважающий и в чувствах неизменный

Николай Семенов.

На конверте:

Его Высокоородию
Афанасию Афанасьевичу
Шенишину.

В Москву. На Плющихе, в собственном доме, № 481.

Почтовые штемпели: 1) 24 февраля 1885, Петербург; 2) 25 февраля 1885, Москва.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 20289. Л. 8–9 об.; конверт — л. 10.

¹ См. примеч. 10 и 11 к п. 3.

² См. примеч. 2 к п. 6.

³ Речь идет о фундаментальном труде Н. П. Семенова «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу», вышедшего в трех томах (3-й том в двух книгах) (СПб., 1889–1893), с посвящением: «Посвящается Государю Александру Александровичу». Отдельным томиком вышел Указатель (СПб., 1893; ценз. разрешение: 25 октября 1893 г.).

^м Далее зачеркнуто: новый

^н военные — вписано над строкой.

^о Далее вписано на полях.

⁴ Семенов имеет в виду учреждение в марте 1859 г. Редакционных комиссий при Главном комитете по крестьянскому делу под председательством Я. И. Ростовцева, хотя новый Секретный комитет по крестьянскому делу (позже преобразованный в Главный) был создан еще 3 сентября 1857 г., а рескрипт Александра II виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову, положенный в основу реформы, был помечен 20 ноября того же года.

⁵ В 1885 г. в «Русском вестнике» был опубликован ряд статей, вошедших в первый том «Освобождение крестьян...» под заглавием «Деятельность Комиссий по крестьянскому делу в Общих присутствиях» (№ 5–8). О судьбе этой публикации в «Русском вестнике» см. далее.

⁶ Второй том труда Н. П. Семенова вышел в Петербурге в 1890 г. с подзаголовком «Второй период занятий». В нем было 1020 страниц. Том 3, часть I — в 1891 г. (848 с.), часть II — в 1892 г. (847 с.), обе части с подзаголовком «Третий период занятий».

⁷ Эпиграфом ко всем трем томам труда Семенова стало первое приведенное им четверостишие — из стихотворения Пушкина «Деревня» (1819); вторая часть эпиграфа — строка из четверостишия «К А. Б***» («Что можем наскоро стихами молвить ей?...», 1819) была оставлена, возможно потому, что носила иронический оттенок. В Предисловии к первому тому Семенов писал: «На заглавном листе книги я позволил себе выставить эпиграфом пророческие стихи Пушкина, написанные им в 1819 году и как бы предуказывавшие, каким образом, сообразно строю нашей государственной жизни, могло совершиться освобождение народа <...> Рабство пало по манию Царя, и не занимается ли для нас заря просвещенной свободы под водительством Богом хранимого, ныне благополучно царствующего Государя Императора?» (Семенов Н. П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. Т. 1. С. X).

⁸ 19 февраля 1861 г. Александром II был подписан манифест «О Всемилошительнейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей». Под статьей Семенова «Наши реформы» стояла «говорящая» дата: «19 февраля 1883 года» (РВ. 1884. № 2. С. 332).

⁹ «Высочайшим соизволением» в 26 день декабря 1884 г. Семенов был перемещен из 1-го общего собрания в январе 1885 г. в 3-й департамент Правительствующего сената (РГИА. Ф. 1405. Оп. 105. № 40. Л. 318 об.–319).

¹⁰ Ростовцев Яков Иванович (1803–1860) — генерал-адъютант, начальник военно-учебных заведений, видный деятель крестьянской реформы 1861 г., председатель Редакционных комиссий. Как видно из писем и публикаций Семенова, он очень высоко оценивал деятельность Ростовцева на посту председателя Редакционных комиссий. Ростовцеву Семенов посвятил несколько статей: «Деятельность Я. И. Ростовцева в Редакционных комиссиях по крестьянскому делу» (РВ. 1866. № 2), «Болельз и кончина генерала Ростовцева» (Там же. 1868. № 11) и др.

¹¹ Имеется в виду Александр II.

¹² Ростовцева Вера Николаевна (урожд. Эмина (Эммина); 1807–1888) — жена Я. И. Ростовцева, возведена в графское достоинство в 1861 г. после смерти мужа. В Предисловии к первому тому своего труда «Освобождение крестьян...» Семенов более подробно рассказал о том, что Александр II, навестив гр. Ростовцеву в 1866 г., сообщил ей, с каким удовольствием «даровал разрешение» на напечатание статьи

Семенова о Я. И. Ростовцеве и «поручил ей изъяснить мне Его признательность и благоволение „за счастливую мысль записывать подробно, что у нас делалось в Комиссиях“, прибавив к тому: „пора знать публике, как мы потрудились над этим делом. Я желаю, чтоб оно предстало потомству, как произошло, без прикрас“» (Семенов Н. П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. Т. 1. С. VII–VIII).

¹³ В 1860-е — 1870-е гг. Семенов напечатал в периодике несколько статей, касающихся работы Редакционных комиссий: «Освобождение крестьян в России и Пруссии» (РВ. 1862. № 8), «Еще о крестьянском деле» (Там же. 1863. № 4) и др.

¹⁴ По-видимому, хлопоты Семенова увенчались успехом: 6 марта 1885 г. он был вновь назначен «к присутствованию в 1 общем Собрании» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 105. № 40. Л. 318 об.–319).

¹⁵ Баранов Платон Иванович (1827–1884) — директор сенатского архива (с 1865 г.), в 1872 г. начал работать над составлением описи высочайших повелений, хранящихся в архиве Сената (к 1878 г. вышло 3 тома).

¹⁶ Бартенев Петр Иванович (1829–1912) — известный историк, библиограф, издатель «Русского архива». Сохранились письма Семенова к Бартеневу (РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. № 587. См.: Русские писатели. Т. 5. С. 558).

¹⁷ Имеются в виду Николай Платонович Барсуков (1838–1906), историк литературы, библиограф, и его брат Александр Платонович (1839–1914), племянники П. И. Бартенева. Несмотря на ответственные посты (с 1883 г. начальник архива Министерства народного просвещения), Н. П. Барсуков предпринял ряд проектов, составивших гордость отечественной науки, в том числе указатели к собранию русских летописей, описание рукописей археографической комиссии, обзор житийных рукописей, разбор архива и подготовка собрания сочинений П. А. Вяземского. На протяжении многих лет издавал многотомный труд «Жизнь и труды М. П. Погодина», ставший ценным источником исторических сведений. Сохранились письма Семенова к Н. П. Барсукову (РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. № 81–83. См.: Русские писатели. Т. 5. С. 558).

¹⁸ Дополнительные сведения о Гурьевой найти не удалось.

¹⁹ Иппократ (Гиппократ) (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — др.-греч. врач.

²⁰ Кахановской (по имени ее председателя Михаила Семеновича Каханова; 1833–1900) называли Особую комиссию для составления проектов местного управления, учрежденную 20 октября 1881 г. на основе доклада министра внутренних дел Н. П. Игнатьева. Сменивший Игнатьева на этом посту Д. А. Толстой оказался противником комиссии. С самого начала работы ее деятельность подвергалась критике со стороны консервативных кругов. Фет откликнулся на кахановские преобразования статьей «Из деревни» (МВед. 1885. 29 марта. № 85. С. 3), о чем сообщил Н. П. Семенову в письме от 24 марта 1885 г. (см. п. 9). В состав комиссии входили сенаторы М. Е. Ковалевский, С. А. Мордвинов, А. А. Половцов и другие деятели реформ 1860-х — 1870-х гг. Хотя целью комиссии была выработка соответствующих мер по укреплению связей между правительством и органами местного самоуправления, ей мало что удалось сделать на этом поприще, и 1 мая 1885 г. она была закрыта. Взявшее дело в свои руки Министерство внутренних дел, по сути, вернулось к тому, с чего начинались реформы, только вместо мировых посредников первого призыва был разработан и введен в действие закон о земских начальниках.

См. также примеч. 24 к наст. письму. О том, насколько остро обсуждался вопрос о Кахановской комиссии, свидетельствует письмо И. П. Новосильцева к Фету от 30 ноября 1884 г.: «Кахановской комиссии приходится солоно, а дельцы-писаки, здешний от действительности оторванный люд, которые привыкли строчить проэскты преобразований и проч. — оказались на мели, когда им прямо заявлено было, что им не поручено как нигилистам — сперва все уничтожить, а потом построить, а приказано кое-что *исправить* и согласовать, восстановив живую власть в деревне!» (ИРЛИ. № 20288, Л. 53–53 об. См. также: *Письма Новосильцова (1)*. С. 213).

²¹ О Д. А. Толстом см. примеч. 8 к п. 3.

²² Граф А. В. Адлерберг (1818–1888) был при Александре II министром императорского двора и уделов.

²³ *Милютин Дмитрий Алексеевич* (1816–1912) — государственный и военный деятель, граф, генерал-фельдмаршал, почетный член Петербургской Академии наук, брат видных деятелей реформы 1861 г. Н. А. и В. А. Милютиных. С 1861 по 1881 г. военный министр, автор многих трудов по военному делу, мемуарист. За время пребывания его на посту военного министра в армии был проведен ряд либеральных реформ, направленных на отмену телесных наказаний, сокращение срока службы, распространение грамотности среди солдат и офицеров и т. п., причем нередко его предложения противоречили направлению министра народного просвещения Д. А. Толстого. Подал в отставку в 1881 г. после ухода из министерства М. Т. Лорис-Меликова.

²⁴ *Пазухин Алексей Дмитриевич* (1845–1891) — государственный деятель, с 1885 г. правитель канцелярии Министерства внутренних дел, сыграл значительную роль в формировании политики контрреформ при Александре III. В 1885 г. приглашен в качестве эксперта в Кахановскую комиссию (см. о ней примеч. 20 к наст. письму). Речь идет о его программной статье «Современное состояние России и сословный вопрос» (ПВ. 1885. № 1. С. 5–58), которая обратила на себя внимание министра внутренних дел Д. А. Толстого, пригласившего Пазухина в свое министерство, и которая во многом перекликалась со статьями Семенова и Фета. Рассматривая результаты реформы, Пазухин отмечал, что со второй половины 1860-х гг., именно с введения земской и судебной реформ, началась неразбериха и недовольство существующим положением: «...совершился знаменательный в нашей истории поворот от порядка к безурядице <...> Страна, которая пять лет назад поставила на службу государству многочисленный институт мировых посредников, вдруг обезлюдела. <...> все классы общества охватываются страстию к наживе; наступает царство фразы и лжи <...>» (С. 7–8). Обвиня либеральную печать в незаслуженных оскорблениях по отношению к народу, Пазухин писал: «Вместо оценки реформ, внесших дезорганизацию в страну, стали обвинять самую страну за неумение приладиться к новым условиям жизни» (С. 8). Силу института мировых посредников автор статьи видел в том, что он осуществлял вековую связь крестьянства и дворянства, призванного защитить сословие, получившее свободу. В то же время в статье прозвучала критика Положения о земских учреждениях 1864 г. и самого земства, отличительной чертой которого Пазухин считал «случайность его состава и направления» (С. 14), а главной ошибкой в вопросе о реформе местного управления — навязывание новым органам бессословного характера. В статье отчетливо прозвучала позитивная оценка роли поместного дворянства в проведении реформ, которое и с точки зрения Семенова и

Фета нуждалось в защите. Рассматривая дворянство как «служилое землевладельческое сословие», Пазухин считал его «связующим звеном между верховной властью и народом» (С. 28–29). Называя всю внутреннюю пореформенную политику «антидворянской» (С. 30), автор утверждал, что вопреки ей крестьянство по-прежнему относится к дворянам с доверием, а предводитель дворянства — самый уважаемый человек в провинции (С. 30–32). Критика земства, мировых судов, народных школ и других учреждений, порожденных эпохой реформ, рисовала безотрадную картину современной России, нуждавшейся в обновлении. Особое внимание Пазухин уделил недавно народившему в результате разрушительной для сословий политики бессословному обществу, получившему название «интеллигенции» (С. 37), которую автор обвинял в беспочвенности и оторванности от народа и вместе с тем в утрате национальных черт. Проводя параллель между современным состоянием России и эпохой смутного времени, единственный выход из положения Пазухин видел в возрождении сословного общества, утвержденного в новую эпоху Петром Великим с введением Табели о рангах. В 1886 г. Пазухин предложил проект института земских начальников, которые должны были заменить упраздненных мировых посредников. 12 июля 1889 г. указ о земских начальниках был подписан Александром III.

²⁵ В письме от 24 марта 1885 г. (№ 9) Фет сообщил о получении сборника переводов из Мицкевича. О судьбе сборника см. п. 2, примеч. 4, 7 и 10.

²⁶ Немецкий ученый *Александр фон Гумбольдт* (1769–1859) посетил Россию не в 1827-м, а в 1829 г., основной целью его путешествия были Урал и Алтай. Он виделся в Петербурге с Николаем I и был награжден им орденом св. Анны 1-й степени. Гумбольдт был избран почетным членом Петербургской Академии наук и в своих исследованиях описал результаты своих наблюдений.

8

Фет — Семенову

27 февраля 1885 г. Москва

Москва,
Плющиха, собств. дом.
№ 481.

27 февраля 1885 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Пишу эти строки из потребности поблагодарить Вас за многосодержательное и любезное письмо от 24 февраля, а не из желания втягивать Вас в переписку, отнимая драгоценные минуты Ваши. Да! воссоздавши единственной, вполне компетентной рукой внутреннюю, тайную историю освобождения,¹ Вы действительно можете сказать: *exegi monumentum*.² Ваше имя на вечные времена останется связанным с этим памятником.

Если бы слезы чему-либо помогали, то надо бы наплакать новое Ладожское озеро по случаю полной неприготовленности нашей бюрократии, способной с заносчивостью ребенка считать всякий оторванный от жизни вздор гениальным открытием. — Слова: «Людей нет» — жалкая отговорка бессилия. Есть Катков, министр Толстой, Вы, Пазухин и т. д. Почему же все это обойдено, а над всем плавают *именины сердца* или *диктатура сердца*,³ еще бессмысленнейшая, чем гоголевские именины,⁴ которым и в голову не приходит зачерпнуть поглубже и спросить, много ли у нищего в кармане и возможно ли поправить хозяйство, стоящее на ложных, антиэкономических основаниях, умножением новых, безвластных надзирателей над старыми, все на счет того же парализованного хозяйства? Весь этот вздор возможен только в Кахановской комиссии,⁵ этим чисто аристофановским *Νεφέλοκοκκυία* *заоблачно кукушески*.⁶ Повторю с Горацием:

«Но лучше снесть в терпеньи,
Чему нельзя помочь».⁷

К сожалению, знаю по опыту дела с нашими типографиями и с величайшим нетерпением буду ожидать Вашего Мицкевича.⁸

В деревню мы собираемся около половины апреля, где и буду поджидать словечка из с. Урусова, в надежде на Ваш досуг.

Мария Петровна просит присовокупить ее приветствия к выражениям глубоко уважения, с каким имею честь быть

Вашим усердным поклонником
А. Шеншин<ым>.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 13–14 об.

¹ Речь идет о книге «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу» (СПб., 1889–1893), над которой в это время трудился Н. П. Семенов.

² Фет цитирует первую строку оды 30 Горация из III-й книги «Од», получившей название «К Мельпомене», которая в его переводе звучит следующим образом:

Воздвиг я памятник вечнее меди прочной.

³ Намек на выражение министра внутренних дел при Александре II графа М. Т. Лорис-Меликова (1825–1888), который возглавил в феврале 1880 г. так называемую Верховную распорядительную комиссию, созданную после взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. Очевидно, примерно этим временем следует датировать написанный незадолго до убийства Александра II черновик письма Фета к Лорис-Меликову, сохранившийся в РГБ. В нем Фет писал: «Вместе со всею верноподданной Россией, вздохнувшей отраднo при вести о Вашем высоком назначении, к Вам

обращается старый студент, старый солдат и старый писатель. / Пишу эти строки в горячем уповании, что они, заключая в себе истины, давно [постигнутые] ясные высокому уму Вашему, окажутся излишними; и не желая отнимать драгоценные минуты Ваши, буду краток. <...> / От нас требуют разом всенародного образования, школ, женских курсов, больниц, богаделен, библиотек, желез<ных> и водяных путей, словом, всей вершины цивилизации, а у нас нет ни одной грунтовой дороги, ни одного моста, ни одного не пьяного попа и процветает один кабак. / Мы кричим о просвещение, не подозревая, что рубим сук, на котором стоим, так как крыльев не выросло. <...> в течение 20 лет наша печать систематически проповедовала всяческий нигилизм, всякое осмеяние порядка, всякое извращение закона, до царубийства включительно, и нечему удивляться, что безграмотные помещики читали и похваливали государственных и личных врагов, но что цензура, получающая жалованье, не понимала или не хотела понимать, что читает, возмутительно. Неужели народное просвещение не догадывается, что оно главное орудие в руках врагов? / Как позволило оно бурсакам (сравнительно самым образованным и по положению завистливым) окончательно отравить все бурсы и затем всех учителей и училища, вербуя посредством ничем не заслуженных <1 нрзб.> стипендий ежегодные полчища новых бунтовщиков — и стараясь всеми силами разослать их в виде народных наставников всюду. — А между тем стреляют в Царя или эти наставники, или люди с ними солидарные. <...> Возможно ли здоровое правосудие, где председатель не облечен обязательной властью остановить защитника, очевидно направляющего дело на софистический путь: невиновен, потому что, по отцу, воспитан в обстановке негодной, вместо: он случайный преступник или к выводам: Засулич безупречна. <...> Какая земледельческая Академия мыслима в стране, где еще нет понятия о собственности, этом корне всякой деятельности, а все еще носятся с крепостной общиной, круговой порукой и [юридической] имущественной безответственностью, против которой выдаются неисполнимые исполнительные листы? <...> Спасите нас от недоделок и искажений великих преобразований великодушного Царя!» (РГБ. Ф. 315. К. 4. № 2).

⁴ Слова Манилова из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

⁵ О Кахановской комиссии см. примеч. 20 к п. 7. Говоря об «умножении новых, безвластных надзирателей над старыми», Фет имеет в виду предложение комиссии о создании новой государственной ячейки в виде «сельского общества», в которое допускались бы и лица некрестьянского происхождения. Таким образом должно было продолжаться уничтожение сословий и одновременно создаваться еще одна бюрократическая структура со своими начальниками, судьями и т. д. Фет выступил в числе критиков действий Кахановской комиссии со статьей «Из деревни» (см. п. 9 и примеч. 5 к нему).

⁶ Герой комедии Аристофана «Птицы» (ок. 414 г. до н. э.) Писфетер убеждает птиц, что они должны отнять власть у олимпийских богов и править миром. Для этого между небом и землей строится птичий город *Νεφέλοκοκκυία*, название которого можно перевести как Тучекукуевск. Писфетер становится правителем нового города и тираном, уничтожая всех несогласных. В статье «Из деревни», которую вскоре Фет послал в «Московские ведомости» (см. п. 9), он использовал этот аристофановский образ: «В уповании на всеобщее отрезвление и оздоровление, всем от мала до велика дышится свободнее, и можно надеяться, что из аристофановских

облаков мы окончательно станем на простую, но твердую мать сыру-землю» (*МВед.* 1885. 29 марта. № 85. С. 3; подпись: Деревенский житель).

⁷ Фет цитирует оду Горация «К Виргилию» (I, 24) в собственном переводе (см.: *Фет. ССулП.* Т. 2. С. 34).

⁸ О получении сборника переводов Семенова из Мицкевича и отклик на него см. в п. 9.

9

Фет — Семенову

24 марта 1885 г. Москва

Москва,
Плющиха, собств. дом.
№ 481.

24 марта.

Христос Воскресе!
Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Вчера вечером, как раз перед праздником, получил я в виде красного яичка Вашего Мицкевича¹ и уже успел с ним познакомиться. Начиная со внешнего вида, который как нельзя более изящен, и кончая самим переводом, вся книга — прелесть! К сожалению, мы так добросовестно, так мощно работать не умеем.

Кончив тексты Катулла и Тибулла,² я от скуки принялся за перевод Овидиевых «Превращений»,³ и около меня русский, стихотворный перевод Матвеева.⁴ Боже! что это за безграмотный сумбур. Как отраднo после этого взять в руки Вашу книгу, в которой каждый стих говорит сам за себя.

Вчера я послал в редакцию «Моск<овских> вед<омостей>» заметку на статью «Из Петербурга» в № 81, сообщающую краткий обзор тезисов в Кахановской комиссии. В заметке я прошу о простой передаче Суд<ебного> устав<а> в руки посредников первого избрания, без малейших перемен, с предоставлением им прав разбора по уставам того, что следует и по обычному праву главное. — Только тогда все вздохнут свободнее.⁵ Нам нужно сеять да молотить сию минуту, а не адвокатствовать. Довольно бы, кажется, развивать правовыми порядками непокорство, бунты, грабежи всякого рода до царубийства включительно. Куда же идти по этому пути? Неужели еще может быть хуже? — Пока есть во мне капля крови, буду возмущаться против такой язвы — и, что гораздо хуже, такой непроходимой глупости.

12/15.

260

ИЗЪ МИЦКЕВИЧА

ПЕРЕВОДЫ

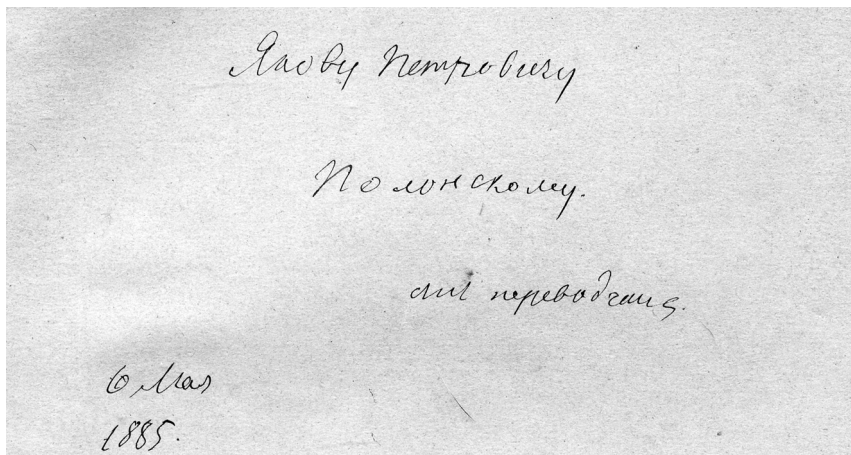
Н. П. Семенова



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Г. Шлехт и Ко., В. О., Больш. просп., № 2.
1885

Переводы Н. П. Семенова из Мицкевича (СПб., 1885). Обложка книги.



Оборот обложки переводов Н. П. Семенова «Из Мицкевича»
с дарственной надписью:
«Якову Петровичу Полонскому от переводчика. 6 мая 1885» (ИРЛИ)

Жена просит передать Вам ее усердные приветствия.

Примите выражения искренней признательности и неизменного уважения, с каким имею честь быть

Вашим покорнейшим слугою.

А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 15–16. На первой странице письма надпись: «27 марта ответ послан 1885 г.».

¹ Имеется в виду издание: Из Мицкевича. Переводы Н. П. Семенова. СПб., 1885. См. примеч. 7 и 10 к п. 2. Пасха в 1885 г. приходилась на 22 марта.

² «Элегии» Тибулла в переводе Фета были дозволены цензурой 22 ноября 1885 г., вышли в свет в 1886 г. (Элегии Тибулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886), переводы из Катулла вышли из печати в том же году (Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886).

³ Перевод Овидия был напечатан: Публия Овидия Назона XV книг Превращений. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887.

⁴ Фет имеет в виду книгу: Публия Овидия Назона Превращения. Кн. 1–15: В 2 т. / Пер. с лат. Ф. Матвеева. М.: тип. «Современных известий», 1874–1876.

⁵ Откликаясь на сообщения о работе Кахановской комиссии, в которую были включены ряд губернаторов и предводителей дворянства, обладавших практическим опытом и критиковавших предлагаемые меры, Фет послал в «Московские ведомости» очерк «Из деревни» (1885. 29 марта. № 85. С. 3), где писал: «...отрадно было прочесть в № 81 „Московских ведомостей“ 23 марта в статье „Из Петербурга“

краткий отчет хода работ по вопросам, которыми занималась Кахановская комиссия, так долго и опасно висевшая над нашею сельскою жизнью в виде Дамоклова меча». Анализируя протесты земства по поводу предложения ввести посредников второго призыва, Фет предлагал пересмотреть полномочия мировых судей, лишив их полномочий, находившихся ранее в ведении мировых посредников. Таким образом, он как бы призывал вернуться к ситуации начала реформ. «Поэтому мы убеждены, что в видах практической пользы, а не доктринерства, люди, близко знакомые с сельским бытом, прямо передадут посредникам формы первого призыва Судебные уставы с таким же дозволением руководствоваться ими в известных случаях, какое дано было судьям руководствоваться обычным правом. Сохранят ли избранным порядком первоначальных посредников лица название судей или посредников, для благоустройства страны безразлично». Вскоре Кахановская комиссия была окончательно упразднена, а к 1 мая ее дела должны были быть переданы в Министерство внутренних дел. В статье «Из Петербурга» (*МВед.* 1885. 28 марта. № 84. С. 3; подпись: Х.) уже сообщалось, что Петербург «празднует» закрытие Кахановской комиссии. Подробнее о работе комиссии см. следующее письмо Семенова (№ 10).

10

Семенов — Фету

26 марта 1885 г. Петербург

С. Петербург.
Вас. остр. 6 линия,
д. № 39.

26 марта 1885 года.

Воистину воскрес!

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Сию минуту получил Ваше драгоценное для меня послание и спешу отвечать, потому что если отложить, то и не удосужишься, и по порядку: прежде всего, будьте добры, уведомьте меня, куда и как (адрес) к Вам писать в деревню Вашу? без чего летом из моей деревни, где точно по-свободнее уже оттого, что в беличьем колесе не находишься, не буду знать, куда воззвать к Вам? Мой же деревенский адрес, на всякий случай, т. е. если у Вас его нет:^a *Рязанской губернии*, в город *Рязск*, в село Урусово.

^a т. е. если у Вас его нет: — *вписано над строкой.*

Теперь о моем так сказать детище; т. е. книжке моих переводов:^{6,1} Ваша оценка ее как истинного знатока дела, который сам обогатил нашу литературу столькими переводами поэтических произведений,² как нашего притом несравненного поэта для меня несомненно всего дороже, но в газете «Новое время», № 3254 за 20 марта 1885 г., в отделе библиографии я прочел объявление о выходе моей книжки. Если это не рецензия, то по крайней мере отзыв, как он ни краток и *не без уязвления*, так что я спрашивал у Ник<олая> Ник<олаевича> Страхова, как принять его, за хулу или хвалу. Наприм<ер>, такая фраза: «переводы сделаны вообще плавными и красивыми стихами (хвала), течение которых, однако, нарушается иногда *довольно грубыми шероховатостями и темнотами* (без указания где, хула^в). Это^г *уже грех дилетантизма* автора».³ Могу на исповеди сказать, что, за какой бы труд я ни принимался, когда влекли меня к нему расположение и охота, *дилетантом* в отношении его я не был, всегда изучал свой предмет, подходил к нему со всех сторон, не щадя ни времени, ни сил, и думаю, что это всегда должно же отражаться на труде. Правда, что я по обстоятельствам, слагавшим мою жизнь, не был присяжным литератором и патентованным⁴ ученым; но разве это значит, что человек *дилетант*? Дилетантизм есть свойство известной природы — относиться ко всему легко, каковым свойством, нередко служащим к облегчению тяготы жизни, я не обладаю. Добро бы это уж была рецензия; но это все-таки объявление, которое может повредить распространению книги и сведению счетов с типографией и пр.,^е при отношении, Вам известном, нашей публики к литературе и литераторам вообще. Скажу еще, что рецензент «Нов<ого> времени» выдернул еще одно место из «Фариса». Вот оно (полностью):

И кто же испуган был? — коршун, и взнесся высоко!..
Для казни его я свой лук напрягал,
В него я нацелился, глаз свой прищуря:
Пятном он казался в волнах серебра,
Уж в рост воробья... мотылька... комара,
Потом совершенно растаял в лазури.

Рецензент заметил, что «в подлиннике нет — *волн серебра* и прибавку этих слов потому следует поставить в грех Семенову, что ими затемня-

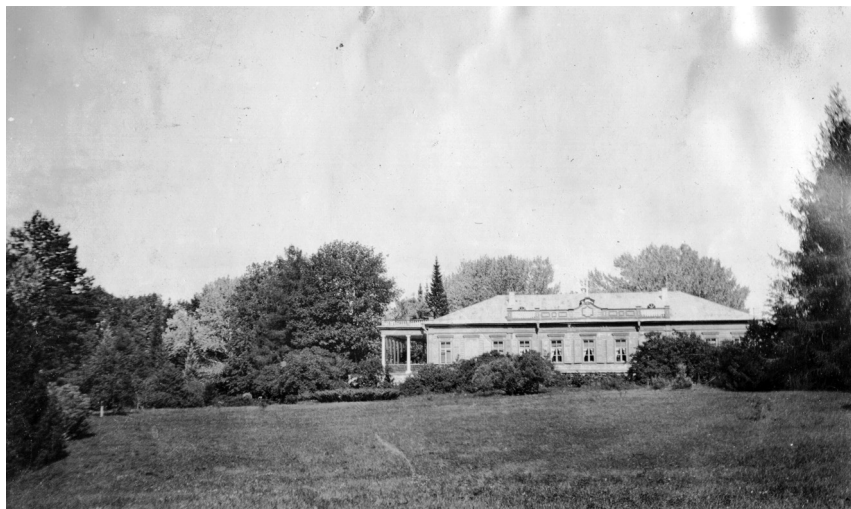
⁶ т. е. книжке моих переводов: — *вписано над строкой*.

^в хула — *вписано над строкой*.

¹ *Далее зачеркнуто*: где

² и патентованным — *вписано над строкой*.

^е с типографией и пр. — *вписано над строкой*.



Усадьба Н. П. Семенова в дер. Рязанке. С фотографии конца XIX в.

ется и *искажается* смысл места». Искажения я не признаю, но что в этом стихе^ж перевод не совсем верен, это правда, потому я тотчас стал обдумывать поправку для будущего возможного издания, если проживу и переведу кой-что еще; а Вам сообщить ее уже теперь считаю обязанностью. Подчеркнутый стих у Мицкевича на польском так поставлен:

Już on wisiał w powietrzu, jako plamka szara,

Поэтому, вместо подчеркнутого стиха, надо читать в моем переводе

Висел он на воздухе в виде шарà

или

Висел в атмосфере он в виде шарà

и далее, как в печатном.^з Это будет уже^и точнейший перевод и ради сообщения Вам этой поправки я коснулся критики или отзыва, который подает повод признать скорей самого^к написавшего его дилетантом, по отношению к русской литературе.

^ж в этом стихе — *вписано над строкой вместо зачеркнутого*: тут

^з и далее, как в печатном — *вписано над строкой*.

^и уже — *вписано над строкой*.

^к самого — *вписано над строкой*.

Вчера я кончил краткое предисловие к моим запискам по крестьянскому делу,⁴ но мне остается теперь перечитать еще все написанное и^а сделать кой-где неизбежные вставки. Боюсь, чтобы это не задержало моей поездки в деревню, которую, по-видимому, я мог бы предпринять уже в самых первых числах мая.

Кахановская комиссия закрыта.⁵ Замечательно, что комиссии по крестьянскому делу были тоже особым Выс<очайшим> повелением закрыты в таких выражениях: «закрыть редакционные комиссии 10 числа октября и передать все *неоконченные работы в ведение и распоряжение* госуд<арственного> секретаря» (тогда Буткова⁶), но тогда никаких неоконченных работ не оставалось, кроме того что некоторые материалы труд<овой> комисс<ии>,⁷ рассылавшиеся по особому распоряжению по всей России и печатавшиеся в 3000 экзempl<ярах>, не были сброшюрованы, а потому все труды, как и прежде предназначено было, поступили на рассмотрение^м и обсуждение главы комитета по крестьянскому делу.⁸ Теперь же в Выс<очайшем> повелении о Ках<ановской> комиссии ни единым словом не упомянуто ни о закрытии, ни о неоконченных делах, а только^н повелевается окончить все труды к 1 мая. Дан именно двухмесячный срок с объявления Положения; но в самом деле к обработке самого положения еще и приступлено не было, возились почти^о четыре года только с программой,^п над которой работала подкомиссия, а с прошлой осени все было передано на обсуждение 60 человек (это plenum^р комиссии) умных, т. е. сведущих людей, а по-прежнему экспертов. Они не сошлись в главных основаниях. Каханов и помощники заварили дело на конституционных началах и представительстве на выборном основании и на демократизме, всесословии или бессословии (демократизм).^с Это все едино. Некоторые из приезжих поумнее потянули к самодержавию и сословности, следов<ательно>, не вышло соглашения в принципах и так<им> образом комиссия сама себя сокрушила, и дело не может поступить на рассмотрение Госуд<арственного> совета, как предполагалось, и повелено передать его на распоряжение министра внутр<енних> дел.⁹ «Новое время» до сего дня (27 марта) поддерживает высказанную им идею, чтобы для преобразования Рос-

^а и — *вписано над строкой.*

^м рассмотрение и — *вписано над строкой.*

^н *Далее зачеркнуто:* наз

^о почти — *вписано над строкой.*

^п *Далее начато и зачеркнуто:* дл<я>

^р Зд.: полный состав (*лат.*).

^с (демократизм) — *вписано над строкой.*

сии создать губернские комитеты, подобно тому, как было поступлено в крестьянской реформе, прибавляя, что если это будет результатом неудачи^г Кахановской комиссии, «то ее можно бы от души поздравить, несмотря на неуспех». Вот до чего могут договариваться наши публицисты: с чем же поздравить? Выходит, с тем, что за осуществление идеи г. Суворина сомнительнополезной^у казна истратила не возвратно около 300 тыс. рублей,^ф которые стоила ей^х Кахановская комиссия. По-моему, отбросили бы мысль заниматься бюрократическими сочинениями. Неужели 25 лет непрерываемых реформ не надоели. Следовало бы правителям, каждому, вникнуть поглубже в свое дело, прислушиваться к нуждам и потребностям страны, удовлетворять им, упраздняя ненужное и вводя порядок, и главное, оставить всякое сочинительство и избегать комиссий и болтовни. Рецепт простой. Для отправления дел у нас есть правители и госуд<арственные> учреждения. О здоровье гр. Толстого¹⁰ из Крыма еще нет удовлетворительных сведений, хотя я слышал, что он чувствует себя лучше. Говорят, что на место кн. Орлова (скончавшегося)¹¹ послом в Берлин предполагается кн. Лобанов,¹² на место его Сталь из Лондона,¹³ а в Лондон гр. Алекс<андр> Владим<ирович> Адлерберг,¹⁴ и будто бы еще будет назначен второй товарищ м<инист>ру иностр<анных> дел. Засим все тихо. Примите мое благодарение и за предыдущее письмо от 27 февраля. Марье Петровне потрудитесь передать мое сердечное приветствие, поздравление с светлым праздником и благодарение за память. Душевно Вас уважающий и любящий и в чувствах неизменный

Николай Семенов.¹⁴

Вашу брошюру «На распутье»¹⁵ я прочел: вот ясный и трезвый взгляд видевого жизнь, как она есть, только насчет общины, с точки отношения к ней правительства, надо когда-нибудь поговорить. Тут больше всего может встретиться недоразумений вообще.

На конверте:

Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

В Москву. Плющиха, в собственном доме № 481.

^г неудачи — вписано вместо зачеркнутого: закрытия

^у сомнительнополезной — вписано над строкой.

^ф Далее зачеркнуто: не возвратно, затем слово вписано над строкой после истратила

^х ей — вписано над строкой.

¹⁴ Далее записано на полях.

Почтовые штемпели: 1) 27 марта 1885, Петербург; 2) 28 марта 1885, Москва.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 11–12 об.; конверт — л. 13.

¹ Речь идет об издании: Из Мицкевича. Переводы Н. П. Семенова. СПб., 1885. См. примеч. 7 и 10 к п. 2.

² Фет занимался переводами со студенческой скамьи и оставил очень большое наследие в виде переводов разных авторов: из Шекспира, Гёте (в том числе обе части «Фауста»), Шиллера, Гейне, Овидия, Горация, Катулла, Тибулла и других римских поэтов. Он перевел главный труд А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» и многое другое. См.: *Генералова Н. П. О Фете-переводчике // Фет. ССЦП*. Т. 2. С. 519–550.

³ В газете «Новое время» появился анонимный отклик на выход в свет книги переводов Семенова из Мицкевича. Оценивая в целом появление книги положительно, автор действительно сделал ряд замечаний: «По внешности это очень изящная книжка. В ней собрано довольно много переводов из Мицкевича, именно: весь „Конрад Валленрод“, отрывок из „Пана Тадеуша“, совершенно напрасно переименованного переводчиком в „Пана Фаддея“, „Фарис“, все „Сонеты крымские“ и около пятнадцати разных мелких стихотворений. <...> если перевод „Валленрода“ довольно точен и свойствами стиха вполне передает живой и драматический рассказ польского подлинника, то в „Фарисе“, напр., многое вставлено г. Семеновым от себя <...>» (1885. 20 марта. № 3254. С. 3). Помимо приведенного Семеновым замечания, читаем: «...мы уж не говорим о таких вставках, как эпитеты коня „послушен и смел“ и т. п.». По мнению анонимного рецензента, «Крымские сонеты» удались Семенову «меньше всего другого», при этом особенно резкая оценка прозвучала в отношении первого сонета «Аккерманские степи», переведенного «и слишком прозаически, и во второй своей половине грамматически неверно сравнительно с подлинником», а также сонета «На гроб Потоцкой», который показался «совершенно обесцвечен, переделан в начале и лишен почти всех образов польского подлинника». Несомненной удачей был признан перевод «Аюдага» и «Валленрода», который «надолго останется у нас лучшим переводом этой поэмы». Подчеркивания в цитатах, которые приводит Семенов, сделаны им.

⁴ Дата под Предисловием к первому тому книги: 19 октября 1888 г. Здесь, высоко оценивая работу Редакционных комиссий за период с 1859 по 1861 г., Семенов высказывался и по поводу последовавших реформ: «В наступивший затем период внутренних преобразований давние увлечения чужими идеалами и пристрастие к западноевропейским порядкам, при новости условий и отношений, в которые были поставлены все классы русского общества, произвели смуту в умах верхних слоев его. К этому присоединились известные неблагоприятные для нас события внешней политики, доходившей до вмешательства западных держав в наши внутренние дела, а также финансовое порабощение нас иностранными рынками и биржевыми спекулянтами. Под такими угнетающими общественную жизнь влияниями поникало у нас народное самосознание, при котором только и возможно развитие сил и благоденствие государства, и те благие цели, к которым было направлено освобождение крестьян, не могли быть вполне достигнуты» (*Семенов Н. П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу*. Т. 1. С. XI). См. также примеч. 3 к п. 7.

⁵ О Кахановской комиссии см. примеч. 20 к п. 7. В высочайшем распоряжении по поводу закрытия комиссии было определено окончательно сдать дела к 1 мая 1885 г.

⁶ *Бутков Владимир Петрович* (1813–1881) — с 1853 по 1865 г. государственный секретарь, принимал участие в разработке судебной реформы, в частности введения суда присяжных.

⁷ Трудовой комиссией Семенов называет комиссию по трудовым спорам, которая входила в состав Редакционных комиссий.

⁸ Председателем Главного комитета по крестьянскому делу был председатель Государственного совета А. Ф. Орлов (1787–1862).

⁹ Т. е. гр. Д. А. Толстого.

¹⁰ О болезни Д. А. Толстого и его отъезде в Ливадию Семенов сообщал Фету в письме от 24 февраля 1885 г. (№ 7).

¹¹ Речь идет об известном дипломате князе *Николае Алексеевиче Орлове* (р. 1827), скончавшемся 17 марта 1885 г. в своем поместье Бельфонтен под Парижем. Участник Крымской войны (при взятии крепости Силистрия был тяжело ранен и потерял глаз), Орлов сделал блестящую дипломатическую карьеру: был чрезвычайным посланником в Бельгии, Австрии, Англии, Франции. С 1884 г. назначен полномочным послом в Берлин. В 1861 г. подал Александру II записку об отмене телесных наказаний в России, выступал в защиту евреев, призывая к большей веротерпимости. Был в добрых отношениях с И. С. Тургеневым. О неоднозначном отношении к нему в высших кругах свидетельствует А. А. Половцов в своем «Дневнике»: «Человек он был более чем посредственный, в нем самые мелкие слабости прикрывались личиною какой-то возвышенности чувств или великодушия, легко обманывая людей простоватых <...>. Орлов казался вельможею, типом государственного человека, в действительности же он был пустым, болтливым, суетливым, бездарным деятелем, не раз наделавшим много напрасной галиматши» (*Половцов А. А. Дневник государственного секретаря*: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 328).

¹² Имеется в виду князь *Алексей Борисович Лобанов-Ростовский* (1824–1896), который был чрезвычайным и полномочным послом в Константинополе, Лондоне, Вене. Назначение его в Берлин не состоялось, поскольку, как записал в своем «Дневнике» А. А. Половцов, «государь выразил желание оставить Лобанова в Вене, где он составил себе отличное положение и где важно иметь православного с русским именем» (Там же. С. 329).

¹³ Барон *Егор Егорович Сталь* (Стааль; 1822–1907) исполнял с 1884 по 1902 г. обязанности чрезвычайного и полномочного посла в Англии, о его возможном назначении послом в Вену сведений найти не удалось.

¹⁴ Граф *Александр Владимирович Адлерберг* (1818–1888) — крупный государственный чиновник, особо приближенный к императору Александру II, занимал ряд высоких должностей. В 1881 г. по состоянию здоровья был уволен с занимаемых постов.

¹⁵ О брошюре «На распутье» см. примеч. 2 к п. 6. С точки зрения Фета, выбор, перед которым стоит Россия спустя более четверти века после отмены крепостного права, все тот же: пойдет ли страна по пути рационального земледелия, основанного на вольнонаемном труде, или будет сохранять такие остатки крепостничества, как общинное владение, обретет ли земля рачительного и экономного хозяина или ста-

нет объектом хищнической эксплуатации. «Беспощадно истощая почву общинным владением, — писал Фет, — мы бежим с истощенных полей, куда глаза глядят; а как культурному густонаселенному Западу бежать некуда, мы, против исторического течения, бежим на Восток, еще не зная, как примут нас безводные степи <...> несомненно, что мы стоим на распутье, и странно видеть, что, искусственно наклоня веса с одной стороны, мы усиленно тянем их с противоположной» (С. 46). Выступать против общины, «этого вредного для земледелия орудия самоуправления», Фету приходилось неоднократно. «Если мы действительно признаем государственное значение земледелия, что видно из учреждения дорогостоящих земледельческих школ, приготовляющих деятелей, конечно, не для общинного владения, несовместного с рациональной культурой, а для самостоятельных отдельных хозяйств, то значит, мы за последними признаем жизненную силу и возлагаем на них надежды. В земледельческом, как и во всяком другом хозяйстве, только то имеет прочную будущность, что развивается из собственных средств и в силу естественных условий» (Там же). Общинное владение землей Фет называет «ложной колесей», могущей привести российское земледелие лишь в тупик. «...Вот она та ложная колеся, о которой мы заговорили в начале, — пишет он позднее в статье «Нет ничего труднее, чем возратить общественное мнение с ложного пути на настоящий». — Мы сначала в фискальных видах придумали такое устройство, в котором община волей-неволей отвечала за человека, скрывающегося за ее плечами, но, убедившись в высшей несправедливости ответственности честных людей за негодяев, мы оставили созданный нами основной закон лишь на словах, давая тем не менее всякой злонамеренности возможность скрываться за общественными плечами» (МВед. 1889. 26 февраля. № 56. С. 5). По этому вопросу Семенов занимал противоположную позицию: «Общественное согласие он тесно связывал с крестьянской поземельной общиной и, настаивая на освобождении крестьян с землею, он доказывал необходимость, чтобы „земля была крепка за крестьянским сословием“. Н<иколай> П<етрович> был в числе тех, кто настаивал на том, чтобы земли, отошедшие к крестьянам, оставались в постоянном, бесповоротном пользовании освобожденных крестьян» (Попов И. И. Николай Петрович Семенов. С. 89).

11

Семенов — Фету

<2–3>^а декабря 1885 г. Петербург

С. Петербург.

Декабря 1885 года.

Дорогой, душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич, Ник<олай> Ник<олаевич> Страхов сказал мне, что писал Вам о моей внезапной и

^а Числа, взятые нами в угловые скобки, вписаны позднее карандашом неизвестной рукой.

тяжкой^б болезни, постигшей меня^в вместе с получением 7-го ноября^г горького известия о кончине моего искреннейшего друга и товарища детства Ник<олая> Яков<левича> Данилевского.¹ Это утрата чувствительная и для России и для всего ученого и образованного мира. Знаменитый труд его «Дарвинизм, критическое исследование» остается неконченным и в том именно,^д что он должен был представить самого интереснейшего.² У меня был брюшной тиф с особым нервным характером, по определению доктора, меня пользовавшего. Теперь уже несколько дней, как я^е встал с постели и перешел в состояние выздоравливающего; но до выхода на воздух, кажется, еще долго, и придется отложить мою предполагавшуюся поездку в Москву на праздники.

Пользуюсь первым позволением доктора писать какое-нибудь письмо, что-нибудь легкое вообще, чтобы поблагодарить Вас от всего сердца за присылку Вашего драгоценного труда, знакомящего нас с седой древностью — перевода стихотворений Катулла.³ Это и было первым моим интересным чтением тотчас по выходе из первого периода моей тяжелой болезни, когда мне позволено было читать понемногу и без утомления. С Як<овом> Карл<овичем> Гротом, потому что он тоже^ж вскоре после меня занемог и сильно острою болезнью, которая могла сделаться очень опасною, хотя продержала его меньше меня в постели, дня три; но получила весьма благоприятный оборот при скорой медицинской помощи. Он уже на прошлой неделе раз сам навестил меня, потому что затем, по случаю насморка и кашля, вот опять неделю сидит безвыходно дома. Он мне сказал, что тоже тотчас по выходе из болезни, прежде приступа к своим обычным занятиям, принялся с удовольствием за чтение Вашей книжки;⁴ Вы трудитесь неутомимо, а меня болезнь оторвала надолго от труда по крестьянскому делу, которого успех меня более всего тревожит относительно его окончания, ибо труд так обширен, что ему как-то конца еще не предвидится.⁵ Мне велено, по причине еще слабости и медленного, при всем благоприятном исходе болезни, восстановления сил, удалаться от всяких волнений, поэтому за политикой и совершающимся не могу следить пристально; хотя мне сообщаются сведения интересные друзьями и родными, посещающими меня при-

^б и тяжелой — *вписано над строкой.*

^в меня — *вписано над строкой.*

^г 7-го ноября — *вписано над строкой.*

^д именно — *вписано над строкой.*

^е я — *вписано над строкой.*

^ж Далее зачеркнуто: почти

ложно, истинно по-христиански, с тех пор как я стал на ноги и мне позволены беседы. Это не волнует, ибо тут глубоко вдумываться не приходится, т. е. так, как когда что разрабатываешь мыслью в тиши кабинета. Теперь нам дан новый министр юстиции: сенатор Манасейн, на которого как-то все возлагают большие надежды и ожидают существенного изменения уставов и отменения настоящ<их>³ плевел с поля нашего судебного законодательства.⁶ Сам Государь, говорят, дал определительные указания, хотя отказался, на просьбу нового министра, дать определенную инструкцию или программу, не желая стеснять и предрешать. Дай-то Бог, пора; но реакция и направление, по крайней мере, к настоящему заметны во всех ведомствах. Конечно, вдруг усовершенствования ожидать нельзя. Сего дня жду в 7-мь часов вечера посещения архиепископа Саввы Тверского,⁷ уезжающего в свою епархию и с которым сам поехать проститься не могу. Под его руководством печатаются деяния митрополита Московского Филарета (Дроздова). Он интересный пастырь, а завтра во вторник обещал заехать наш Никол<ай> Никол<ае>вич> Страхов. Простите, если послание мое нескладно. Супруге Вашей потрудитесь передать мое сердечное приветствие. При желании Вам всего лучшего остаюсь всей душою преданный, глубоко уважающий Вас и в чувствах неизменный

Николай Семенов.

Н. Н. Страхов передал мне Ваше дорогое для меня приветствие, и что касается говоренного мною Вам относительно выхода из крестьянского положения, то мне сообщили, что м<инистр> в<нутренних> д<ел> гр. Толстой входил два раза в Госуд<арственный> сов<ет> с проэктами о прекращении крестьянских разделов; и^и последний раз, д<олжно> быть, недавно; но они провалились и не без основания, потому что меры предлагавшиеся не могли бы быть действительными к устранению грозящего и тяжкого зла. Из чего можно заключить, что зло пришло к сознанию, но пути к устранению не ясны в головах, желающих пособить делу и всё ходят только около да кругом.

На конверте:

Его Высочородию
Афанасию Афанасьевичу
Шенишину.

В Москву. Плющиха, собственный дом № 481.

³ В подлиннике: настоящего

^и и — вписано над зачеркнутым: но

Почтовые штемпели: 1) 3 декабря 1885, Петербург; 2) 4 декабря 1885, Москва. *На обороте конверта карандашом рукой Фета:* «От Семенова декабря 1885 года». Дата написания письма уточняется по почтовым штемпелям.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 14–15 об.; конверт — л. 16.

¹ Н. Я. Данилевский (см. о нем примеч. 17 к п. 2) умер в Тифлисе 7 ноября 1885 г. В предисловии к переизданию книги «Россия и Европа» Страхов привел некролог, который был разослан им в газеты при известии о смерти Данилевского (*ЖМНП*. 1885. Ч. 242. № 12. Отд.: Современная летопись. С. 206–209): «В Тифлисе 7 ноября в 10 часов утра скончался один из замечательнейших людей в России, Николай Яковлевич Данилевский. По служебному своему положению, он был тайным советником, членом совета министра государственных имуществ. Труды его на поприще службы чрезвычайно велики и важны. Он исследовал рыболовные промыслы во всей европейской России и составил для них ныне действующие постановления. <...> последний труд этого рода была поездка на озеро Гохчу, в минувшем октябре месяце. Вернувшись из этой поездки в Тифлис, Николай Яковлевич неожиданно подвергся смертельному припадку болезни сердца <...>» (цит. по: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 4-е изд. СПб., 1889. С. XX). В некрологической статье Страхов высоко оценивал «Россию и Европу», а также сообщал о подготовленных к печати двух томах исследования Данилевского «Дарвинизм», «которому суждено остаться неконченным». «Но как ни прекрасны его труды, — писал Страхов, — в нем самом было еще больше добра и света, чем в его трудах. Никто, знавший покойного, не мог не почувствовать чистоты его души, прямоты и твердости его характера, поразительной силы и ясности его ума. Не имея никаких притязаний, никакого желания выставиться, он всюду являлся, однако, как *власть имущий*, как скоро речь заходила о том, что он знал и любил. Патриотизм его был безграничный, но зоркий и неподкупный. Не было пятна не только на его душе, но и на самих помыслах. Ум его соединял чрезвычайную теоретическую силу с легкостью и точностью практических планов» (Там же. С. XX–XXI). «...3 апреля 1885 г. Н.Я. Данилевский был командирован в Тифлис, — писал Страхов в биографическом очерке «Жизнь и труды Н. Я. Данилевского, предпосланном 3-му изданию книги «Россия и Европа», — на филлоксерный съезд, назначенный на 20 апреля. Еще по дороге в Тифлис, он ушиб себе ногу и до конца лета страдал от этого ушиба» (Там же. С. XVIII–XIX). Письмо Страхова к Фету с упоминанием о болезни Семенова неизвестно или не было написано.

² Этот труд Н. Я. Данилевского под названием «Дарвинизм. Критическое исследование» (СПб., 1885. Т. 1. Ч. 1–2; СПб. 1889, Т. 2. Ч. 1–2) был издан Страховым. Он вышел с посвящением Н. П. Семенову. 18 мая 1889 г. Страхов писал Л. Н. Толстому, что в следующих томах Данилевский «хотел говорить о своем взгляде на организмы, доказывать бытие и свойства Божии; вообще он смотрел на свое сочинение как на средство уничтожить материализм и нигилизм, и в одном письме к Н. П. Семенову говорит, что это средство будет лучше греческого и латинского

языков, в которых Катков видел наше спасение от вредных учений» (Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов: Полное собрание переписки: В 2 т. / Ред. А. А. Донсков, составители Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова. Оттава; Москва, 2003. Т. 2. С. 789–790). Страхов сам написал и рецензию на вышедший труд Данилевского (*Страхов Н.* Полное опровержение дарвинизма // *РВ.* 1887. № 1). Этот труд ему пришлось защищать от нападок в печати, в частности Вл. С. Соловьёва.

³ Речь идет о книге: Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М.: тип. А. И. Мамонтова, 1886 (дата на обложке не соответствует реальной дате выхода в свет — ноябрь 1885 г.; дата ценз. разрешения: 2 ноября 1885 г.). В библиотеке Л. Н. Толстого сохранился экземпляр с дарственной надписью: «Графу Льву Николаевичу Толстому языческий переводчик». См.: Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. М., 1972. Т. 1. Ч. 1. С. 346.

⁴ О Я. К. Гроде см. примеч. 19 к п. 3. Очевидно, Фет послал и ему свои переводы из Катулла.

⁵ Речь идет о труде «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу», вышедшего в трех томах (3-й том в двух книгах) (СПб., 1889–1893). См. также примеч. 3, 6 к п. 7.

⁶ *Николай Авксентьевич Манасеин* (1835–1895) до своего назначения в 1885 г. министром юстиции (сменил Д. Н. Набокова) был директором департамента Министерства юстиции и стал известен благодаря нововведениям в Прибалтийском крае, призванным укрепить там позиции России. Одновременно был генерал-прокурором Правительствующего сената. Отчасти Манасеин оправдал ожидания идеологов контрреформ (исполнял свои обязанности до 1894 г.), проведя ряд законов, ограничивших гласность судов (1887), прием в сословие присяжных лиц нехристианских исповеданий (1889), он ввел также институт земских начальников, упразднивший выборных мировых судей (1889), и др. Назначение Манасеина А. А. Половцов находил «вполне удовлетворительным»: «Прежде всего Манасеин специалист своего дела, воспитанник Училища правоведения, постоянно служивший по судебному ведомству и, в частности, в прокурорском надзоре. Он человек очень умный, способный. Один существенный недостаток — раздражительность, желчность» (*Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 377).

⁷ *Савва* (в миру Иван Михайлович Тихомиров; 1819–1896), архиепископ (с 1880 г.). В 1855 г. возведен в сан архимандрита митрополитом Филаретом (Дроздовым), считавшим его лучшим своим помощником, с 1859 г. ректор Московской духовной семинарии, с 1861 г. ректор Московской духовной академии. С 1866 г. епископ Витебский и Полоцкий, с 1874 г. — Харьковский и Ахтырский, с 1879 г. епископ Тверской и Кашинский. Помимо других духовных сочинений, подготовил письма митрополита Филарета к архиепископу Алексию (1883), к высочайшим особам (1888). Семенов имеет в виду упоминаемое далее «Собрание мнений и писем московского митрополита Филарета» (М., 1884–1888). В статье «На распутье» Фет говорил о «ясном уме и многостороннем знании», а также о «практичности» суждений Филарета, поставив выдержку из его сочинений эпиграфом к главе «Наказания» (*Фет. На распутье.* С. 55).

12

Фет — Семенову

11 февраля 1886 г. Москва

Москва,
Плющиха, собств. дом.
№ 481.

11 февраля 1886 г.

Душевноуважаемый Николай Петрович.

С неделю прогостивший у нас в Москве Николай Николаевич Страхов может засвидетельствовать перед Вами ту глубокую признательность, которую я преисполнен за озарение моего разума Вами по отношению к самому жизненному и основному вопросу нашего государственного быта. Конечно, кратко прочтенная Вами лекция не могла уяснить мне всего Вашего мировоззрения в этом направлении, но основная мысль Ваша до того была для меня плодотворна, что я смело могу сказать, что Вы были для меня младшим Товитом, снявшим мои бельма.¹ Подобно тому, как слово «воля» служит ключом ко всему мирозерцанию Шопенгауэра² и, не встречая преткновений ни в каком направлении, только служит наилучшей логической связью всего дела, и Ваше слово «тягло» в смысле хозяйственно рабочего главенства на арендуемом участке есть разъяснение всей русской истории в самом широком значении слова. Тесные рамки письма не позволяют мне указать на очевидную связь Вашей коренной мысли со всеми особенностями наших народных течений, начиная с православия и самодержавия с их иерархическими лестницами до национального характера последней русской семьи с коренными ее отличиями от западной. Но эта связь выяснилась в моей голове до последней ясности и, если я и не надеюсь, чтобы система моя, являющаяся только плодом приложения Вашей основной мысли ко всем нашим жизненным течениям, послужила как бы компасом и пробирным камнем для всех будущих государственных мероприятий, то все-таки считаю своим нравственным долгом высказаться, до последней ясности. Конечно, в видах непривычки нашей публики к систематическим изложениям, я постараюсь сократить это изложение насколько возможно, но при всем этом сам собою возникает вопрос, который разрешить, помимо Вас, никто не может. Как бы логически и ясно я ни изложил характеристически восточно-народного течения русской жизни в противоположность к западному, я бы ни на минуту тем не менее не мог забыть, что все это освещение я получил от Вашего гениального

взгляда на тягло и, пройдя это обстоятельство молчанием, очевидно совершал бы плагиат и являлся бы вороной в павлиньих перьях. Вот весь смысл моего настоящего письма. Убежденный, что в случае проникновения законодательных сфер этою коренною русской мыслью, вся наша жизнь сразу возвратилась бы домой из нелепых заграничных блужданий, на которых ей приходится спотыкаться на каждом шагу в своих практических мероприятиях, я, тем не менее, рассчитываю на деревенский досуг, чтобы строго обсудить мою статью,³ размеры и форма которой еще носятся передо мною в неясных очертаниях. Дело не в том, когда и как я исполню свой план, а в том, как мне быть, если Вы не разрешите мне прямо указать на Вас как на первоначальный источник всего моего мировоззрения? Дело иное, если бы мысль Ваша, хотя бы исключительно об одном только тягле была Вами лично уже высказана печатно и таким образом стала бы общим достоянием, на основании которого всякий имел бы право делать как правильные, так и неправильные выводы. Но воспользоваться чужою мыслью из частного разговора, умолча о ее источнике, значит прямо красть. Находя, что деликатный вопрос исчерпан мною до последней ясности, становлюсь перед Вами с полным ее разветвлением, т. е. разрешаете ли Вы мне вообще писать об этом деле, или дожидаться печатного обнародования Вашей мысли? Если разрешаете, то ограничиваете ли меня простым указанием, что мысль эта не моя, а принадлежит государственному человеку без названия имени, что, конечно, имеет вид шарады, или же разрешаете мне сказать, что мысль эта позаимствована мною у Н. П. Семенова. — Вот и все. При выражении глубочайшего почтения, буду ожидать ответа на мой капитальный вопрос.

Прошу верить неизменной признательности

искренно преданного Вам

А. Шеншина.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 17–20. На первой странице письма рукой Н. П. Семенова: «14 февраля 1886 г. послан ответ, заказной».

¹ Имеется в виду ветхозаветная притча об ослепшем Товите и сыне его Товии, которого ангел господень научил снять бельма с глаз отца его (Тов. 11: 6–15).

² Фет имеет в виду ключевое понятие философии Шопенгауэра, изложенное в книге «Мир как воля и представление».

³ Эта статья («Наше тягло») была написана Фетом, но до нас не дошла. См. о ней: Генералова Н. П. 25 лет спустя: Итоги крестьянской реформы 1861 года в переписке А. А. Фета с Н. П. Семеновым. С. 81–88.

13

Семенов — Фету

12 февраля 1886 г. Петербург

С. Петербург. Вас. остр.
6 линия, дом № 39.

12 февраля 1886 года.

Душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич, интересное и многознаменательное письмо Ваше от 11 сего февраля получил вчера и не откладывая ответом, тем более что был у Вас в долгу: не успел и поблагодарить Вас за присылку почтенных трудов Ваших — Тибулла и Шопенгауера.¹ Причиной тому были как последствия моей тяжелой болезни, хотя на поправление здоровья вообще я жаловаться не могу; но силы как-то не те. Возвращения их ожидаю летом от воздуха и травы, а потом и погружение в мой труд по крестьянскому делу, которому и конца не вижу, а я сознаю^а его столь важным, что отречение от всего мира я считал бы не чрезмерным, чтобы только довести этот труд до благополучного окончания.² Это интереснейший, назидательнейший и замечательнейший эпизод нашей истории. Пока я работаю только над хроникой, а хотелось бы потом и высказать свой взгляд на^б все это,^в по окончании. Упоминаю о сем для того только, чтобы сказать Вам, что пока не^г кончу, отрываться не должен и никакого другого труда предпринимать не могу.

Обращаюсь к Вашему письму. Оно меня очень обрадовало. Бога ради, пишите и не оставляйте Вашего благого намерения, я счастлив, если мои мысли могут^д Вам к чему-нибудь послужить. Я такого нрава, что готов отдать все мои мысли на пользу отечества, лишь бы они пошли в ход и осуществились, хотя бы и не от меня,^е если только в них есть истина. Ничто не ново под луною, а важно развить истину и чем скорее, тем лучше, а чтобы Ваша честная совесть ничем не могла стесняться, спешу уведомить, что я ничего не имею против ссылки на меня и выс-

^а сознаю *вписано над зачеркнутым*: считаю

^б на *вписано над зачеркнутым*: обо

^в *Было*: <обо> всем этом

^г не — *вписано над строкой*.

^д могут — *вписано над строкой*.

^е хотя бы и не от меня, — *вписано над строкой*.

тавления моего имени, где и как Вы рассудите. Эта основная* мысль о тягле представлялась мне всегда столь простою и как бы естественною в нашей русской истории, что было время, когда, пока ломки быта и нравов в нашей жизни не было, я и не видал нужды в ее развитии. Я понимал, что единица русской рабочей силы есть тягло, точно так, как единица общественного³ разума есть мир (в наше время крестьянский только), который мог бы всегда устыдить английских присяжных, добивающихся с таким трудом единогласия в своих⁴ решениях, так что европейские государства (как, например, Франция), которые заимствовали отсюда суд присяжных и не покусились даже перевести к себе единогласия решений, а мы собезьянничали, как известно, с французского. Недаром же Россия крепла и возвеличивалась до наших дней. Русскому народу противно большинство голосов, для этого загляните в «Русь» Аксакова 1883 года №№ 3, 4 и 5, 1-го и 15 февраля и 1-го марта ст<атья>: «Письма К. С. Аксакова к А. С. Хомякову и кн. Черкасскому и замечания его по поводу освобождения крестьян и их администр<ативного> устр<ойства>» стр. 34–46, 20–34 и 20–32.³ Так точно единица правления государством — Царь и единица миротворения Бог. Вот наш культурный тип и весь секрет нашего русского самодержавия. Не забудьте при этом книги нашего незабвенного Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» о культурных типах и истории вообще.⁴ Теперь другие времена, и я в разные времена, где мог и как мог, развивал устно и^к на все лады мысль о тягле. Это никак и ни в чем стеснять Вас не должно.

Так, в последний свой приезд сюда в Петербург¹ еще в январе этого года Мих<аил> Никиф<орович> Катков посетил меня, и когда я развил ему мое воззрение на тягло, то он очень просил написать ему статью с изложением моих мыслей, которым он очень сочувствует; но я на неопределенное время не могу этого исполнить по причинам, изложенным выше в начале сего послания.

Что касается до печати, то мысль моя о тягле в общем^м была заявлена, а для того загляните в «Русский вестник» 1862 г., август № 8. Ст<атья> «Освобождение крестьян в России и Пруссии» упоминание о тягле стр. 826⁵ и предыдущие, и «Русс<кий> же вестн<ик>» 1885 года, июль

* <эт>а <основн>ая — *вписано вместо: эт[у] основн[ую]*

³ общественного — *вписано над строкой.*

⁴ своих — *вписано над строкой.*

^к устно и — *вписано над строкой.*

¹ в Петербург — *вписано над строкой.*

^м о тягле в общем — *вписано над строкой.*



Я. И. Ростовцев

№ 7, статья» «Деятельность комиссий по крестьянск<ому> делу в общ<их> присутствиях» стр. 146 последняя строка и начало 147 стр.⁶ «Общ<ие> присут<ствия> комиссий» 18 июня 1859 года, журнал № 22, 23 и 24 (17, 18 и 20 июня вместе).⁷

Это требует некоторого, мож<ет> быть, интересного даже пояснения. Председатель комиссии Я. И. Ростовцов^н был человек от головы до пят русский, все обычаи его и нрав,^о несмотря на придворное все-таки его положение, были совершенно русские. Мать его была Кусова, известной в свое время купеческой фирмы.⁸ Сестра его родная была за Сапожниковым,⁹ купеческого рода. Всё русское легко лезло к нему в душу. Русскому легко было с ним говорить. Во время наших заседаний

^н Я. И. Ростовцов — *вписано над строкой.*

^о и нрав — *вписано над строкой.*

летом 1859 года на Каменном острове, которые были довольно часты; я всякий раз после общего присутствия заходил к ему обедать. Это было единственное свободное для него время дня. Тогда я свободно сообщал ему мои воззрения и между прочим развивал устно мои мысли^п о тягле. Насколько они послужили к настроению его к русскому пониманию вещей, судить не мне, только он, имея Высочайше дарованное ему право не только распределять занятия в комиссиях, но и давать им направление, т. е. принимать или отвергать их предположения, держался все-таки русских начал. Дело о тягле^р происходило так: славянофилы проглядели (не исключая и Ив. Сер. Аксакова), сколько мне известно, настоящее значение тягла для общины, а прочие закоснелые и неизлечимые западники и преимущественный из них Н. А. Милютин,¹⁰ который, когда мои записки придут совсем к окончанию, не может быть признан иначе, как за кухмистера, так сказать (а поделикатнее по-французски *grand faiseur*), крестьянского дела, и более крупный в нем деятель князь Черкасский,¹¹ ложно считавшийся славянофилом близорукими последователями сего учения, и, напротив, тоже чистокровный западник, смотрели с высокомерным^с презрением на русскую крестьянскую общину, считая ее признаком младенчества неразвитого, хотя и не совсем тупоумного народа. Большинство самое значительное членов комиссий стояло более или менее на точке европейских воззрений. Конечно, до различия в духе русского народа и русского госуд<арстве>нного организма от европейских народов и государств они додумываться не могли. В их головах составилось^т общее понятие, что община есть достояние или положение всех народов, слагающихся в государственный организм, что это признак младенчества и неразвития, из которого скорее надо вывести русский народ, хотя бы и толчком. Себя же наши деятели, в большинстве влекомые честолюбием или самолюбием, дурными в сущности качествами,^у считали просветителями и преобразователями, призванными к великим делам, и потому предлагали меры к разрушению общины — их желание было создать многочисленных собственников, потому они стремились^ф ввести (тогда до выкупа,^х который еще и не выработался)

^п развивал устно мои мысли — *вписано над строкой.*

^р о тягле — *вписано над строкой.*

^с высокомерным — *вписано над строкой.*

^т составилось *вписано над зачеркнутым: сложилось*

^у влекомые ~ качествами, — *вписано над строкой.*

^ф стремились — *вписано над зачеркнутым: хотели*

^х *Далее зачеркнуто: еще*

участковое пользование в управление крестьян¹¹ решение дел¹² в некоторых случаях даже простым большинством голосов (что и удалось им сделать), несмотря на то,¹³ что, по-видимому, охранителем от того должен был бы, кажется, быть сам славянофил¹⁴ Самарин,¹² имевший тогда и особый¹⁵ авторитет как человек литературный; но и он спасовал, по моему личному убеждению, оттого, что настоящим русским он не был. — Развивался он на Гегеле и был поклонник страстный немецкой культуры во всем ее целом и в душе, в конце концов, был все-таки западный человек. Я тогда, должен сказать, не имел достаточного авторитета. Я начинал еще, можно сказать, тогда мою литературную деятельность, уже тогда¹⁶ противную притом всем западным веяниям, следовательно, начинал только прать против рожна, а один человек в поле не воин. Таким образом, Ростовцов почти один стоял за сохранение общины. Он выражался, как я отметил в одном месте, уже напечатанном в «Русск-ом» вестнике», моих записок, рельефно. Вот что он говорил и повторял¹⁷ разрушителям быта в частных беседах:¹⁸ «Я не позволю ломать истории. У нас исторически сложилась община, мы должны ее сохранить. Я вам делаю уступку, — отворите как хотите широко каждому крестьянину выход из общины, если он выйти желает; но не разрушайте общину. Она нам нужна». Это я сохранил дословно в моей памяти. Поэтому и в Положении 19 февраля, до которого Ростовцов не дожил, все-таки сохранилось за крестьянами право¹⁹ делить между собой отошедшую к ним в душевых участках от помещиков землю, как они хотят, т. е. по тяглам, дворам, или душам. Две последние категории в сущности одно и то же, т. е. дворы суть сложные души, а не единицы рабочей силы, как тягло, и не паи тяглых крестьян в общем землевладении. Вот Вам эпизод из истории освобождения крестьян, правдиво изложенный. Он, конечно, не для печати; но, может быть,²⁰ что-нибудь из него извлечь можно для соображения. После объявления 19 февраля 1861 г. Положения об освобождении дело, т. е. его исполнение и осуществление, пе-

¹¹ крестьян — вписано над строкой.

¹² дел — вписано над строкой.

¹³ на то — вписано над зачеркнутым: даже

¹⁴ сам славянофил — вписано над строкой.

¹⁵ особый — вписано над строкой.

¹⁶ тогда — вписано над строкой.

¹⁷ и повторял — вписано над строкой.

¹⁸ в частных беседах — вписано над строкой.

¹⁹ Было: право крестьян

²⁰ может быть — вписано над строкой.

решло в руки правительства к Валуеву,¹³ а во главе^{а-1} рабочей силы стал человек узкий, самолюбивый до раздражения Яков Александр<ович> Соловьев,¹⁴ который где мог старался восстановить то, что предлагал в комиссиях, когда он был их членом, и что провалилось. Пошли циркуляры и разъяснения — Вы знаете, а никто из главных правителей^{б-1} не заботился проникнуться теми идеями, которые были положены в основу крестьянского Положения, отличавшегося именно относительным отсутствием регламентации. Я в иных местах знаю давления на крестьян, чтобы они делились участками между собой, хотя и у нас в Раненбургском уезде Рязанской губернии^{в-1} есть примеры тягловых наделов до сих пор, и эти селения относительно процветают; по крайней мере, кулакам и кабатчикам нет в них места, а вопрос этот важный и грозит бедами в будущем. Кстати, для сведения посмотрите в «Русском вестнике» прошлого 1886 статью Головина «Наша сельская община»,¹⁵ хотя я не сочувствую направлению автора и выводы его не считаю верными, но в ней много сведений о строении наших общин, впрочем, я не дочитал еще ее до конца за недосугом. Это я на всякий случай, если Вы уже не прочли статью сами.

Мне остается приятно мечтать о Вашем, для наших высших сфер и русских людей, полезном преднамерении развить до последней ясности жилку биения^{г-1} нашей русской^{д-1} народной жизни. Вам это доступнее, чем многим другим, потому что поэтический гений приводит к откровениям, а настоящая философия ведет к правильному^{е-1} сочетанию мыслей и верным выводам из наблюдения исторических фактов, а вопрос, который Вы затрогиваете, очень важен для нашего дальнейшего преуспеяния. Не могу я разделять мнения, которое неоднократно, во время разрешения крестьянского дела, выражал в частных разговорах Ю. Ф. Самарин, будто постановления правительства не могут повернуть^{ж-1} народной жизни и что она будет течь^{з-1} своим руслом, независимо от мероприятий правительства. Нет, правительство может отвести это течение и в неблагоприятную для народной^{и-1} жизни сторону. Конечно, лучшие

^{а-1} во главе — *вписано над строкой.*

^{б-1} из главных правителей — *вписано над строкой.*

^{в-1} Рязанской губернии — *вписано над строкой.*

^{г-1} биения — *вписано над зачеркнутым: <1 нрзб> течения*

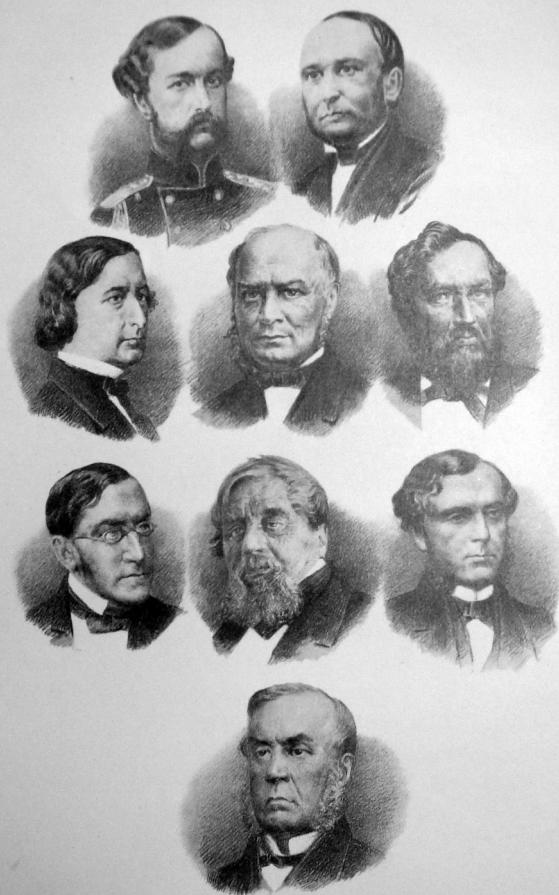
^{д-1} русской — *вписано над строкой.*

^{е-1} Далее зачеркнуто: соединению

^{ж-1} Далее вписано и зачеркнуто: русла

^{з-1} Далее зачеркнуто: нез<ависимо?>

^{и-1} народной — *вписано над строкой.*



Свѣтл. Князь В. И. Паскевичъ. А. Н. Поповъ.
Ю. В. Самаринъ. В. В. Тарновскій. А. Н. Татариновъ.
Князь В. А. Черкасскій. Н. П. Шишковъ. Графъ П. П. Шуваловъ.
О. Ф. Ярошинскій.


Фототипия В. Клементіа. С. Исаковскій. Вѣдомств. 1861 г. 172

Деятели крестьянской реформы 1861 г.

законы и твердые, на потребностях и народном быте основанные учреждения могут остаться мертвыми, если нет достойных и живых людей; но с другой стороны, значительная масса полезных людей требует правильных и твердых учреждений и на справедливости^{к-1} основанных законов, в них нуждается всякое благоустроенное государство, а что ж такое ломка народного быта и прочно укоренившихся госуд<арственных> учреждений, как не революция. Если ее производят народные массы сами по себе,^{л-1} то это свидетельство дурного устройства и неудовлетворяемых народных^{м-1} потребностей. Если же ее производят считающие себя умниками и стоящие^{н-1} во главе так называемой^{о-1} интеллигенции, то это только безумие. И то еще вопрос, если ломку производят признанные гении, как, например,^{п-1} Петр Великий, то в их деятельности чего нарождается больше, добра или зла, верно только то,^{р-1} что жить во времена их появления не совсем сладко, и в частной жизни что может быть тяжелее, как переход из хорошей, привычной^{с-1} обстановки быта в худшую обстановку. Пошли только нам Господь из тягостного положения какой-то ерунды перейти в лучшее. Супруге Вашей потрудитесь передать мое сердечное приветствие. Всей душой преданный, искренно Вас уважающий и в чувствах неизменный

Николай Семенов.^{т-1}

Очень был бы утешен получить Ваши строки о ходе и успехе будущей статьи Вашей и для удостоверения, что это мое послание дошло до Вас верно. Ныне что-то утрачиваются письма нередко. На всякий случай: приведенные мною слова Ростовцова можете привести подлинником в Вашей статье, если понадобится, и сослаться для того на меня.

На конверте:

Заказное.

Его Высочородию
Афанасию Афанасьевичу
Шенишину.

Москва. Плющиха, собственный дом, № 481.

^{к-1} справедливости *вписано над зачеркнутым*: правде

^{л-1} сами по себе — *вписано над строкой*.

^{м-1} народных — *вписано над строкой*.

^{н-1} и стоящие — *вписано над строкой*.

^{о-1} так называемой — *вписано над строкой*.

^{п-1} например — *вписано над строкой*.

^{р-1} то — *вписано над строкой*.

^{с-1} привычной — *вписано над строкой*.

^{т-1} Далее записано на полях стр. 8 и 1.

Внизу рукой Фета: От Н. П. Семенова
12-го февраля 1886 года.

На обороте конверта рукой Фета: 1862 г. Авг. № 8.

Почтовые штемпели: 1) 14 февраля 1886, Петербург; 2) 15 февраля 1886, Москва.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 17–20 об.; конверт — л. 21.

¹ Семенов имеет в виду присланные ему издания: Элегии Тибулла. В переводе и с объяснениями А. Фета (М., 1886) и два новых перевода Фета из Шопенгауэра, вышедших одной книгой в Москве в 1886 г. в типографии А. И. Мамонтова: *Шопенгауэр А.* О четверном корне закона достаточного основания. Философское рассуждение. О воле в природе. Исследование подтверждений со стороны эмпирических наук, полученных философией автора со времен своего появления (ценз. разрешение: 10 декабря 1885 г.). Перевод был посвящен Н. Н. Страхову.

² Речь идет о труде «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу», вышедшего в трех томах (3-й том в двух книгах) (СПб., 1889–1893). См. также примеч. 3, 6 к п. 7.

³ Накануне пересмотра действующих законов, установленных после реформы 1861 г., редактор газеты «Русь» И. С. Аксаков счел необходимым опубликовать замечания своего старшего брата Константина на доклады Административного отделения Редакционных комиссий по поводу грядущих реформ, составленные Ю. Ф. Самариным, Н. А. Милютиным и В. А. Черкасским в 1859 г. Свои замечания Аксаков оформил также в виде писем к А. С. Хомякову и В. А. Черкасскому, последнее было написано особенно резко. Говоря, о том, что в докладе № 5 обнаружилось посягательство на самую сущность «мира», Аксаков писал, что авторы доклада осмелились «наступить на то начало, которое составляет самую основную его силу, тайну его жизни, именно: единогласие. Вы вводите *большинство*, ту дикую, материальную силу, которая, большею частью из чувства рабского подобострастия перед Европою, не признается нами за такую, — большинство, столь противное духу русской земли» (Два письма и замечания К. С. Аксакова по поводу освобождения крестьян и их административного устройства // Русь. 1883. № 3. 1 февраля. С. 38). Признавая, что будущая «эманципация» будет полезна для дворян, которые «избавятся от унижающего их права помещичьей власти над другим человеком», Аксаков сомневался в том, принесет ли освобождение пользу крестьянам (не попадет ли крестьянин «из одной тюрьмы <...> в другую») (Там же. С. 34). Публикация в № 4 называлась: «Замечания К. С. Аксакова по поводу освобождения крестьян и их административного устройства» (Русь. 1886. № 4. 15 февраля. С. 20–34). Здесь, обсуждая вопрос о способе определения сельских обществ, Аксаков предлагал вести счет не по душам, а по дворам, на том основании, что это «народный счет», а счет по душам был введен «сперва татарскими ханами, а потом петербургскими властями, и именно первым императором Петром Великим» (С. 21), называть административные единицы не округами, а приходами (С. 22) и т. д. В подстрочных примечаниях от редакции уточнялось, какие предложения К. Аксакова были приняты, а какие отвергнуты. В № 5 «Руси» Аксаков обсуждал сроки службы должностных лиц, раз-

меры жалования, отмену телесных наказаний, работу крестьянских судов и другие вопросы (Русь. 1883. № 5. 1 марта. С. 20–33). К. С. Аксаков успел рассмотреть полностью лишь семь докладов, смерть застала его над работой по восьмому докладу.

⁴ О Н. Я. Данилевском см. примеч. 17 к п. 2 и примеч. 1 к п. 11.

⁵ На указанной странице читаем: «...поселяне, соединяя дружно свои силы, часто устраивались и на свободных землях общинами, и хотя из общины они получали участки или выги, но большой определенности во владении и способе пользования землями тогда быть не могло. В отношении к правительству, к общине, в которой все ее члены тянули во все общинные разметы и разруды, и к землевладельцу на первом плане стояла *рабочая сила*, представлявшая свою единицу — *тягло*» (Семенов Н. Освобождение крестьян в России и в Пруссии // *РВ*. 1862. № 8. С. 826).

⁶ Семенов ссылается на фрагмент своих записок из деятельности Редакционных комиссий, которые печатались в «Русском вестнике». На замечание председателя о том, что при переводе расчета десятин с тягл на души будет ломка, «Николай Семенов добавил, что в продолжение исторической жизни русского крестьянства выработалась единица рабочей силы — тягло, которое и определяло размер земельного надела для помещика, по крайней мере в черноземной полосе России; что если уж предположено, чтобы помещики рассчитались с крестьянами землей по душам, то все-таки следовало бы, хотя бы в этих местностях, предоставить самим крестьянам отошедшую во владение всего общества от помещика землю делить между собой по тяглам, а не по душам, во избежание слишком мелкого дробления участков в будущем, дабы не ослабить нарушением векового обычая существования общин» (Семенов Н. Деятельность комиссий по крестьянском делу в общих присутствиях // *РВ*. 1885. № 7. С. 146–147).

⁷ Речь идет о специальных бюллетенях работы Редакционных комиссий — «Журналы общественных присутствий», которые выходили в период подготовки реформы 1861 г.

⁸ *Кусовы* — русский дворянский и баронский род, ведущий начало от петербургского первостатейного купца Василия Григорьевича Кусова (1729–1788). Матерью Я. И. Ростовцева была Александра Ивановна Кусова (1778–1843). О Ростовцеве см. примеч. 10 к п. 7.

⁹ Сестра Я. И. Ростовцева Пелагея Ивановна (1799–1868) была замужем за купцом 1-й гильдии, директором коммерческого банка Александром Петровичем Сапожниковым (1786–1827), принадлежавшем к известному купеческому роду.

¹⁰ *Милютин Николай Алексеевич* (1818–1872) — в 1859–1861 гг. товарищ министра внутренних дел, фактический руководитель работ по подготовке крестьянской реформы, пользовался большим авторитетом в либеральной среде.

¹¹ Князь *Черкасский Владимир Александрович* (1824–1878) — видный государственный деятель, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г в России и 1864 г. в Царстве Польском. Дружба с Ю. Ф. Самариним и другими славянофилами определяла его близость к этому лагерю.

¹² *Самарин Юрий Федорович* (1819–1876) — философ, публицист, историк, общественный деятель, автор трудов о прибалтийских землях, входивших в состав Российской империи. Один из активных участников реформы 1861 г., член Редакционных комиссий.

¹³ Вадуев Петр Александрович (1815–1890) — в 1861–1868 гг. был министром внутренних и дел и руководил земской и цензурной реформами.

¹⁴ Соловьев Яков Александрович (1820–1876) — активный член Редакционных комиссий, ближайший сотрудник Н. А. Милютина, по чьей рекомендации в 1864 г. назначен членом Учредительного комитета по крестьянским делам в Царстве Польском.

¹⁵ Статья К. Ф. Головина (1843–1913) публиковалась с октябрьского номера 1885 г. по февральский 1886 г. в «Русском вестнике». Позднее в расширенном виде вышла отдельным изданием: «Сельская община в литературе и действительности» (СПб., 1887). В ней Головин не без основания замечал, что «община сделалась у нас вопросом партии, <...> из научной области она всецело перешла в политическую», указывая при этом, что подобный политизированный подход, в частности попытки увидеть в общине зародыш социалистической ячейки, лишь уведит от истинного смысла (РВ. 1885. № 10. С. 602–603). Семенову могло не понравиться, что Головин, сравнивая эффективность общины с западноевропейским опытом, отдает предпочтение последнему. В то же время его не могла не привлечь мысль Головина о том, что попытка Кахановской комиссии ввести в сельское общество элемент бессловности не имела смысла (Там же. С. 619).

14

Фет — Семенову

16 февраля 1886 г. Москва

Москва,
Плющиха, собств. дом.
№ 481.

16 февраля 1886 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович,

Ваши дорогие строки застали меня вчера вечером совершенно развинченного и почти слепого, но, невзирая на увещания жены, которая усердно благодарит Вас за любезное приветствие, я надел очки и прочел все мелкое письмо от начала до конца с величайшим вниманием. Конечно, я воспользуюсь Вашими дорогими указаниями, а равно и любезным разрешением напрямик указать на Вас как на первоначальный источник мысли, озаряющей, по моему мнению, весь наш исторический быт. Вы совершенно правы, говоря, что слово «тягло» не есть какое-либо модное и небывалое; оно звучало еще над нашей купелью и только литераторы писали «тысячу душ»,¹ а хозяева между собою говорили 250 тягол. Ведь и яйца были, вероятно, уже на райских деревьях и сотрапезники Колумба, вероятно, воскликнули: «Э! так-то мудреного нет!» Но без Колумба все-таки по сей день никто не поставил бы яйца на носок. Как для физиолога важно знакомство с отдельной клеточкой

для уразумения всех органических тел, как одна ячейка объясняет все устройство улья, так точно тягло, вследствие указания Вашего, должно послужить основой всей моей статьи, к написанию которой не могу приступить раньше деревни, ибо в настоящее время кончаю перевод 15-й и последней книги Овидиевых «Превращений».² Поэтому, прежде всего я нуждаюсь в точном определении слова «тягло». По-моему, *тягло есть неделимая экономически-самобытная единица обязательного земледельческого труда*. Кажется, что под это определение нельзя подвести никакого другого деятеля, начиная с простого работника, так как он экономически не самобытен. Я бы был очень счастлив, если бы услышал более точное определение.

Душевно радуюсь восстановлению Ваших сил и следовательно возможности продолжать Ваш капитальный труд.³

Всего обиднее, когда глаза отказываются служить.

С глубочайшим уважением и признательностью прошу верить искренней преданности

Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 21–22 об.

¹ Имеется в виду роман А. Ф. Писемского «Тысяча душ», впервые опубликованный в журнале «Отечественные записки» в 1858 г.

² 15 книг превращений Овидия в переводе Фета вышли в свет в 1887 г.

³ См. примеч. 3 к п. 7.

15

Фет — Семенову

Апрель 1886 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. д.

станция

Коренная Пустынь.

Апрель 1886 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Вот уже я с недугами моими перебрался, как видите, в деревню, хотя ежедневно в духе моем пребываю с Вами. Все это время я занят был обдумыванием как содержания, так и самого построения моего неболь-

шого храма русской Весты, огонь которой я непосредственно получил из Вашей благонадежной руки.¹ Я никогда и не думал писать обширной статьи по этому предмету, во-первых потому, что не обладаю для такого труда достаточным материальным знанием, а во-вторых потому, что у нас читатели вообще, а власть имеющие в особенности, для которых статья и предназначается, обширной статьи читать не станут. Мне кажется, что статья моя, в сущности, есть развитие Вашей мысли, выраженной в письме ко мне, что «единица рабочей силы есть тягло, единица правления — Царь, а единица миротворения — Бог». Сегодня, как мне кажется, я окончил мою статью, не превышающую размера двух печатных листов «Русского вестника». Так как рукою моею, в данном случае, водит не писательство, а лишь желание общей пользы, то я и решился не печатать ее без предварительной Вашей цензуры. Зная, как Вы заняты в Петербурге, буду выжидать Вашего разрешения переслать Вам статью ко времени переезда Вашего в Рязьск, с. Урусово. Конечно, я был бы счастлив, если бы мое воззрение на дело математически совпадало с Вашим, но я прошу Вас, на всякий случай, высказать мне откровенно Ваше мнение о достоинстве статьи, даже и в том случае, если бы она какою-либо стороною выбегала из круга Вашего идеала. Если Вы найдете ее или совершенно, в литературном отношении, слабой, или в каком-либо отношении вредной, то я без сомнения откажусь от ее печатания, ибо уверен, что, по Вашему указанию, снова приобрету верное воззрение на дело. За свою грешную прозу я никогда не требую никакого гонорара, но помещение статей у Каткова, при многочисленных его занятиях, затруднительно. Он читает все лично, а времени нет, поэтому, в случае одобрения Вашего, я прошу Вас, если это только Вас не затруднит, черкнуть Каткову два слова, что Вы читали статью; это значительно облегчит мне ее напечатание.

Жена моя просит присоединить ее приветствие к выражениям глубочайшего уважения, с которым имею честь быть Вашим

покорнейшим слугой

А. Шеншин<сым>.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 23–24. В верхней части первой страницы письма рукой Н. П. Семенова: «2 мая 1886 г. послан ответ».

¹ Речь идет об утраченной статье Фета «Наше тягло». См. о ней во вступит. статье к наст. публикации.

16

Семенов — Фету

1 мая 1886 г. Петербург

С.-Петербург.
Вас. остр. 6-я линия,
дом № 39.

1 мая 1886 года.

Дорогой и душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Христос воскрес! Примите мое запоздавшее поздравление с Светлым^а праздником¹ и желание благ земных и успехов во всем, а паче всего здоровья, в наш возраст столь нужного и драгоценного, и притом простите великодушно, что не собрался до сего дня ответить Вам на Ваше последнее письмо. Меня душила моя работа, особенно последние недели, перед сборами к отъезду в деревню. Хотелось доделать урок; но все-таки не удалось довести 2-й период или 2-ю книгу до окончания, осталось из этого^б периода 13 заседаний² еще — работа почти на всю осень до праздников Рождества. Уезжая в деревню, я вынужден прерывать ее, потому что трудно перетаскивать на 4 месяца порядочную библиотеку по крестьянскому делу; а главное, боюсь как-нибудь потерять в перевозке драгоценные источники, которые отчасти в единственном экземпляре. 5 мая надеюсь тронуться в деревню. Адрес мой туда *Рязанской губернии* в город *Рязск*, в село *Урусово*. 4-ре дня придется пробыть в Москве и день или 2 в Рязани по делам, так что 14-го — 15 мая думаю быть^в на месте. Но мы люди не свободные. Отпуск, о котором просил, может меня задержать. Тогда выеду 10 мая, и все-таки около 15-го надеюсь быть в деревне.

Доселе я и не мог определить времени моего^г отъезда; это тоже было причиной, почему я отлагал мой ответ. Теперь Вы можете ближе сообщить, как выслать мне Вашу статью, которая меня очень интересует. Размер ее, по Вашему письму, самый удовлетворительный, ибо если писать пространно, то многие не прочтут. Чем строже и доказательнее

^а Светлым — *вписано над строкой*.

^б этого — *вписано над строкой*.

^в Далее *зачеркнуто*: там

^г Было: своего

в развитии идей такие статьи, тем сильнее они действуют на большинство, а это, конечно, их главная цель, а что касается литературной формы, то можно ли сомневаться в достоинстве этой статьи, когда она вышла из-под Вашего пера.

В зимний свой приезд Мих<аил> Никиф<орович> Катков навестил меня, а теперь на Святой, когда он приезжал сюда и захватил Фоминой, я видел его два раза. Раз был у него, а другой виделись на свадьбе^д дочери Ив<ана> Алексеев<ича> Вышнеградского,³ нового члена Госуд<арственного> Совета. Приездом сюда Мих<аил> Никиф<орович>^е был доволен. В день приезда уж занемог от простуды и два дня пролежал в постели, поэтому все приезжали к нему, и ему не пришлось развезжать целые дни, другими словами, гранить мостовую. Пробыл он около недели; но политикой внутренней не был доволен, а внешней еще менее. Он приостановился печатанием моих статей по крестьянскому делу с августа прошлого года,⁴ и я толком не мог все-таки добиться, отчего это,^ж хотя он и сказал, что статьи эти не журнальные, т. е. имеют всегдашний интерес, и что их нужно печатать с паузами и торопиться с статьями, имеющими временный интерес; но пауза была довольно длинная и статьи печатались не более 2-х листов в номере «Рус<ского> вестн<ика>».³ Притом мне говорил некто Сикевич, председ<атель> от короны мирового съезда в Сувалках,⁵ что эти мои статьи приобрели там трех подписчиков «Русскому вестнику», и притом от провинциалов слышу, что они интересуются очень и спрашивают, отчего печатание их прекратилось. Мною сдано в редакцию приблизительно в 2 или 1½ раза более того, что было напечатано, т. е. вся первая часть, или 1-й период занятий до конца, а между тем я бы желал приступить с осени к печатанию этого 1-го тома, собрав все то, что было мною печатано в «Русск<ом> же вестнике» и^и в 1864 и 1866 году,⁶ что относится также к 1-му периоду занятий Комиссий. Теперь я связан. М. Н. Катков окончательно просил меня переговорить с ним^к в Москве, где всё под рукой. В апрельскую книжку моя статья была назначена от редакции; но он отменил. Увидим, что будет. Когда он был у меня зимой, то настоятельно просил на-

^д Далее зачеркнуто: у

^е Мих<аил> Никиф<орович> — вписано над строкой.

^ж это — вписано над строкой.

³ Вместо зачеркнутого: № над строкой вписано: номере «Рус<ского> вестн<ика>»

^и и — вписано над строкой.

^к Далее зачеркнуто: окончательно

писать статью о тягле и судьбах крестьянства при теперешнем развитии дела. Я сказал, что не могу зимой отрываться от своего дела, а летом, если будет¹ возможно, ибо я там свои статьи исправляю, дополняю² и проч., то постараюсь. Моя статья, если удастся написать, будет дополнением и развитием Вашей; так, как Ваша моей, так я себе это представляю, ибо буду писать по источникам, также желательно написать коротко в соответствии и в духе моей статьи «Наши реформы». У нас здесь приятного немного — по городу ходят: scarlatin, корь и дифтерит. С братом и сестрой⁷ у нас карантин. У сестры дочь,⁸ моя крестница, девица 22 лет, только оправляется после scarлатины (6 недель сегодня минуло), у брата один из меньших сынов в кори несколько дней.^{10,9} Госуд<арственный> Совет протянет еще до 1 июня свои заседания, а больше все смотрят в леса и поля, а за границу, излюбившие чужие страны, уж и отъехали. В Москве, говорят, тиф, и пятнистый. Государя ждут в Москву 12 мая, говорят, в Ильинское к В<еликому> К<нязю> Сергию⁹ Александровичу,¹⁰ а сюда, говорят, Государь прибудет 17 мая и прямо в Петергоф.¹¹ Потрудитесь передать супруге Вашей мое сердечное приветствие и поздравление с минувшими праздниками. Всей душою преданный и в чувствах неизменный

Николай Семенов.

На конверте:

Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шенишину.

По Московско-Курской железной дороге на
станцию Коренную Пустынь.

Почтовые штемпели: 1) 2 мая 1886, Петербург; 2) 3 мая 1886, Москва.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. № 20289. Л. 21–23 об.; конверт — л. 24. На обороте конверта надпись карандашом неизвестной рукой: «Семенова».

¹ Праздник Пасхи приходился в 1886 г. на 13 апреля.

² Имеются в виду заседания Редакционных комиссий по подготовке реформы 1861 г.

³ будет — *вписано над строкой.*

⁴ дополняю — *исправлено вместо: добавляю*

⁵ несколько дней — *вписано над строкой.*

⁶ В. К. Сергию — *вписано над зачеркнутым: Алексею*

³ *Вышнеградский Иван Алексеевич* (1831/1832–1895) — почетный член Петербургской Академии наук, основатель научной школы конструирования машин. В 1886 г. был назначен членом Государственного совета по департаменту государственной экономии, в 1887 г. — управляющим министерством финансов, сменив на этом посту Н. Х. Бунге, а в 1888 г. стал министром финансов. Несмотря на его усилия, финансовое положение России при нем не улучшилось, а государственный долг возрос. В письме к Н. Я. Данилевскому от 29 ноября 1883 г. Страхов называл Вышнеградского «моим школьным товарищем и одним из умнейших людей России» (РВ. 1901. № 3. С. 126), а В. В. Розанову он писал 30 января 1891 г.: «...я отлично знаю не только его способности, но и то, что сердце у него чистое и высокое» (цит. по: *Розанов В. В. Литературные изгнанники. Воспоминания. Письма.* М., 2000. С. 174).

⁴ В 1885 г. в «Русском вестнике» было напечатано четыре статьи Семенова под заглавием «Деятельность Комиссии по крестьянскому делу в Общих присутствиях» (№ 5–8), вошедшие впоследствии в первый том книги «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II» (СПб., 1889).

⁵ *Сикевиц Владимир Мелентьевич* (1834–1918) — писатель и общественный деятель. Окончил Киевский университет св. Владимира (1861), служил в канцелярии генерал-губернатора в Петербурге, сотрудничал в «Петербургском листке». Затем — мировой посредник в Киевской губ., председатель съезда мировых судей в Сувалках (Северо-западный край, с 1867 г. губернский город, ныне на территории Польши).

⁶ Семенов имеет в виду статьи «Деятельность Я. И. Ростовцева в Редакционных комиссиях по крестьянскому делу» (РВ. 1864. № 10–12) и «Болезнь и кончина генерала Ростовцева» (Там же. 1866. № 2).

⁷ Брат — Петр Петрович Семенов (впоследствии Тян-Шанский; 1827–1914) и сестра Наталья Петровна (в замуж. Грот; 1825–1899), писательница, критик, переводчица, мемуаристка.

⁸ Имеется в виду *Елизавета Яковлевна Грот* (в перв. браке Вюрст, во втор. — Кулакова; 1863–1932).

⁹ «Один из меньших сынов» П. П. Семенова — возможно, сын от второго брака Вениамин (1870–1942), упомянувший в своих воспоминаниях о внезапной болезни, приключившейся с ним в 1886 г. (*Семенов-Тян-Шанский В. П. То, что прошло: В 2 т. М., 2009. Т. 1: 1870–1917. С. 214*), или болезненный младший сын Ростислав (1878–1893).

¹⁰ *Ильинское* — подмосковное имение близ Архангельского, с 1864 г. царская резиденция супруги Александра II Марии Александровны; ранее принадлежала нескольким владельцам, в том числе В. И. Стрешневу, брату царицы Евдокии, жены Михаила Федоровича, с 1811 г. — графу А. И. Остерману-Толстому. После смерти Марии Александровны имение перешло к в. кн. Сергею Александровичу. Александр III, с детства полюбивший Ильинское, нередко гостил у брата.

¹¹ *Петергоф* — город в окрестностях Петербурга, императорская резиденция, основан в 1710 г. Петром I.

17

Фет — Семенову

17 мая 1886 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. д.
станция
Коренная Пустынь.

17 мая 1886 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

С самыми разнообразными чувствами высылаю по любезному указанию Вашему мою статью,¹ четко переписанную, так что она затруднить Вас чтением не должна. Постепенное ослабление зрения и общий упадок сил, вероятно, вскорости сделает для меня всякую серьезную работу невозможной; между тем, пока человек жив, в нем жива и потребность высказать то, что он считает истинным и полезным. Конечно, обобщение фактов для приискания нормы преднамеренных действий составляет потребность мыслящего ума и требует от искателя самого обширного знания всех явлений, внутренний смысл коих он старается объяснить. С этой стороны мои скудные сведения не могут идти ни в какое сравнение с Вашим юридическим и вообще социологическим богатством и, при известии, что Вам предстоит писать на ту же тему, я бы должен просто сжечь свою статью, по той же дилемме, на основании которой Омар сжег Александрийскую библиотеку.² Но если бы мы ограничивали в жизни наши действия только предметами, хорошо известными науке, то у нас не было бы ничего, начиная с обеда и кончая электрическим телеграфом. Тут ежедневный опыт служит нам руководителем, и вот этот-то горестный долговременный опыт наглядно убеждает меня, что без бывших посредников и одноцентричности власти мы с каждым шагом все далее будем приближаться к анархии и окончательному банкротству.

С моей точки зрения, приговор Ваш над моею статьею решит участь не только дальнейшего моего стремления по этому пути (что нисколько не важно), а судьбу самого этого направления, судьбу того «домой», на которое так смутно указывал Аксаков.³ Если и на самых вершинах интеллигенции мысль эта не может пробить себе пути, то надо придти к заключению, что она в историческом смысле пройти и не должна, так как она прямо противоположна тому направлению, по которому слепо, не спросясь броду, насильственно направлено было освобождение крес-

тъян. Если же, сверх чаяния, мое развитие Вашего драгоценного указания заслужит Ваше одобрение, то не откажите переслать мою рукопись в редакцию «Московских ведомостей», в сопровождении пары слов с Вашей стороны, в неблагоприятном же для статьи моей случае, я решаюсь просить Вас о высылке ее под бандеролью на станцию «Коренная Пустынь».

Излишне прибавлять, что никакой суд Ваш о моих писаниях никогда не изменит того глубокого уважения, с каким навсегда пребуду

Ваш покорнейший слуга
А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 25–26. На первой странице письма рукой Н. П. Семенова: «Ответ послан 14 июня 1886 г.».

¹ Имеется в виду статья «Наше тягло». См. о ней п. 12 и примеч. 3 к нему, а также во вступит. статье к наст. публикации.

² *Александрйская библиотека* — крупнейшее собрание папирусных свитков, основана египетским царем Птолемеем II, сгорела частично в 47 г. до н. э. во время похода Юлия Цезаря, частью была разрушена в 391 г. По одной из легенд, приказ об уничтожении библиотеки был отдан Омаром — Умаром ибн аль-Хаттабом (585–644), вторым халифом арабского халифата, его называли также Омаром I.

³ Передовая статья И. С. Аксакова, призывавшая нового царя Александра III перенести столицу из Петербурга в Москву, которая начиналась следующими словами: «Да, в Москву, в Москву призывает теперь своего Царя вся Россия!.. Пора домой!» (Русь. 1881. 10 марта. С. 1–2. Особое прибавление к № 17).

18

Фет — Семенову

5 июля 1886 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. д.
станция
Коренная Пустынь.

5 июля 1886 г.

Душевноуважаемый Николай Петрович.

Еще 18-го мая в страховом пакете я переслал по имеющемуся у меня Вашему деревенскому адресу свою статью «Наше тягло» и отдельное

письмо с покорнейшей просьбою улучшить минутку для прочтения статьи и, в случае одобрения, переслать ее Каткову, в противном же случае, возвратить мне.¹

Не получая по сей день никакого по этому предмету известия, я теряюсь в догадках и, при совещании моем с Николаем Николаевичем Страховым, радуящем в настоящее время нас своим посещением,² мы пришли к убеждению, что если и произошла на почте пропажа письма, то гораздо вероятнее одного Вашего, чем двух моих раздельных пакетов. В таком соображении решаюсь беспокоить Вас моею покорнейшей просьбою почтить меня двумя строками насчет судьбы моей рукописи, чем бесконечно меня обяжете.

Почерпая лишь из газет отрывочные сведения о других местностях, я не в состоянии судить о экономическом положении Вашего хозяйства в нынешнем году, с своей же стороны, как здешними, так и воронежскими делами³ хвалиться не могу; главная опора — пшеница, можно сказать, совершенно пропала и от гололедицы, и от гессенской мухи. К тому же усиливающаяся слабость глаз все более дает себя чувствовать, но урывками все-таки я успел перевести почти всего Проперция.⁴

Мы оба с женою просим Вас принять наши усердные поклоны, а я, зная, что Яков Карлович⁵ Ваш сосед, прошу Вас засвидетельствовать ему мое неизменное внимание.

Примите уверение в глубочайшем почтении, с каким остаюсь

Вашим покорнейшим слугой

А. Шеншин<ым>.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 27–28. На первой странице письма надпись: «14 июля 1886 г. послан ответ».

¹ См. п. 17.

² Н. Н. Страхов (см. о нем примеч. 21 к п. 2) гостил в Воробьевке с 26 или 27 июня 1886 г., затем он отправился к Толстым в Ясную Поляну.

³ В Воронежской губ. Землянского уезда Фет владел имением Грайворонка (Васильевка), с конным заводом, которые были приобретены у брата Петра Афанасьевича Шеншина.

⁴ Элегии Секста Проперция в переводе Фета начали печататься в «Журнале Министерства народного просвещения в 1888 г. (№ 5. Отд. классич. филологии. С. 10–48). Подробнее об истории этой публикации см. переписку Фета с Л. Н. Майковым в наст. томе.

⁵ О Я. К. Гроде см. примеч. 19 к п. 3.

19

Семенов — Фету

14 июля 1886 г. Урусово

С. Урусово.

14 июля 1886 г.

Душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Третьего дня я получил письмо Ваше от 5-го сего июля и спешу отвечать. 14-го июня я сам собственноручно сдал в *Лебедяни* мое письмо к Вам, порядочно длинное, на почту.^а Можете представить, какая досада берет, когда такие письма не доставляются. Я полагаю, что тут происходит мошенничество, как-нибудь склеивают марки. С письмом к Вам мною сданы были еще 3 письма, и, вероятно, они^б тоже пропали. Каково это. Я между прочим писал Вам (всего не припомню), что письмо Ваше и рукопись получил, но рукопись не тотчас, потому что по повестке из Рязьска, от которого до нас 40 верст. Теперь у нас в селе Урусове^в открыта настоящая казенная почта и пока приходит и отходит аккуратно по вторникам и субботам, так что на почту собственно нам посылать в Рязьск уже не нужно. Развернув посылку, я тотчас принялся за чтение и, не вставая со стула, прочел залпом все. Статья очень симпатична, но я остановился на одном месте, где критикуется община, и это возбуждает у меня недоразумение, которое я положил себе разъяснить еще вторичным более внимательным прочтением статьи, чего, однако, не успел еще сделать до сего дня, потому что ездил гостить на две недели к моему лицейскому товарищу Никол<аю> Вас<ильевичу> Пальчикову в его имение в 10 верстах от Лебедяни,¹ почему и письмо мое к Вам было сдано мной, когда ехал туда, по дороге, в Лебедяни; но судьба не допустила его доехать до Вас. По возвращении я так запустил свои работы, что пришлось подогнать себя, и я едва часа на полтора в сутки выходил в сад, поджидая от Вас ответа, вместо того получаю уведомление, что Вы в естественном недоумении. Вот наши порядки. Тут меня замучили еще невозможные по своему исходу дела с мировым и окружным судами. Некогда описывать вам всего,^г потому что было бы слиш-

^а на почту — *вписано над строкой.*

^б *Далее зачеркнуто:* были

^в Урусове — *вписано над строкой.*

^г всего — *вписано над строкой.*

ком^а длинно; но стоило бы напечатать такие казусы. Дело кратко состоит в том, что негодяй и мошенник, которого я имел несчастье иметь у себя несколько лет управляющим и вынужден был удалить в 1883-м году весной,^с подал жалобу сначала в окружной суд, потом мировому, что я, сын мой,^ж брат и сестра Грот,² соседи князь Кропоткин,³ генерал-майор и член тульского³ окружного суда Бабин⁴ в бумаге, писанной нами (в качестве членов попечительства нашей Урусовской церкви) к архиерею, будто бы оклеветали его, и требует без обиняков, чтобы на основании 152-3 статьи уложения всех^и нас заключили в тюрьму на 8 месяцев, т. е. в высшей мере. В этой бумаге он между прочим пишет, что мы присвоили себе не подлежащие звания, что попечителями церкви он нас не признает,^к а будет именовать нас частными лицами, и поэтому требует как частных лиц привлечь нас за клевету, вырывает две фразы из нашей официальной бумаги, в которой, впрочем, об нем и не упоминается, и сам утверждает только,^л что под этими фразами *подразумевается он*, следоват<ельно>, это даже и не подходит под квалификацию клеветы, по уложению, далее в своей^м жалобе этот негодяй и пьяница возводит на нас в самых дерзких выражениях клевету и^и пишет между прочим, что меня с сыном (старшим) он привлечет к суду еще за *ложный донос*. Окружной суд рязанский принимает эту невозможную кляузу и только находит, что жалоба подана *преждевременно*, так как^о в окружном суде дела уголовные прямо и непосредственно не начинаются, и указывает ему путь, вследствие того жалоба подается мировому судье. Наш мировой требует нас всех из^п Петербурга, открытыми повестками каждому: *Угол<овное> дело* (это печатно), далее крупным шрифтом: *Обвиняемому тайному советнику такому-то^р в клевете* к судебному разбирательству в Раненбург, наконец, этот плут, который составляет шайку с неким

^а слишком — *вписано над строкой*.

^с и вынужден ~ весной — *вписано над строкой*.

^ж сын мой, — *вписано над строкой*.

³ тульского — *вписано над строкой*.

^и всех — *вписано над строкой*.

^к Далее *зачеркнуто*: что

^л и сам утверждает только — *вписано над зачеркнутым*: почему сам он пишет только

^м далее *зачеркнуто*: бу<маге?>

^и и — *вписано над строкой*.

^о как — *вписано над строкой*.

^п из — *вписано над строкой*.

^р такому-то — *вписано над строкой*.

колл<ежским> регистр<атором> Дмитриевым, который за обманы и шантаж был исключен из списка частных поверенных Раненбургским мировым съездом и тем не менее пишет кляузы, ябеды, обирает мужиков, объявляя себя перед ними аблакатором, и, несмотря на все это, дела наши с этими разбойниками всё продолжают вот уже года три; *надо отписываться*. До чего ж мы дожили, вот я Вас и вспоминаю, когда Вы в первом Вашем письме ко мне писали, что развитие бумажного производства и формальности сделало с мировыми учреждениями то, что от них нам стало хуже, а не лучше.⁵ Возвращаюсь к Вашей статье,⁶ отсылкой которой в редакцию^с Мих<аила> Ник<ифоровича> Каткова я, как видите, не торопился; думаю, что для того и^т нет особой причины, потому что лучше, чтобы она печаталась не в летних книжках. Сверх того, должен Вам объяснить, что, выехав из Петербурга 7-го мая, 8-го того же мая я обедал у Мих<аила> <Ни>кифор<овича>, и он сильно просил меня написать мою статью по крестьянскому вопросу в pendant к моей статье «Наши реформы»; я не мог обещать, потому что не могу прерывать на месяц или более моего тяжкого труда, которому конца и без перерывов не вижу, и чем далее, тем он серьезнее становится, и кончить его необходимо. Подумайте, ведь три тома, приблизительно в 40 печатных листов каждый, а болезнь моя конца минувшего года отняла у меня совсем^у 2½ месяца от занятий, а мало ли какие житейские препятствия могут еще помешать, время же идет стрелою и к не развитию, а упадку сил, — я и предупредил Мих<аила> Никиф<оровича> о Вашей статье и предложил ему ее, он очень был рад, выразив мне свое удовольствие. Теперь вопрос, что лучше, послать ли ему Вашу статью от меня по почте или вручить мне ее самому при возвращении моем в Петербург, когда буду в Москве; на это-то я и ожидал Вашего ответа на посланное мною к Вам^ф письмо. Напишите, что об этом думаете и как желаете. Должен мимоходом Вам сказать, что Катков меня мучает. Дело в том, что осенью я желал бы приступить к печатанию моего труда отдельно, т. е. к изданию 1-го тома, которого рукопись сдана в редакцию «Русск<ого> вестника». Напечатано ее там всего 10 листов, и сначала были разговоры о том, чтобы к 19 февраля^х сего года кончить печатание всего; между тем в прошлом году, 1885-м, статья шла с мая по

^с в редакцию — *вписано над строкой вместо зачеркнутого: я до сих по<р>*

^т и — *вписано над строкой.*

^у совсем — *вписано над строкой.*

^ф к Вам — *вписано над строкой.*

^х февраля — *вписано над зачеркнутым: октября*

август, в 4-х книжках и затем печатание было прервано.⁷ Теперь же мне Мих<аил> Ник<ифорович> объявил, что просит меня не стеснять его никак временем, что он обязал себя перед публикой давать ей статьи дня, имеющие преходящий интерес и касающиеся насущных интересов дня, а исторические статьи, или хроники, весьма драгоценные для будущего и хотя бы очень интересные, он может печатать изредка, я ему представил свое положение и то, что о развитии крестьянского вопроса очень мало известно, что то, что я ему предложил, хотя это и есть историческая хроника, но она имеет современный^и интерес и характер и должна осветить многие стороны дела, далеко еще не законченного в отношении внутренней политики, просил его, чтобы он держал меня хоть приблизительно в известности, когда он будет продолжать печатание, в скольких книжках в год он может дать место моим статьям. Он отвечал, что для этого надо знать, сколько моей рукописи и т. п. Я вошел, по его распоряжению, в сношение с Ключниковым,⁸ редактором «Русского вестника». Сочли, оказалось моей рукописи (того, что не напечатано еще) от 15 до 17-ти печатных листов, уговорились, что в июльской книжке мои статьи пойдут опять, а вот вышла и июльская книжка и нет ничего. Опять объясняться при возвращении в Петербург, это меня совсем подрезывает. Время уходит. Я нашел себе издателя — Комарова М. Е., который издал «Дарвинизм» Ник<олая> Яковл<евича> Данилевского.⁹ Притом 1-й том необходимо мне напечатать при моей жизни, ибо надо привести его в несколько иной порядок, чем он печатался в «Русском вестнике», а теперь приходится или взять назад у Мих<аила> Ник<ифоровича> остальную часть моей рукописи или ждать неопределенное время и Бог знает когда приступить к изданию, тогда как эти вещи откладывать не должно и ковать железо, пока есть случай. Пишешь, не щадишь себя для общественной пользы, а там еще хлопочи, как издавать, расхорудишь и т. д.^ч Нехороша для нас^ш литература, как и прочие у нас порядки,^ш и крайне невыгодна, если она^б не обратится в счастливое, т. е. удачное,^и ремесло, особенно когда нет лишних средств, а когда обратится в выгодное ремесло, прощай свобода мысли.

^и Далее зачеркнуто: еще

^ч и т. д. — вписано над строкой.

^ш для нас — вписано над строкой.

^ш как и прочие у нас порядки, — вписано над строкой.

^б она — вписано над строкой.

^и т. е. удачное — вписано над строкой.

На днях получил задушевное и драгоценное для меня обстоятельное письмо Ник<олая> Ник<олаевича> Страхова из Мшатки от 11 июля об оставшихся от покойного моего друга Ник<олая> Яковл<евича> Данилевского отрывков его трудов;¹⁰ но не знаю, куда к нему писать, сколько он у Вас пробудет и^b сколько у Льва Никол<аевича> Толстого.¹¹ Будьте добры меня уведомить, куда и как направляет он свой путь, а если паче чаяния это письмо застанет его еще у Вас, то передайте ему, что я его крепко обнимаю и, когда буду знать, что он уж в Петербурге, напишу ему, а сын мой старший еще не приехал сюда, арестованный, так сказать, службой, и не надеется быть ранее конца июля — это потрудитесь передать Николаю Николаевичу Страхову.

Теперь³ случайно удалось мне приобрести интересную книгу (2 тома) Drumont «La France Juive».¹⁰ Он обещает издать еще «L'Europe Juive».^{a,12} Книга «La France Juive» есть история того, как евреи завладели Францией. Она сильно разошлась в Европе. У автора была за нее дуэль с евреем, конечно, Вы об этом уже знаете из газет;^{a-1} это исследование, несомненно, многим раскроет глаза на жидовскую язву и обратит на нее внимание правительств, если это еще не поздно. Теперь перейду к нашему сельскому хозяйству. Пшеница озимая, как и у Вас, у нас неважная, впрочем средняя, а местами начисто пропала. Так у меня на 26 десятин сороковых совсем пропала на 6-ти десятинах, которые, по счастью, были подсеяны с весны просом, оно у нас так удалось этот год, что превосходит другие хлеба. Рожь очень хороша, овсы хороши, гречихи, которые последнее время, т. е. лет 15, перестали родиться, так что в счастливый год отдают только семена, нынешний год даже очень хороши; но у меня, к сожалению (при запашке 120 десятин сороковых в поле), была посеяна только 1 десятина и очень зато хороша. Только вот наша беда нынешнего года: глаз видит, а зуб неймет. Рожь решительно поспела; между тем вот недели две, как непрерывно идет дождь каждый день и по ночам, то, как осенью, несколько часов сряду, то с грозой, ливнем. Земля не просыхает. В промежутки, чуть разгуляется, косят рожь. Разумеется, работа идет медленно, и, если не разгуляется скоро, мы не знаем, что соберем, а если не косить рожь уж теперь, то, как лишь совсем обсохнет, она начнет сыпаться, тогда не^{b-1} упра-

^b и — *вписано над строкой.*

³ *Далее зачеркнуто:* мне

¹⁰ Дрюмона «Еврейская Франция» (*франц.*).

^a «Еврейская Европа» (*франц.*).

^{a-1} из газет — *вписано над строкой.*

^{b-1} тогда не — *вписано над зачеркнутым:* а между тем

виться с работой. Якову Карл<ови>чу Гроту передал Ваш поклон; он просил благодарить Вас за память и просил передать Вам свое сердечное приветствие. Он приехал сюда больной; но теперь поправляется — ему гораздо лучше. Здешний воздух несравним все-таки с столичным. Мое садоводство хотя и удовлетворительно; но задерживается от недосуга. Супруге Вашей потрудитесь передать мое сердечное приветствие. Всей душою преданный и в чувствах неизменный

Николай Семенов.

Пропавшее письмо мое было адресовано По *Московско-Курской* железной дороге, на станцию *Коренная Пустынь*. Это письмо, проученный почтой, посылаю заказным. Сестру мою очень интересуют все вопросы внутренней политики, поэтому, пользуясь моим 2-хнедельным отсутствием в Лебедянь, я дал ей прочитать Вашу статью,⁶ пока прочтет ее и Яков Карлович. Я не считал это нескромностью, так как^{в-1} она предназначена для публики.

На конверте:

З<аказно>е.

Его Высокоородию
Афанасию Афанасьевичу
Шенишину.

По *Московско-Курской* железной дороге, на станцию
Коренная Пустынь.

Почтовые штемпели: 1) 15 июля 1886, Урусово Рязанск; 2) 15 июля 1886, Москва.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 25–28 об.; конверт — л. 29.

¹ Владимир Николаевич Пальчиков был соучеником Семенова по Царскосельскому лицей (выпуск 1842 г.). Этого же года выпуска был и друг Семенова Н. Я. Данилевский, и гр. Д. А. Толстой. Поселившись в своем родовом имении Тютчево Лебедянского уезда, Пальчиков, как и другие представители его фамилии, избирался почетным мировым судьей Лебедянского уезда.

² Подробности уголовного дела по жалобе бывшего управляющего Н. П. Семенова выявить не удалось. Старший сын Семенова — Петр Николаевич (1858–1912), брат — П. П. Семенов, сестра — Н. П. Грот.

³ Именем в с. Урусово (в двух верстах от Рязанки) владел двоюродный брат известного географа и анархиста П. А. Кропоткина — князь *Петр Николаевич Кропоткин* (1831–1903), генерал-лейтенант, командир полка (1867–1874), командир 2-й бригады 3-й кавалерийской дивизии (1874), с 1889 г. в отставке (см.: *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Мемуары. Детство и юность. Пг., 1917. Т. 1. С. 44).

^{в-1} как — *вписано над строкой*.

⁴ Иван Иванович Бабин был сыном Ивана Александровича Бабина, владельца имения Бабино Данковского уезда Рязанской губ., известного скотовода, сделавшего много для улучшения пород крупного рогатого скота. Самого Ивана Ивановича, соседа Семеновых, в семье в шутку прозвали Ноздревым, по имени героя гоголевских «Мертвых душ», «за его постоянное вранье» (см.: *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* То, что прошло. Т. 1. С. 150).

⁵ См. п. 1.

⁶ Имеется в виду статья Фета «Наше тягло», о которой идет речь в предыдущих письмах.

⁷ См. примеч. 4 к п. 16.

⁸ Автор нашумевшего антинигилистического романа «Марево» (1864) Виктор Петрович Ключников с 1883 по 1886 г. заведовал редакцией журнала «Русский вестник».

⁹ Речь идет об исследовании Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование» (СПб.: изд. Меркурия Елеазаровича Комарова, 1885. Т. 1. Ч. 1–2), вышедшем посмертно. В подготовке этого труда к печати принял деятельное участие Н. Н. Страхов. См. примеч. 2 к п. 11.

¹⁰ В имении Мшатка в Крыму многие годы жил и там же скончался Н. Я. Данилевский, с которым Н. Н. Страхов состоял в дружеских отношениях. После смерти Данилевского Страхов фактически стал его душеприказчиком и до конца своих дней неустанно пропагандировал его труды и идеи.

¹¹ Около 18 мая Страхов приехал в Крым, в имение Н. Я. Данилевского в Мшатке, где приступил к разбору его бумаг, по просьбе жены Данилевского Ольги Александровны. Впечатление от этой поездки Страхов изложил в письмах к Л. Н. Толстому от 13 июня 1886 г. (Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. С. 331–333) и к Фету — от 18 июня 1886 г. Затем, на обратном пути, в последних числах июня он заехал на несколько дней к Фету в Воробьевку, после чего около 7 июля приехал в Ясную Поляну. В Петербург Страхов возвратился 16 июля.

¹² Книга Эдуарда Дрюмона «La France Juive» вышла в Париже в 1886 г. в двух томах и выдержала за год 114 изданий. Обещанная им книга «L'Europe Juive» не была написана. После выхода в свет книги «Еврейская Франция» Дрюмон несколько раз был вызван на дуэль, в частности Артюром Майером.

20

Фет — Семенову

26 июля 1886 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. д.
станция
Коренная Пустынь.

26 июля 1886 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Приношу живейшую благодарность Вам и многоуважаемому Якову Карловичу¹ за неизменное внимание. При мысли о полноте и стройности

Вашего последнего, хотя и не заказного, но исправно полученного мною письма от 14-го июля теряюсь, как молодой кандидат, начинающий свою вступительную лекцию, не зная с чего начать. Ясно, что предыдущее письмо Ваше ко мне пропало безвозвратно. Хотя это для меня и очень горько, но при всяких подобного рода не зависящих от нас невзгодах я держусь мудрых слов Горация:

«Но лучше снесть в терпенье
Чему нельзя помочь».²

Дело другое те возмутительные посягательства на спокойствие и даже личную безопасность заведомо заслуженных и почтенных личностей, как Ваша и Якова Карловича, ставшие у нас будничным явлением со времени учреждений так называемого легального порядка. Эти порядки, возникшие из водевильных глумлений над судебным крючкотворством, придали этому презренному крючкотворству только охраняемую законом наглость и ради формальной законности убили самую сущность правосудия.

Хотя я и не имел дел с журналистами по поводу помещения больших систематических трудов и мое суждение в этом случае может быть только личным мнением, решаюсь сказать несколько слов по поводу судьбы Вашей статьи в «Русском вестнике».

1). Люди, специально занимающиеся издательством, всегда находят пути сделать неубыточным и такое издание, которое автору ничего, кроме убытка, дать не может.

2). Большой труд в руках специального издателя является цельным, тогда как разбросанный по журналам, он выходит какими-то несвязными отрывками.

3). Когда-то, при появлении скандальной памяти романа Чернышевского «Что делать», Катков заказал мне и Василию Петровичу Боткину критический разбор этого романа;³ а в те времена я еще вынужден был трудиться ради гонорара, а когда статья была готова, Катков, под разными предлогами протянувши время, совершенно от нее отказался. В настоящее время я от него добиваюсь только ответа «да» или «нет», но стихов уже никогда в его журнал не даю.

Письмо Ваше уже не застало Страхова у нас, но все до него касающееся я ему тотчас же передал в Петербург, так как последнее письмо его было из нашего московского дома, в день его отъезда в Петербург. По своей любезности, он, проездом через Москву, говорил о моей статье Ключникову,⁴ которому я вместе с сим отправляю другой экземпляр; а так как я все-таки не уверен, что их редакция не потеряет моей статьи,

то решаюсь просить Вас захватить ее с собою при проезде через Москву, и если Вам невозможно будет хоть на минуту обрадовать нас своим посещением (так как 1-го октября мы уже будем в Москве⁵), то соблаговолите черкнуть хоть два слова, где ее можно будет получить. В начале ноября рассчитываю быть в Петербурге и отвести душу беседою с Вами. Общее расстройство здоровья, не говоря уже о глазах, решительно отбивает меня от работы.

С неизменным почтением

Ваш покорный слуга
А. Шеншин.

Жена просит передать Вам ее усердный поклон.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 29–30 об.

¹ Я. К. Грот.

² Фет цитирует оду Горация «К Виргилию» (I, 24) в собственном переводе (см.: *Фет. ССул*. Т. 2. С. 34).

³ Статья Фета и Боткина о романе Чернышевского при жизни не была напечатана. См.: *Фет. ССул*. Т. 3. С. 195–259. Об обстоятельствах ее написания Фет рассказал в своих воспоминаниях (*МВ*. С. 429–436). См. также примеч. 13 к п. 3.

⁴ См. примеч. 12 к п. 19. Письмо Страхова, которое упоминает Фет, было написано на Плющихе в доме Фета, где Страхов обычно останавливался в Москве, и датировано 13–15 июля 1886 г. В нем он подробно рассказал о поездке в Ясную Поляну и, в частности, о посещении им В. П. Ключникова, с которым, по поручению Фета, говорил о статье «Наше тягло» (см.: *Фет/Страхов*. С. 418–419).

⁵ Обычно в это время Фет с женой переезжали из деревни в Москву.

21

Фет — Семенову

6 августа 1886 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. д.
станция
Коренная Пустынь.

6 августа 1886.

Душевноуважаемый Николай Петрович.

На подробное и интереснейшее письмо Ваше я так же подробно отвечал 23-го июля, покорнейше прося Вас захватить с собою мою руко-

пись,¹ предварительно известив меня, где я могу получить ее в октябре, если Вам невозможно будет почтить меня Вашим посещением. В тот же день я писал и Страхову большое письмо,² но вчера в полученном мною письме его от 2-го августа³ он, жалуясь на мое молчание, сообщает мне и о Вашем недоумении по тому же поводу. Ведь это наконец руки отваливаются, при подобном состоянии нашей почты, если припомнить, что предварительно интереснейшее письмо Ваше ко мне пропало безвозвратно. Положим, наша интеллигенция, подобно птицам небесным, не сеет и не жнет, но усердно собирает в житницы и потому даже не поймет наших сельских нужд; а настоящие сеятели не интеллигенты, но зато интеллигенция усердно рассеивает письма, и тут следовало бы ей прежде всего воочию убедиться в гибельных следствиях тридцатилетнего размыкания нашей тягальной цепи. Почтмейстер только прочел, но отправил письмо Хлестакова,⁴ а у нас с тех пор, как почтовое ведомство, отстегнувши от плеч казенный чемодан, выкинуло письма на подоконники станций железных дорог, и письма, подобно всему остальному, стали игралищем самоуправления (самоуправства).

У нас третий месяц постоянные ливни не дают убирать скудного урожая, и в настоящую минуту от вчерашнего дождя, длившегося не более часу, наша речка выступила из берегов. Здоровье мое во всех отношениях плохо. При затрудненном дыхании чувствую упадок и нравственных сил. Надо кончать комментарии последней книги «Метаморфоз»,⁵ и руки отваливаются. Примите наши общие с женой усердные приветствия и передайте многоуважаемому Якову Карловичу и супруге его⁶ мои глубокие поклоны.

Что-то они сказали о моем (Вашем) тягле?⁷

Неизменно преданный Вам

А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 31–32 об.

¹ Имеется в виллу рукопись статьи Фета «Наше тягло».

² Это письмо к Страхову не сохранилось.

³ Страхов писал: «И вот сию безвыходно дома один-одинешенек и вдруг получаю письмо от Н. П. Семенова, наполненное сокрушениями. 1). Пропало его длинное письмо к Вам от 14 июня. 2). Он отвечал на Ваш запрос Вам 14 июля и не получает никакого отзыва, и беспокоится. Что же все это означает? Неужели нелепое отсутствие твердой связи между почтою и железными дорогами? Вы меня корили, что посылаю заказными. Теперь видите, что у меня был резон. / Н<иколай> П<етрович> спрашивает, не ошибся ли он в адресе? Но прежде чем ему отвечать, пишу Вам» (*Фет/Страхов*. С. 420).

⁴ Эпизод из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (действ. 1, явл. II).

⁵ Имеется в виду последняя XV книга «Меморфоз» Овидия, над переводом которой трудился в это время Фет.

⁶ Я. К. и Н. П. Грот.

⁷ Фет называет статью «Наше тягло» принадлежащей и Н. П. Семенову, поскольку именно мысли последнего о тягле послужили толчком к ее написанию.

22

Семенов — Фету

20 марта 1887 г. Петербург

С. Петербург.
Вас. остр. 6 линия, д. № 39,
между Средним и Малым
проспектами.

20 марта 1887 года.

Дорогой, душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Сажусь писать к Вам и краснею, что до сего дня не принес моей сердечной признательности за присылку «Публия Овидия Назона».¹ Вот так уж нельзя не удивляться Вашей деятельности и высокому искусству. Это значит поистине обогащать родную литературу. Дай Вам Бог долгие дни, здоровья и бодрых сил. Я все более и более погружаюсь в свой труд освобождения крестьян, но Вам завидую, у меня только проза и, так сказать, «чем больше в лес, тем больше дров». Кончаю теперь 2-й том, остается доделать два заседания, кроме того, которое еще пишется. За третий том совсем еще не принимался и потому конца работы еще не вижу. Осенью думал бы приступить к печатанию первого тома, что мне будет, конечно, немалой помехой идти дальше;^a печатания не хочется откладывать и отлагать продолжения труда, при неизвестности будущего, тоже невозможно.² Вот драматическое положение. Все это, с прибавлением петербургской суеты, от которой служащему совершенно отделаться^b невозможно, лишает времени переписываться с теми, кого любишь и уважаешь, вот почему откладываешь со дня на день переписку, а время летит так, что и опомниться не успеваешь, так прошла для меня и эта зима. Надо подумывать уж и о переселении на свежий

^a Далее зачеркнуто: а

^b совершенно отделаться — вписано над зачеркнутым: совершенно

воздух в деревню. Вижусь с Никол<аем> Никол<аевичем> Страховым, но не так все-таки часто, как бы желал. Он мне поведал, что Вы уж в деревне, куда я и адресую сие мое послание. Статью Никол<ая> Никол<аевича> Страхова Вы, конечно, прочли в январской книге сего года «Русского вестника». Она первая там «полное опровержение дарвинизма».³ Написать ему удалось превосходно, и для того, кому удалось прочитать труд Н. Я. Данилевского, и для того, кто еще не принимался за чтение, она одинаково полезна как самое толковое введение или как средство, в первом случае, сосредоточить ясно все прочтенное в обширном труде, требующем некоторых специальных познаний. Еще превосходная статья напечатана в первых 3-х номерах «Русского архива» за нынешний год: «Экономические провалы. По воспоминаниям с 1837 года» Вас<илия> Александр<овича> Кокорева.⁴ Это умный простой русский человек, сам проваливался с нашими финансами и другие с ним проваливались. Если не читали этой статьи, прочтите, не сомневаюсь, что она доставит Вам большое удовольствие. Поминаю все это потому, что хочу сказать, что начало текущего года ознаменовалось хотя как будто не так еще видными,⁵ но крупными, к исправлению наших бед, событиями. Между ними одно из крупнейших назначение Ив<ана> Алексеевича Вышнеградского министром финансов.⁵ До меня дошел рассказ, будто Государь сказал, что теперь только в финансах открылся Ему свет, с тех пор как вступил в мини<стерст>во Вышнеградский, что все просто и Он понимает и видит ясно там, где прежде была для него только тьма. Было ли это сказано, я не знаю; но тот, кто имел случай говорить о финансах с Вышнеградским, хотя бы и чужд был их специальности, не может сказать другого. С 1884 года заметно было в нашей интеллигенции некоторое изменение идей против того, что проповедовалось в 60-х и 70-х годах; но теперь нельзя не заметить этой перемены и в высших сферах. Еще лет 16 тому назад в своей книге «Россия и Европа» Данилевский проповедовал, что главное наше зло состоит в европейничаньи.⁶ Эта справедливая мысль начинает, по-видимому, входить в общее сознание в разных сферах, и русский дух пробуждается понемногу; дай-то Бог. Третьего дня приехал сюда Мих<аил> Ник<ифоро>вич Катков, не знаю, надолго ли и когда удастся его увидеть. Дошел до меня тоже рассказ, что будто бы Государь остался недоволен передовою⁷ статью Каткова 12 марта в «Моск<овских> ведом<остя>х»⁸

³ видными — *вписано над зачеркнутым*: крупными

⁷ передовую — *вписано над строкой*.

⁸ в «Моск<овских> ведом<остя>х» — *вписано над строкой*.

по поводу правит<ельственного> сообщения о том, что⁶ нельзя нападать на^ж германского консула в Болгарии, который взялся защищать там наши интересы и не защитил их,⁷ и что будто бы рассказывавшему об этом Михаил Никифорович сказал: «я надеюсь, что Государь меня примет»; что Катков приехал сам по себе, а не вызван сюда. Что тут правда, не знаю, передаю только сплетни, к чему прибавляется то,³ что мин<истр> иностр<анных> дел будто бы написал письмо, в котором просит увольнения, потому что не может оставаться, когда печать нападает на него.⁸ Я мало вижусь с находящимися во власти, да не успеваю теперь читать и газет, сосредоточиваясь на своей работе по крестьянскому делу. Если и узнаю что-нибудь, то случайно.⁴ Чтобы кончить мой труд,^к потребно еще два года — время отдаленное. Вот и конец листа. Супруге Вашей потрудитесь передать мое сердечное приветствие. Всей душою преданный и в чувствах неизменный

Николай Семенов.

На конверте:

Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шенину.
По Московско-Курской железной дороге,
на станцию Коренная Пустынь.

Почтовые штемпели: 1) 21 марта 1887, Петербург; 2) 22 марта 1887, Москва.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 29–31 об.; конверт — л. 32. На лицевой стороне конверта надпись карандашом неизвестной рукой: «Семенова».

¹ Имеется в виду издание: Публия Овидия Назона XV книг Превращений. В переводе и с объяснениями А. Фета. М.: тип. А. И. Мамонтова. 1887, где были помещены параллельные тексты на русском и латинском языках.

² О 1-м и 2-м томах труда Семенова см. примеч. 3, 6 к п. 7.

³ Речь идет о развернутой рецензии на последний труд Н. Я. Данилевского (Дарвинизм. Критическое исследование Н. Я. Данилевского. СПб., 1885. Т. 1. Ч. 1–2), опубликованной в «Русском вестнике» (1887. № 1. С. 1–62) под названием «Полное опровержение дарвинизма» и имеющей вполне самостоятельное значение. Впос-

⁶ Далее зачеркнуто: герм<анский>

^ж на — вписано над строкой.

³ то — вписано над строкой.

⁴ Фраза вписана над строкой.

^к мой труд — вписано вместо зачеркнутого: ее

ледствии эта статья вошла во второй том сочинений Н. Н. Страхова (в 3 т.) «Борьба с Западом в нашей литературе» (СПб., 1890. С. 342–417). Дата завершения статьи: 9 декабря 1886 г. В 1889 г. в Петербурге Страховым был подготовлен заключительный том исследованных Н. Я. Данилевского по этому вопросу: *Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Т. 2* (одна посмертная глава, портрет и указатели ко всему сочинению). Статья Страхова вызвала оживленную полемику. В частности, с лекцией на тему «Опровергнут ли дарвинизм?» выступил в Политехническом музее К. А. Тимирязев (опубл.: *Русская мысль. 1887. № 5–6*), на что Страхов отвечал статьей «Всегдашняя ошибка дарвинистов» (*РВ. 1887. № 11–12*). Poleмика продолжилась в 1889 г. с А. С. Фаминцыным (см.: *Фет/Страхов. С. 478–479*).

⁴ Статья крупного предпринимателя и миллионера-откупщика В. А. Кокорева (1817–1889) «Экономические провалы. По воспоминаниям с 1837 года» печаталась со 2-го по 7-й номер журнала «Русский архив» за 1887 г., затем, вплоть до конца года там же были помещены несколько писем по поводу этого труда и ответы Кокорева. Сделавший состояние на винных откупах, Кокорев успешно занимался солеварением, нефтедобычей и переработкой нефти (привлек к этому делу Д. И. Менделеева, называвшего его «умницей Кокоревым»), банковским делом. В Москве его стараниями был выстроен гостиничный комплекс (знаменитое Кокоревское подворье), проведена конка, проложены бульвары и скверы, открыта первая публичная картинная галерея. Свою книгу Кокорев начал с известного лозунга И. С. Аксакова «Пора домой!» (см. примеч. 3 к п. 17): «Мы начинаем настоящую повесть про „Экономические провалы“ теми же словами „Пора домой“, разумея под этим совсем другой смысл, именно: пора государственной мысли перестать блуждать вне своей земли; пора прекратить поиски экономических основ за пределами отечества и засорять насильственными пересадками их родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать *в своих людях свою силу*. Все ниже излагаемые провалы произошли единственно от неверования в эту спасительную силу, без поворота к которой никогда нельзя достигнуть согласования экономических мероприятий с нуждами и потребностями народной жизни» (Русский архив. 1887. № 2. С. 245). Плачевное положение русских финансов является, по мнению Кокорева, результатом длительной финансовой войны, которую вела против России Европа. Свое повествование Кокорев вел только на основе собственных «запасов памяти». Одним из «провалов» он считал введение в России в 1839 г. серебряного рубля, другим — прокладку железной дороги не от Москвы до Севастополя, а до Петербурга. Третьим «провалом» Кокорев считал замену производства льна ситцем, для которого требовался привозной хлопок и т. д. Всего автор насчитал 15 «провалов», в том числе организацию земельных банков с высокими процентами за кредиты, введение акцизной системы на вина и др.

⁵ О Вышнеградском см. примеч. 3 к п. 16.

⁶ Глава XI книги «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского так и называлась: «Европейничанье — болезнь русской жизни». Публикуя книгу уже после смерти Данилевского, Страхов снабдил ее некоторыми позднейшими примечаниями автора. Так, в печатном варианте книги Данилевский, рассматривая новое судебное устройство, первоначально утверждал, что «специально западное играет в нем весьма второстепенную роль». В позднейшей сноске к этому месту сделана приписка: «Все написанное мною здесь — вздор. Реформа только что начиналась и хотелось верить, а потому и верилось, что она примет разумный характер — на деле она

обратилась в иностранную карикатуру. При большей трезвости мысли это можно и должно было предвидеть» (*Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 4-е изд. (Издание Н. Страхова). СПб., 1889. С. 300).

⁷ Конфликт Каткова с Александром III назревал давно. «Статьи Каткова по вопросам международной политики, — писал в своих воспоминаниях Е. М. Феоктистов, — были проникнуты безграничным презрением к нашему Министерству иностранных дел <...>. Неудивительно поэтому, что наиболее запальчивые статьи „Московских ведомостей“ раздражали государя, иногда он высказывал по их поводу свое неудовольствие графу Дмитрию Андреевичу, и раза два или три мне приходилось частным образом сообщать Каткову, чтобы он был осторожнее, но предостережения эти нисколько не действовали на него. / Наконец разразилась буря» (*Феоктистов Е.* За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 244). В связи с публикацией передовой статьи, напечатанной в № 66 за 1887 г. (от 8 марта) и направленной против Тройственного союза России, Германии и Франции, Александр III написал на первой странице представленного ему обозрения: «В высшей степени неприличная статья. Вообще Катков забывается и играет роль какого-то диктатора, забывая, что внешняя политика зависит от меня и что я отвечаю за последствия <...> приказываю дать Каткову первое предостережение за эту статью и вообще за все последнее направление, чтобы утомить его безумие и что всему есть мера» (Там же. С. 244–245). Понимая, что предупреждение «Московским ведомостям» может привести к прекращению деятельности Каткова, Феоктистов обратился за помощью к К. П. Победоносцеву, и вскоре вопрос был решен: государь передумал давать предупреждение, а поручил Феоктистову ехать в Москву и лично переговорить с Катковым. Подробности этих переговоров Феоктистов подробно изложил в своих воспоминаниях, упомянув, что Катков «с величайшею радостью» услышал, что государь намеревается лично переговорить с ним (Там же. С. 245–253).

⁸ Министром иностранных дел в это время был *Николай Карлович Гирс* (1820–1895). При дворе ходили слухи, что Катков хвалился тем, что намеревается сместить Гирса (*Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. Т. 2. С. 28. Запись от 18 февраля 1887 г.). Сведений о письме Гирса с просьбой об отставке обнаружить не удалось.

23

Фет — Семенову

31 марта 1887 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. д.
станция
Коренная Пустынь.

31 марта 1887.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Горжусь, а следовательно и радуюсь, что по обстоятельствам мне приходится отвечать Вашими же темами на почтенное письмо Ваше

от 20-го марта, полученное, однако, мною, по случаю половодья, только 26-го.

Посмотрите на этого влюбленного. Он человек не глупый и за словом в карман не лезет. Бежал он к предмету своей страсти с целым роем мыслей в голове; но вот он сидит теперь дурак-дураком и вместо всяких слов только жмет или целует ее руку. Я только что вчера написал профессору Казанского университета Нагуевскому, вызвавшемуся написать примечания и предисловие к моему переводу «Энеиды», что я (лично мы не знакомы с ним) вместо всяческих благодарностей дружески жму ему руку как бескорыстному и труженику по убеждению.¹ Но много ли Вы встречали их в жизни? — Увы! весьма немного, и между ними, по самому предмету и объему труда, Вам, бесспорно, принадлежит первое место; ибо как ни тяжел подчас бывает мой труд, особенно при моей слепоте и болезненности, он все-таки сахар в сравнении с Вашим. Какие бы мы ни были патриоты, мы необходимо должны признаться, что живем в стране дикой. Не должны ли бы иначе все люди, готовящие себя в устроители народной жизни, дорожить Вашим трудом как откровением, в котором, как на хорошем плане города, видны все беспроездные тупики и обводные улицы, приводящие или на прежнее место, или к обрыву с берега? Равным образом, было ли бы возможно, чтобы буквальные переводы классиков, на которых зиждется все европейское образование, не только не раскупались публикой, но даже не упоминались журналами, ратующими на словах за народное образование.

Конечно, и Вы и я твердо уверены, что труды наши со временем принесут свои плоды, но скоро ли, — это другой вопрос. Вы пишете про свой недосуг. В Москве я на него не жаловался, так как диктовал вечером при лампе; теперь, сойдя в бельэтаж, в 5 час. к обеду, я уже не подымаюсь снова в свой кабинет и должен все покончить утром; а к осени необходимо кончить все двенадцать книг «Энеиды»,² из коих переведены только три. А тут еще распоряжения по трем имениям, продажа крестьянам земли при помощи банка и улаживание всяческих безобразий и неурядиц.

В Москве, по случаю близкого соседства, мы познакомились с семейством милого и интересного Н. Я. Грота.³ Со дня на день поджидаем на лето Соловьева.⁴ Я писал Страхову о восторге, с которым читал его антиспиритическую книжку.⁵

Если это бестолковое письмо напомнит Вам, как высоко мы оба с женою ценим всегдашнее к нам благорасположение, то цель моя будет вполне достигнута.

Прошу многоуважаемой супруге Вашей и семейству Якова Карловича Грота передать усердные поклоны, при каких остаюсь искренне преданный Вам

А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 33–35.

¹ «Дозвольте болезненному старику, — писал Фет Д. И. Нагуевскому 31 марта 1887 г., — вместо всяческих излишних мысленно дружески пожать Вашу руку не потому только, что она для меня рука помощи, а потому что это, слава Богу, рука русского ученого, горячо сочувствующего своей специальности. Мы до этого, увы! так далеко недоросли. Нечего Вам объяснять, что мои классические переводы даже не окупают своих изданий. Но я работаю не для прибыли, не для известности, для крыльев которой у меня еще надолго не будет надлежащей атмосферы. Нечего прибавлять, что когда на обертке перевода будет напечатано: «текст проверен и примечания написаны ординарным профессором Д. И. Нагуевским» — этот заглавный листок заменит для книги всякую похвалу критики» (*Фет/Нагуевский*. С. 386).

² Первая часть перевода «Энеиды» Вергилия (VI книга) вышла в Москве в 1888 г.

³ *Грот Николай Яковлевич* (1850–1899) — русский философ, сын Я. К. Грота. Преподававший в Нежине и Одессе, Н. Я. Грот в 1886 г. был назначен на кафедру философии Московского университета. Н. Я. Грот — один из основателей Психологического общества, с 1888 г. его председатель, основатель журнала «Вопросы философии и психологии». Друг Вл. С. Соловьева, знакомый Фета и Страхова, с которыми состоял в переписке.

⁴ Вл. С. Соловьев действительно провел большую часть лета в Воробьевке, помогая Фету в переводе «Энеиды» Вергилия и редактировании стихотворений для нового (третьего) выпуска «Вечерних огней». «Вчера в половине двенадцатого дня, когда я по обычаю сидел за письменным столом, в комнату вбежала Акулина со словами: „Владимир Сергеевич приехал“, и пока я снимал очки и убирал бумаги, он был уже на лестнице» (п. Фета к Д. П. и С. С. Боткиным от 17 апреля 1886 г. РГБ. Ф. 315. К. 3. № 5. Л. 19). Уехал, вероятно, 22 сентября. Этим летом у Фета гостили также Н. Я. Грот и Н. Н. Страхов.

⁵ Речь идет о книге «О вечных истинах (Мой спор о спиритизме)» (СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1887), в которой Страхов собрал свои полемические статьи против А. М. Бутлерова и других сторонников спиритизма. «Бутлеров умер; — писал Страхов Толстому 22 августа 1886 г., — он только тремя днями был моложе Вас. Значит, спор наш кончен; а для меня он имеет огромное значение, которое я и объясню в большом введении. Эта книга — уже выход на новую дорогу, на путь мистицизма, как я его понимаю» (Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. С. 336). 12 марта 1887 г. он сообщал Толстому отзыв Фета об этой книге: «Вчера пришло письмо от Фета, в котором восторги и восхищения от „Вечных истин“ и ни единого слова о том, почему и что ему нравятся» (Там же. С. 346). 9 марта 1887 г. Вл. Соловьев написал Страхову письмо с шуточной критикой его книги о спиритизме, где утверждал, что полемика с Бутлеровым против спиритических чудес «имеет силу

(если имеет) также и против *всяких* чудес и против самого существования невидимых духовных деятелей, — т. е. против всякой религии: ибо хотя, говорят, есть религия без Бога (буддизм), но религии без ангелов и чертей не бывало и быть не может» (Письма Владимира Соловьева. СПб., 1908. Т. 1. С. 31). В следующем письме, от 12 апреля 1887 г., Соловьев прямо заявлял: «Я не только верю во все сверхъестественное, но, собственно говоря, только в это и верю» (Там же. С. 33). Отзыв о критике Страховым спиритизма содержится в обширной статье Соловьева «Россия и Европа», опубликованной в февральской и апрельской книжках журнала «Вестник Европы» за 1888 г. (позднее вошла в книгу «Национальный вопрос в России» (СПб., 1888)). Цитируем по третьему изданию (СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1891): «..., вечные истины» г. Страхова суть не что иное, как основные положения физико-математических наук в том безусловном и безопределенном значении, какое они получают от так называемого *механического мировоззрения*. <...> Однако научная мысль Запада далеко не исчерпывается этим мировоззрением <...> почтенный автор „Борьбы с Западом“ <...> является не только *западником*, но еще *западником крайним и односторонним*» (С. 199–200).

24

Фет — Семенову

17 января 1888 г. Москва

Москва,
Плющиха, собств. дом.

17 января 1888.

Душевноуважаемый Николай Петрович.

Только вчера я получил возможность поднести Вам экземпляр вышедших из печати «Вечерних огней»,¹ и пользуюсь случаем пожелать Вам и всему глубокоуважаемому семейству Вашему всех желательных благ в наступившем новом году. Конечно, Вы твердо убеждены в глубочайшем уважении, которое я питаю как к человеку сердца, слова и подвига. Я уверен, что ничто не в состоянии поколебать в Вас этого убеждения, и вследствие этого Вы, без сомнения, поймете, почему я, во время горестного моего пребывания в Петербурге,² не был у Вас, в числе многих других, к которым все время стремился душою. Достаточно сказать, что на возвратном пути в тверском буфете я едва не упал, к общему соблазну пассажиров, и теперь, при собственном экипаже, не покидаю комнат. Если я не был у Вас, то вся тяжесть лишения падает на меня; если же это нарушение этикета, то требовать исполнения его от меня малым отличается от такого же требования, обращенного к четырех-

дневному Лазарю. Когда не хватает воздуха дышать, все жизненные обязанности упраздняются.

В надежде на великодушие Ваше, прошу принять наши общие с женою сердечные приветствия и верить неизменным чувствам давнишней симпатии

Вашего

искренно преданного

А. Шеншина.

При случае прочтите статейку *о предстоящих реформах* в 14 № «Московских» ведомостей». Там фигурирует Ваше *тягло*.³

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 37–38. На первой странице письма надпись рукой Н. П. Семенова: «Ответ послан 25 января 1888 г. и Беклемишеву отправлено 26 января».

¹ В начале 1888 г. в Петербурге вышел третий выпуск неизданных стихотворений Фета «Вечерние огни». Задержка с выходом в свет этого сборника произошла из-за непредвиденной поездки Фета в Петербург (см. ниже).

² Приезд Фета в Петербург 14 декабря 1887 г. был вызван тяжбой с крестьянами, о чем он писал А. И. и О. И. Иостам 27 декабря: «Если я Вам скажу, что Курское крестьянское присутствие за то, что я выхлопотал и передал нотариальным порядком, как стороннее лицо, две тысячи четырехста рублей воробьевским крестьянам, выдумало отрезать ни с того ни с сего у меня двадцать десятин земли, то Вы найдете, почему я целую неделю пропадал в Петербурге в самый разгар моих изданий и теперь сижу больной и дрожу над каждой минутой времени. Юность должна хлопотать и работать, для того чтобы старость сидела покойно, — но наоборот и неестественно и несносно. / Третий выпуск „Вечерних огней“ еще не вышел по случаю моих разъездов, а „Энеиды“ появилась только половина» (РГБ. Ф. 315. К. 3. № 16. Л. 48 об.–49). Фет прибыл в Петербург 14 декабря (см. п. к К. Р. от этого дня: *Фет/К. Р. С.* 656), вернулся в Москву 23 декабря (см. п. к Д. И. Нагуевскому от 24 декабря 1887 г.: *Фет/Нагуевский. С.* 425). Вл. Соловьев писал Н. Н. Страхову по этому поводу: «Сей неугомонный поборник помещичьей правды против крестьянских злодеяний, наверное, очень удивил Вас своим появлением. Дай только Бог, чтобы эта поездка не очень отразилась на его здоровье. Бедная Марья Петровна ездит по морозу каждый день к Иверской молиться, чтобы Афанасия Афанасьевича не занесло снегом и чтобы петербургские чиновники не свели его с ума» (Письма В. С. Соловьева. Т. 1. С. 48. Письмо б. д.). В этот свой приезд в Петербург Фет впервые встретился с вел. кн. Константином Константиновичем.

³ Имеется в виду статья Фета «По поводу отзывов земств о преобразовании местных учреждений», помеченная 5 января 1888 г. и подписанная псевдонимом «Деревенский житель» (*МВед.* 1888. 14 января. № 14. С. 3–4). Здесь Фет, выступая против раздела земельных участков, писал: «Кабинетные измышления впали в двой-

ную ошибку. Во-первых, неправильно сочтя землевладение исключительною основой благосостояния, они поставили себе задачей наделить каждого этим благом на вечные времена, причем немалая часть населения (дворовые), не получив этого блага, несравненно превосходят благосостоянием облагодетельствованных. Большинство крупных землевладельцев, даже из бывших миллионеров, ищет возможности променять это благо на деньги, а безземельные сословия с каждым годом представляют миллионеров. Следовательно, благосостояние и землевладение не одно и то же. / Во-вторых, в дополнение к этому громадному заблуждению, оставаясь верными основной мысли, кабинетные измышления, просмотревшие у нас патриархальное *тягло*, внесли неслыханное право раздела имущества при жизни главы семейства. При этом они забыли, что земельная собственность менее всякой другой выносит разделы, а тем более переделы» (С. 4).

25

Семенов — Фету

25 января 1888 г. Петербург

С. Петербург.
Вас. остр. 6 линия,
д. № 39.

25 января 1888 года.

Душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич,

На днях получил Вашу драгоценную для меня поэтическую книжку,¹ приятно видеть свежесть чувства в ней и родник поэзии, которая поднимает нас в иной мир и возвращает к невозвратимому свежему и молодому. Спешу принести Вам мою сердечную благодарность. Неужели Вы могли меня отчислить хоть на минуту в ряды формализующихся искусственными светскими условиями приличий. Отношения симпатии, так сказать союза сердец, дружбы и всех истинно человеческих отношений стояли для меня всегда неизмеримо выше всяких условных отношений. С этой стороны будьте без всяких сомнений, а глубокое уважение, которое я к Вам питаю, и сочувствие к Божью помазанию, как я называю талант вообще, даруемый уже^а от рождения, делает мои чувства неизменными и независимыми от тлена сего мира.

Указанный Вами фельетон «Московских ведомостей»² я прочел и могу только сказать, что приближение к путям истинным совершается

^а уже — *вписано над строкой.*

с черепашьей медленностью и в общественном сознании, а в высших сферах вбиты какие-то гвозди, которые мешают усесться на чем-нибудь твердом, и от пресловутых проектов Мин<истерства> внутр<енних> дел я не ожидаю, чтоб вышло удовлетворительное вполне для нас, на потребу. Я мучаюсь теперь с моим приступом к печатанию 1-го тома моего труда,³ именно приходится вставлять и дополнять в печатных оттисках, а места на полях нет, прескучная работа, впрочем, в манипуляции этой помогает мне племянник жены,⁴ у нас живущий и только что получивший степень кандидата в здешнем университете, только что открытом 21 сего января, и то дело⁶ идет медленно, а переговоры с типографией (бывшею II отделения собств<енной> Е. В. канцелярии) еще не могут окончиться, потому что это устраивается моим сыном,⁵ а он до 7 февраля так поглощен своей службой, что я его целые дни не вижу, и до того времени на него ничего возлагать нельзя; дай Бог, чтоб в феврале мне удалось продержаться корректуры хотя первых двух, трех листов моей первой книги «Освобождение крестьян в России». Раз что дело начнется настоящим образом, то уж пойдет. Ожидаю сего дня Никол<ая> Никол<аевича> Страхова, у которого был в прошлый четверг, 22 января, в его сборный вечер. Когда мы немногие съехались, то Ник<олай> Никол<аевич> еще не возвратился к себе и на столе его заметили только что полученное и еще не распечатанное Ваше письмо.⁶ В январской книжке «Русск<ого> вестн<ика>» печатается между прочим интересная статья Любимова: «М. Н. Катков, по личным воспоминаниям»,⁷ рекомендую Вам прочесть. У нас стояли крепкие морозы, теперь отдают заметно, сего дня только 5° холода. Снегу довольно. В политике внешней и внутренней затишье у нас. Я, впрочем, так погружен в свою работу, что мало вижу властных лиц. Будьте добры передать мое сердечное приветствие Марии Петровне. Всей душою преданный и в чувствах неизменный

Николай Семенов.

На конверте:

Его Высочородию
Афанасию Афанасьевичу
Шенишину.

В Москву, на Плющихе, в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) 27 января 1888, Петербург; 2) 28 января 1888, Москва.

⁶ дело — вписано над строкой.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20289. Л. 33–34 об.; конверт — л. 35. На лицевой стороне конверта запись рукой Фета: «Семенов».

¹ Имеется в виду третий выпуск «Вечерних огней» Фета (М., 1888).

² См. примеч. 3 к п. 24.

³ Имеется в виду первый том труда Семенова «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу» (СПб., 1889).

⁴ О ком идет речь, установить не удалось.

⁵ Имеется в виду старший сын Семенова Петр.

⁶ Это письмо Фета к Страхову до нас не дошло.

⁷ Статья ближайшего сотрудника Каткова по «Московским ведомостям» и «Русскому вестнику» *Николая Алексеевича Любимова* (1830–1897) «М. Н. Катков (По личным воспоминаниям)» печаталась в «Русском вестнике» в течение двух лет (1888. № 1–3, 7–8; 1889. № 2–3), затем вышла отдельным изданием под заглавием «М. Н. Катков и его историческая заслуга» (СПб., 1889).

26

Фет — Семенову

23 февраля 1889 г. Москва

Москва,
Плющиха, соб. дом.

23 февраля 1889.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Глядя на полновесный и изящный первый том: «Освобождение крестьян»,¹ переданный мне от имени Вашего Николаем Яковлевичем Гротом, я проникаюсь не одним чувством живейшей признательности за выраженные ко мне в надписи чувства, но и останавливаюсь едино-временно перед громадным историческим памятником, сооруженным Вашей искусной и трудолюбивой рукой.

Зная по собственному опыту, что значит избранный умственный труд, и давно знакомый с рядом всевозможных препятствий, лежавших на пути к обнаружению Вашего памятника, я живо представляю себе ту радость и вполне заслуженную гордость, с которою Вы наконец взираете на свое роскошное издание. Конечно, окончание такого капитального труда, будучи праздником серьезной литературы, является прежде всего Вашим душевным торжеством, и я считаю себя вполне счастли-

вым, что могу по этому случаю выразить Вам ту давнишнюю и сердечную симпатию, с которой имею честь быть

Вашего Превосходительства
неизменно преданный
А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 39–40.

¹ Имеется в виду первый том книги «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу» (СПб., 1889).

27

Фет — Семенову

1 февраля 1890 г. Москва

Москва,
Плющиха, соб. дом.

1 февраля 1890.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Вчерашнего числа обрадовавшая нас появлением к обеду, милейшая племянница Ваша Наталья Яковлевна¹ вручила мне второй том сооруженного Вами исторического памятника, — «Освобождения крестьян».² Излишне говорить, насколько я, отчасти сам знакомый с кабинетным трудом, не менее всякого способен оценить громадную заслугу Вашу и дорожу неизменным вниманием ко мне человека, столь блистательно заявившего себя на стихотворном поприще.³

Жена моя просит передать Вам ее сердечное приветствие, а я прошу засвидетельствовать многоуважаемой супруге Вашей то искреннее почтение, с каким имею честь быть

Вашего Превосходительства
искренно признательный
А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 41–41 об.

¹ Имеется в виду *Наталья Яковлевна Грот* (в замуж. Погожева; 1860–1918), дочь Я. К. и Н. П. Гротов. Расстреляна в марте 1918 г. (*Семенов-Тянь-Шанский В. П.* То, что прошло. Т. 2. С. 432).

² См. примеч. 1 к п. 26.

³ Фет имеет в виду прежде всего переводы Семенова из Мицкевича. См. примеч. 4 к п. 2.

28

Фет — Семенову

9 октября 1890 г. Москва

Москва,
Плющиха, соб. дом.

9 октября 1890.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Зашедший вчера к нам Николай Яковлевич Грот передал нам, к крайнему нашему удивлению, что Вы уже проехали в Петербург, а потому вместе с сим спешу переслать Вам мои «Воспоминания»,¹ которые надеялся иметь радость передать Вам лично. Судя по обычной подвижности Вашей, не хочу верить, что передвижение составляет и для Вас, как для меня, по немецкому выражению, твердый для разгрызения орех.² Жена просит меня присоединить ее глубокий поклон, а я прошу напомнить многоуважаемой супруге Вашей задыхающегося старика, обеспокоившего ее в последний приезд в Петербург.

С чувством неизменного почтения и признательности

Вашего Превосходительства

сердечно преданный

А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 43–43 об. На первой странице письма надпись: «Ответ послан 23 октября 1890 г.».

¹ В марте 1890 г. в типографии А. И. Мамонтова в свет вышли отдельным изданием два тома «Моих воспоминаний» Фета, сначала печатавшиеся в журналах «Русский вестник» и «Русское обозрение». Об истории публикации мемуаров Фета см.: *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. Саратов, 2008. С. 322–336.

² Имеется в виду немецкая идиома «eine harte Nuß» («крепкий орешек»).

Семенов — Фету

22 октября 1890 г. Петербург

С. Петербург.

22 октября 1890.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Спешу, хотя и не без невольной задержки, принести Вам большую мою благодарность за присылку Ваших интересных «воспоминаний»,¹ а вместе с тем и за обязательное письмо Ваше от 9 сего октября, которые я получил в один и тот же день. Я прибыл в Петербург 5 сего октября. В Москве я был вынужден перебраться только с дебаркадера на дебаркадер, ибо мне не было дозволено доктором покидать железной дороги и велено было ехать из деревни прямо в Петербург, из опасения, после тяжкой моей болезни, продолжавшейся несколько месяцев, подвергнуться простуде, ибо, начав с инфлуэнцы еще 5 декабря минувшего 1888 года, я должен был одно за другим вынести бронхит, плеврит, воспаление в легких и наконец два в них нарыва, т. е. в обоих легких вместе. Бог воздвиг меня, однако. Я поправился значительно; но все еще недомогаю. К тому же с нами не было и теплого платья, так как я не рассчитывал пробыть в этот раз долее второй половины сентября; но до 28 числа была такая дивная и теплая погода, что не хотелось выехать из деревни, а к 3 октября, — дню нашего выезда в Петербург, нас неожиданно захватил даже снег и холод. Вот причина того, что даже к племянникам не мог я^а заехать, и мне не удалось их видеть. Вот причина, почему не мог доставить себе одного из больших для меня удовольствий побывать у Вас и видаться с Вами. Николай Николаевич Страхов свидетель моего по этому поводу огорчения, так как я увиделся с ним чуть ли не на другой день, или даже в самый день моего приезда сюда. У меня теперь много хлопот с печатанием 3-го тома моего труда. Болезнь мне немало сделала помех. Пришлось разделить 3-й том на две части уж по тому одному, что он был бы неприлично толст — листов до 80 печатных. Слава Богу, что^б это разделение, по смыслу изложения, сделалось возможным; к этому разделению меня побудило и то, что если б я все это печатал в одной книге, то все равно в нынешнем, т. е. будущем

^а я — вписано над строкой.

^б Далее зачеркнуто: хоть

1891-м^в году, я не успел бы ее выпустить, а теперь 1-я часть третьего тома будет готова к декабрю, и может быть выпущена в самом начале января 1891 года,² вся эта книга, кроме приложений, набрана уже,^г а 2-я часть выйдет, надеюсь, в самом начале 1892 года.³ Меня задерживает несколько все-таки еще мое недомоганье. 7 октября немедленно по приезде мы отпраздновали и торжественно и сердечно юбилей Афанасия Федор<овича> Бычкова,⁴ и после того меня посадили на несколько дней, чтоб не покидать жилища, какая-то простуда засела^а в голове, и шею повернуть больно. У нас все тихо и мирно. Прошу передать мое сердечное приветствие Марье Петровне; благодарю ее за добрую память. Мне привез известия от Вас сын,⁵ который был у Вас. Жена просит передать Вам тоже ее искренний поклон, и сын свидетельствует Вам и Марье Петровне глубокое почтение. Пожелав Вам всего лучшего, остаюсь душевно преданный и в чувствах неизменный

Николай Семенов.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 7. Л. 1–2 об.

¹ См. примеч. 1 к п. 28.

² Третий том книги «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу» вышел в свет в 1891 г. в двух частях. Часть 1 имела подзаголовок «Третий период занятий». В предисловии к тому Семенов писал: «Третий том, соответствующий третьему периоду занятий Комиссий, по содержанию своему распадается на две части. Ныне издаваемая первая часть этого тома представляет, на тридцати двух печатных листах, окончание разработки положений, а вторая часть, имеющая выйти в свет в следующем году, будет содержать в себе заключительные работы. / Такое разделение третьего тома на две книги дает возможность автору, не откладывая выпуска в свет всего обширного третьего тома, выполнить первоначальное его предположение — выпускать последовательно каждый год по одной книге своего труда, и представляет следующее практическое удобство: последняя часть третьего тома, где излагаются заключительные работы, которые сосредоточили обсуждение заключений всех докладов Отделений и свели в одно целое окончательные положения Редакционных комиссий, является отдельной книгой, которою можно пользоваться независимо от других частей или книг этого труда» (С. V–VI).

³ Вторая книга третьего тома «Освобождения крестьян в царствование императора Александра II» вышла в 1892 г.

^в т. е. будущем 1891-м — *вписано над строкой.*

^г *Со слов:* вся эта книга ~ набрана уже — *вписано над строкой.*

^а засела — *вписано над строкой.*

⁴ О праздновании 50-летнего пребывания на государственной службе А. Ф. Бычкова его сослуживец по Публичной библиотеке Н. Н. Страхов писал Фету 25 октября 1890 г.: «Афанасия Федоровича Бычкова Вы знаете; все его так любят, что его юбилей вышел блистательным, какого не бывало, и награда от Государя необыкновенная — Бычков сделан членом Государственного совета. Он сам был лучше всех — так радостен и неутомим в ответах. Я у него завтракал и вместе с другими давал ему обед у Контана» (*Фет/Страхов*. С. 506). А. Ф. Бычков (1818–1899) — академик, известный библиограф, историк, служил в императорской Публичной библиотеке с 1844 г., с 1882 г. и до самой смерти был директором библиотеки (см.: *Голубева О. Д.* Бычков А. Ф. // *Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь*. СПб., 1995. Т. 1: Императорская Публичная библиотека: 1795–1917. С. 115–123). Возможно, Фет познакомился с А. Ф. Бычковым через Страхова в один из своих приездов в Петербург.

⁵ Очевидно, старший сын Семенова Петр.

30

Фет — Семенову

30 марта 1891 г. Москва

Москва,
Плющиха, соб. дом.
№ 481.

1891 г. 30 марта.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Если слово дилетант разуместь в смысле наслаждающегося своим делом, в противоположность Brotstudium'a работе из-за хлеба, то мы с Вами, слава Богу, дилетанты, и только этим объясняется та добросовестность в отделке, которым^а отличается Ваша книжка, из которой каждый стих бьет в глаза этими качествами.¹

Конечно, я вполне признаю свое малодушие и наивность, хотя по крайней мере рад, что вижу их. Наивность эта состоит в надежде, что наши соотечественники и люди вообще могут когда-либо руководиться законами преданности в своих суждениях, тогда как вся история указывает, что люди руководствуются не разумом, а хотением — волей. — Но эта самая воля служит и источником симпатий и антипатий. — Так не удивляйтесь, что я морально жмусь к Вам, чуя в Вас одного из немногих и очень немногих требующих вопроса: почему?

^а Так в копии.

Почему, например, люди полагают, что крестьянин недоимщик на 40-рублевой земле станет исправным плательщиком на 160-рублевой, с которой бегут те, которые ее получили даром? — Тут и логика и математика в ущербе.

Ваш деревенский, как и городской адреса у меня в памятной книжке давным-давно, а мой постоянный деревенский адрес:

Московско-Курской ж. д. станция Коренная Пустынь, А. А. Шеншину.

Послезавтра отсылаем людей и лошадей, а в среду 3 апреля сами садимся в вагон. Жена просит передать Вам ее усердные приветствия.

Прошу принять уверения в неизменном уважении

Вашего
А. Шеншина.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 45–46.

¹ Имеется в виду книга: *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу. СПб., 1891. Т. 3. Ч. 1: Третий период занятий. См. также примеч. 2 к п. 29.

31

Фет — Семенову

9 апреля 1891 г. Москва

Москва,
Плющиха, соб. дом.

9 апреля 1891.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Прошлой осенью Н. Я. Грот сообщил мне, что по случаю спешного проезда Вашего через Москву Вы не могли обрадовать нас обычным любезным посещением. В полученном третьего дня третьем томе обширного исторического труда Вашего¹ я вижу отрадный признак, что Вы не забыли меня. Если бы я не торопился выразить Вам мою сердечную признательность, то ответил бы присылкою двухтомного Марциала, поступившего вчера в Цензурный комитет. Все равно, по выходе книги из цензуры, я буду иметь честь представить ее на Ваш суд.²

Прошу принять и передать многуважаемой супруге Вашей выражения совершенной преданности

Вашего
А. Шеншина.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 47–47 об. На первой странице письма запись: «1891 г. 22 апреля послан ответ и за „вечерние отблагодарение“».

¹ См. примеч. 1 к п. 30.

² Эпиграммы Марка Валерия Марциала в переводе и с объяснениями Фета вышли в Москве, в типографии А. И. Мамонтова в двух частях в первых числах апреля 1891 г. Переводы были даны параллельно с латинскими текстами. В предисловии к Марциалу гр. А. В. Олсуфьев охарактеризовал поэта как «бесстыдного льстеца кровожадного Домициана, друга и наперника презренного доносчика Регула», «неблагодарного сына, развратного циника, гнусного паразита», который «не должен надеяться в конце XIX столетия на снисходительный приговор». Фет в письме к Олсуфьеву от 23 июля 1888 г. назвал такой взгляд «самобытным, хотя и накладным для нашего поэта воззрением», в письме от 1 августа того же года — «судом над Марциалом» (*Письма к Олсуфьеву* (51). С. 245). Первоначально планировалось, что предисловие к переводам Марциала будет написано Олсуфьевым, но в конце концов его биографический очерк был опубликован отдельно, сначала в «Журнале Министерства народного просвещения», затем отдельной книжкой (М., 1891).

32

Семенов — Фету

22 апреля 1891 г. Петербург

22 апреля 1891 года.

Христос воскрес!

Дорогой, душевноуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Примите мое сердечное поздравление с новым годом (он наступает ведь ежедневно, а 1-го января мне не удалось Вас поздравить) и с наступившим Светлым праздником, и будьте добры передать тоже мое поздравление достойнейшей Марии Петровне, с искренними пожеланиями Вам всего лучшего в мире.

Я несказанно виноват перед Вами. Получив еще прошлую осенью драгоценный для меня Ваш подарок «Вечерние огни», выпуск 1891 года;¹

я, можно сказать, собирался ежедневно принести Вам мою душевную благодарность, а на днях получил еще с Вашим письмом от 9-го сего апреля новый дар — двухтомного Марциала;² но при моих все еще слабых, после тяжелой болезни, силах и тяжелой работе — окончания моего труда, не дававшего мне до сего дня^а ни отдыха, ни срока и поглощающего меня всецело, мне не удалось исполнить моего душевного желания — написать к Вам. Однако я все-таки успел прочитать весь^б присланный Вами последний выпуск «Вечерних огней», урывками конечно, при моих недосугах, и иное не один раз. Что за прелесть — вот настоящий родник поэзии, и как живо. Итак, приношу мое запоздалое благодарение за предшедшую посылку вместе с настоящей последней посылкой. Содержимое в прочитанной уже^в мною Вашей книжке доставило и будет еще доставлять мне много минут высокого наслаждения.

Боюсь, как бы^г это письмо мое, долженствующее облегчить для меня,^д хотя несколько, вину моего долгого молчания, не пришло к Вам в Москву после Вашего отъезда в деревню. Сам я чаю выехать отсюда 5-го или 7 мая. Сомнительно, чтоб я тогда застал Вас в Москве. Если ж почему-либо Ваш отъезд состоится позже, тогда проездом через Москву я, конечно, буду у Вас. В противном случае, я думаю, что наверно застаю Вас осенью, в проезд обратный сюда из деревни, что будет во второй половине октября, по моим предположениям.

У нас, несмотря на дни Светлого праздника, все строится к трауру. В среду 24 апреля ожидается привезение сюда останков почившего Великого Князя Н<иколая> Н<иколаевича>, а в пятницу погребение.³ Я был с старшим сыном у заутрени на светлый праздник в Зимнем дворце, обычные в эту ночь радость и сияние как будто были^е подернуты флером. В городе тишина, хотя установленный благовест церковью и раздается.

Всей душой преданный Вам и в чувствах неизменный

Николай Семенов.

Жена моя поручает передать Вам благодарение за память о ней и искреннее поздравление с Светлым праздником, а также и дети, свидетельствуя их глубокое к Вам уважение.

^а до сего дня — *вписано над строкой.*

^б весь — *вписано над строкой.*

^в уже — *вписано над строкой.*

^г как бы — *вписано над зачеркнутым: чтоб*

^д для меня — *вписано над строкой.*

^е были — *вписано над строкой.*

На конверте: Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шенишну.
В Москву. На Плющихе, в собственном доме.

Почтовый штемпель: 23 апреля 1891, Петербург.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 7. Л. 3–4; конверт — л. 5.

¹ Речь идет о четвертом выпуске «Вечерних огней», который оказался последним, вышедшим при жизни поэта. Он вышел в Москве в начале ноября 1890 г.

² См. примеч. 2 к п. 31.

³ Вел. кн. Николай Николаевич (р. в 1831) скончался 13 апреля 1891 г. в Алупке, последние годы тяжело болел, похоронен в Петропавловском соборе в Петербурге.

33

Фет — Семенову

24 июля 1892 г. Воробьевка

Мос.-Кур. ж. д.
ст. Коренная Пустынь.

18 $\frac{24}{7}$ 91.

Многоуважаемый Николай Петрович.

Только третьего дня Страхов в письме своем разъяснил мне, в чем именно состоит глубокая скорбь, поразившая Ваше семейство.¹ Простите великодушно, если строки мои некстати пробудят сердечную боль Вашу, но, даже осуждая меня, Вы поймете, что я не мог оставаться безучастным к тяжелой скорби, Вас поразившей. Жизнь так устроена, что поражающие нас удары болезненно отзываются и на людях духовно нам близких. Если найдете возможным, поцелуйте за меня руку глубокоуважаемой Надежды Павловны.

Неизменно преданный

А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 49–49 об.

¹ В письме от 17 июля 1891 г. Н. Н. Страхов сообщал Фету о смерти младшей дочери Семеновых Маргариты (р. 1879): «Николай Петрович потерял свою малень-

кую дочь Маргариту; ей шел 12-й год. Она была сокровищем и утешением всей семьи, была необыкновенно красивое, умное и кроткое существо. Уже за два года до смерти она совершенно правильно писала по-русски и по-французски. Мать, Надежда Павловна, очень набожна, и Маргарита стала очень набожна, читала Евангелие, знала все церковные службы и т. п. Ее покосил тиф, — язвы в кишках, она изошла кровью» (*Фет/Страхов*. С. 521). В следующем письме от 28 августа 1891 г. он писал: «Что Вам сказать о нем (Н. П. Семенове. — *Н. Г.*)? Он видимо постарел после смерти дочери. Все у них потускнело с тех пор, как гроб Маргариты стоит в родовом их склепе у церкви села Урусово. На нем много венков и цветочных и металлических, и к нему каждое воскресенье прикладываются, как к мощам» (Там же. С. 522).

34

Фет — Семенову

23 октября 1891 г. Москва

Москва,
Плющиха, соб. дом.

18 $\frac{23}{X}$ 91.

Многоуважаемый Николай Петрович.

В нынешнем году различные, но нестерпимо болезненные припадки прогнали нас с женою ранее обычного из деревни в Москву. Здесь хотя и посещают нас приятели: на днях обедали Н. Я. и Н. Н. Гроты, тем не менее мы оба с женою позволяем изредка вывозить себя скорее в виде мумий, чем людей.

Понятно, как горько было нам именно в такой день застать у себя вместо Вас Вашу карточку. Будем надеяться, что с обычной добротой Вы извините этот для нас прискорбный случай, принимая наши усердные приветствия.

Уверенный, что Вы поцелуете за меня руку глубокоуважаемой Надежде Павловне, имею честь быть Вашего Превосходительства

неизменно преданный
А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 51–51 об.

35

Фет — Семенову

7 января 1892 г. Москва

Москва,
Плющиха, соб. дом.

18 $\frac{7}{1}$ 92.

Глубокоуважаемый Николай Петрович.

Вчера обрадовавшая нас своим посещением Наталья Яковлевна¹ передала мне дорогой Ваш подарок² вместе с любезными приветствиями. Прося принять искренние выражения глубочайшей признательности за память, желаю Вам и многоуважаемой Надежде Павловне всего лучшего к новому году.

Милая племянница Ваша передала мне о Вашем перемещении на новую великолепную квартиру.

Если бы Вы знали, в какой мере настоящая голодовка привела в брожение и без того сильные дрожжи моих социальных интересов,³ то без труда поверили бы, до какой степени я ценю многолетний труд Ваш, которым Вы создали себе нерукотворенный памятник в исторической нашей литературе. Конечно, не Ваша вина, что это нетленный памятник самых горестных и почти непоправимых ошибок. Самый первостатейный фотограф не ручается за личную красоту своих клиентов. Мне даже довелось слышать мнения, что современные революционеры, отчаиваясь в успешности опираться на народ, стараются опереться на правительство и, проникая все более во влиятельные сферы, вести народ волею и неволею к окончательной коммуне. Утешаюсь мыслью, что в конце концов история творит сама себя, т. е. из сил не подвластных воле человека.

С пожеланием главнейшего блага — здоровья — прошу верить душевной признательности, с какой имею честь быть

Вашего Превосходительства

преданный

А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 23. Л. 53–54.

¹ См. примеч. 1. к п. 27.

² Фет откликается на присылку второй части третьего тома труда Н. П. Семенова «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу» (СПб., 1892).

³ Лето 1891 г. оказалось неурожайным, вследствие чего в семнадцати губерниях Черноземья и Среднего Поволжья разразился голод. Экономические неурядицы привели к тому, что к этому времени крестьяне оказались лишенными запасов зерна, начались эпидемии тифа и холеры. Правительство ввело ряд чрезвычайных мер для помощи голодающим, в том числе выделило ссуды на закупки зерна, открывались благотворительные столовые и т. д. Уже с 15 августа 1891 г. был запрещен экспорт ржи и отрубей. Фет близко к сердцу принял народное бедствие и выступил с рядом статей, связанных с голодом. Уже в статье «Гром не грянет, мужик не перекрестится», написанной в августе 1891 г., Фет говорил о «тяжкой године жестокого неурожая, к которой распушенность и бесконтрольность привели нас, можно сказать, без копейки продовольственных сумм и без зерна запасного хлеба» (*МВед.* 1891. 21 августа. № 230. С. 4). При этом Фет выступал против даровой раздачи хлеба, считая, что подобные меры не спасают, а усложняют ситуацию: для того, чтобы в неурожайные годы крестьяне не голодали, необходимо обеспечить население дополнительными заработками. По поводу печатных выступлений Фета даже возникла полемика его с «Новым времени», анонимный автор которого советовал поэту писать стихи и не вмешиваться в дела неурожая (Вечерние страхи А. А. Фета // *НВр.* 1891. 22 октября. № 5621. С. 3). Вынужденный отвечать, Фет напомнил, что его опыт землевладельца, к тому же исполнявшего 11 лет обязанности мирового судьи, дает ему право высказываться относительно «деморализующего зла, порождаемого бесконтрольною раздачей помощи нуждающимся» (*Фет А.* Ответ «Новому времени» // *МВед.* 1891. 1 ноября. № 302. С. 6).